ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ

САМОУПРАВЛЕНІЯ КІЕВА

ПО

МАГДЕБУРГСКОМУ ПРАВУ.

И. Каманина.

Оттискъ изъ „Кіевской Старины.“

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1888.

2007231678

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ САМОУПРАВЛЕНІЯ КІЕВА ПО МАГДЕБУРГСКОМУ ПРАВУ.

Въ Высочайшемъ указѣ, данномъ 23 декабря 1835 года Правительствующему Сенату, выражено: „Въ особенномъ Нашемъ вниманіи къ благосостоянію города Кіева, желая всемѣрно способствовать успѣхамъ населенія его и промышленности, признали нужнымъ обозрѣть въ подробности настоящій порядокъ его управленія. Изъ свѣдѣній, по сему Намъ доставленныхъ и въ Государственномъ Совѣтѣ подробно разсмотрѣнныхъ, удостовѣряюсь, что сей порядокъ не соотвѣтствуетъ существеннымъ выгодамъ города и что права, нѣкогда ему данныя *и на первый случай* впредь до усмотрѣнія подтвержденныя, одни давно уже сами собою прекратились, другіе же въ теченіи времени и съ перемѣною мѣстныхъ обстоятельствъ, измѣняясь въ ихъ дѣйствіи, *обратились во вредъ и отягощеніе цѣлому составу городскаго общества*, признали Мы за благо, согласно мнѣнію Государственнаго Совѣта, постановить: 1) по примѣру другихъ городовъ учредить на основаніи городоваго положенія Городскую Думу, а равно упразднить Городскую Коммиссію и передать ея дѣла въ Думу; 2) присвоить Магистрату Кіева въ отношеніи Губернскаго начальства и судебныхъ мѣстъ всѣ права и обязанности, какія присвоены прочимъ магистратамъ; 3) освободить Городское Общество отъ содержанія городской стражи (2000 человѣкъ пѣхоты и 500 конницы), какъ отъ повинности для благоустройства города по настоящему его положенію безполезной; 4) распространить рекрутскую повинность на всѣхъ мѣщанъ, приписанныхъ къ городу послѣ ревизіи 1782 года, а со старожилыхъ взыскивать по 1 т. руб. за каждаго слѣдуемаго съ нихъ рекрута; 5) подчинить мѣщанъ въ ихъ искахъ о безчестіи общимъ законамъ; тѣмъ же, которые пользо-

вались въ такихъ искахъ шляхетскимъ правомъ, назначать вознагражденіе вчетверо больше, сравнительно съ простыми мѣщанами“ [1]).

Такимъ образомъ, въ 1835 году, въ Кіевѣ отмѣнено было магдебургское право, пожалованное ему еще въ концѣ XV в. и просуществовавшее въ немъ нѣсколько столѣтій. Съ воспоминаніемъ объ этомъ фактѣ соединяется обыкновенно неясное представленіе о какомъ-то чрезвычайномъ событіи, послужившемъ поводомъ къ отмѣнѣ стараго порядка, но остававшемся для насъ неизвѣстнымъ; этимъ же невѣдѣніемъ, полагаемъ мнимымъ, истинной причины реформы кіевскаго городскаго управленія проникнутъ и памятникъ современной рукописной литературы: „Скорбь кіевлянъ“ [2]), стихотвореніе магистратскаго писца, отдѣлывающагося намеками и гаданіями относительно совершившагося факта, вѣроятно, изъ боязни оскорбить рѣзкою правдою, которой онъ по мѣсту своего служенія въ магистратѣ не могъ не знать, самолюбіе своихъ недавнихъ, но еще сильныхъ покровителей и начальниковъ.

Разъясненіе этого затемненнаго, и благодаря прежнему порядку судопроизводства, малоизвѣстнаго событія оказывается нынѣ возможнымъ лишь по изученіи старыхъ дѣлъ, хранящихся нынѣ въ центральномъ университетскомъ архивѣ и проливающихъ свѣтъ на положеніе кіевскаго городскаго управленія въ концѣ прошлаго и началѣ текущаго столѣтій. Изъ этихъ-то дѣлъ мы и узнаемъ о широкихъ злоупотребленіяхъ членовъ кіевскаго магистрата, кончившихся для нихъ отрѣшеніемъ, по указу Сената 10 авг. 1834 г., отъ всѣхъ занимаемыхъ ими должностей, какъ лицъ, состоящихъ подъ судомъ и слѣдствіемъ, указу, исполненіе котораго во многомъ зависѣло отъ замѣны шести-гласной думою кіевскихъ городскихъ учрежденій, основанныхъ на магдебургскомъ правѣ, со всѣми привилегіями, отличавшими Кіевъ отъ другихъ русскихъ городовъ, малопонятными начальству и служившими только помѣхою контролю послѣдняго надъ городскою автономіею.

---

[1]) Полн. Собр. Зак. Собр. 2, т. X., Приб., стр. 47, № 7694, а.

[2]) Кіевская Старина, 1882 г., май.

На основаніи указанныхъ нами дѣлъ мы имѣемъ въ виду не только очертить злоупотребленія кіевскаго магистрата, кончающіяся его, такъ сказать, самоуничтоженіемъ, но и выяснить также исторически сложившіяся причины этихъ злоупотребленій, которыя приводили привилегированное самоуправленіе Кіева къ столь печальному исходу.

I.

Злоупотребленія кіевскихъ войтовъ и другихъ магистратскихъ чиновъ сдѣлались извѣстными, благодаря энергическимъ разоблаченіямъ кіевскаго мѣщанина Василія Наумовича Кравченка.

Сей послѣдній принадлежалъ къ мясному цеху и занимался въ мирное время торговлей, а въ военное время бралъ на себя подрядъ по поставкѣ для русской арміи лошадей. Человѣкъ онъ былъ болѣе или менѣе состоятельный, къ числу представителей городскаго суда и администраціи не принадлежалъ и часто съ ними враждовалъ. Возмущался ли Кравченко злоупотребленіями войтовъ и бургомистровъ въ силу своей честности, оскорблялось ли его самолюбіе тѣмъ, что ему самому не удалось засѣдать въ магистратѣ, или оно было уязвлено случайными столкновеніями съ магистратскими чинами,—рѣшить трудно. Изъ поднятаго имъ дѣла, тянувшагося свыше 20 лѣтъ, видно, что противники Кравченка, не смотря на сильное желаніе отомстить своему обличителю и привлечь его самого къ уголовной отвѣтственности, не могли при всемъ стараніи найти для этого какого-либо повода и основанія. Остается поэтому думать, что Кравченко былъ честный, самоотверженный человѣкъ, во имя справедливости затѣявшій борьбу съ богатыми и сильными купцами, которые держали въ своихъ рукахъ судъ и управленіе городомъ и составляли между собою тѣсно связанную родствомъ и общими интересами лигу. Начавъ эту борьбу въ такое время, когда на судѣ правда оставалась за тѣмъ, кто больше платилъ, Кравченко, какъ самъ заявлялъ въ одномъ изъ своихъ прошеній, просудилъ большую половину своего

состоянія; тѣмъ не менѣе, съ замѣчательною энергіею и настойчивостью, онъ преслѣдовалъ разъ намѣченную цѣль и успокоился только тогда, когда достигъ желаннаго успѣха; успѣхъ же этотъ тѣмъ лишь и обезпечилъ, что сдѣлалъ преступленія магистратскихъ чиновниковъ на столько гласными, на сколько это было возможно въ его время; неутомимо одну за другою подавалъ онъ жалобы губернскому прокурору, гражданскому губернатору, генералъ-губернатору, министрамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ и даже въ Сенатъ, лишивъ такимъ образомъ своихъ противниковъ возможности замять дѣло въ мѣстныхъ низшихъ инстанціяхъ.

Началось это громкое дѣло по слѣдующему маловажному, повидимому, поводу: 8-го января 1821 г., въ магистратѣ происходили выборы ремесленнаго головы и на другія городскія должности. Выборы производились голосами, а не шарами. Были, вѣроятно, избраны неугодные Кравченку лица, и онъ протестовалъ тутъ же, но не противъ избранныхъ, а противъ способа избранія. Присутствовавшій на выборахъ полиціймейстеръ Дуровъ, равно и члены магистрата, не обратили вниманія на его слова; Кравченко пожаловался губернатору, и выборы 8 января были отмѣнены. На новыхъ выборахъ 11-го января того же года стали опять избирать голосами, а не шарами. Кравченко замѣтилъ, что выборы должны производиться шарами. Войтъ Григоренко, бургомистръ Лакерда и другіе члены магистрата отвѣчали, что такого закона нѣтъ. Кравченко стоялъ на своемъ и тѣмъ еще болѣе раздражилъ городскихъ представителей. Возгорѣлся общій споръ, пошли взаимныя пререканія на выборахъ, мѣщане раздѣлились на двѣ партіи: одна, по убѣжденію войта и магистратскихъ чиновъ, составила опредѣленіе объ исключеніи Кравченка, какъ человѣка безпокойнаго, изъ мѣщанскаго общества; другая, напротивъ, выдала ему свидѣтельство, что онъ „есть честной и безпорочной жизни, полезный и спокойный въ обществѣ, защищающій вездѣ справедливость и открывающій оную“. Чувствуя-ли себя не совсѣмъ правымъ, или не желая затѣвать большого дѣла, Кравченко на другой же день ходилъ къ войту и „убѣдительно и слезно“ просилъ его уничтожить обидное для него опредѣленіе.

Войтъ передъ иконою клялся, что исполнитъ просьбу, а между тѣмъ не исполнялъ; девять дней ходилъ къ нему Кравченко и все безуспѣшно. Это-то глубокое оскорбленіе мѣщанскаго самолюбія и было тѣмъ толчкомъ, который двинулъ Кравченка на борьбу съ вѣковой неправдой, успѣвшей пустить широкіе и глубокіе корни. Въ многочисленныхъ прошеніяхъ своихъ въ разныя правительственныя учрежденія и къ высшимъ сановникамъ государства Кравченко обвинялъ членовъ магистрата въ томъ, что они взыскиваютъ самовольно при сборѣ подушныхъ въ значительномъ количествѣ излишнія деньги, разоряя этимъ мѣщанъ и приводя ихъ къ нищетѣ; собранныхъ такимъ образомъ денегъ въ расходъ не показываютъ и вообще не даютъ обществу отчетовъ въ городскихъ суммахъ со времени „послѣдней ревизіи“ (1816 г.). Первая такая жалоба подана была Кравченкомъ 18 янв. 1821 г. кіевскому гражд. губернатору Бухарину. Это всполошило магистратъ, ибо еще на выборахъ 11 января мѣщане въ числѣ 42 человѣкъ жаловались на тягость и разорительность налоговъ, порицали избраніе стараго базарнаго Нечаева въ десятый разъ въ ту же должность и желали видѣть на ней новое лицо, а 7-го февраля всѣ цехи единодушно въ поданномъ ими въ магистратъ заявленіи протестовали противъ налоговъ, собиравшихся сверхъ подушныхъ, и отказались платить таковые. Представители городского самоуправленія возбудили вопросъ, имѣетъ-ли право Кравченко подавать жалобы отъ имени цѣлаго общества, когда ему 42 мѣщанами выдано только свидѣтельство о поведеніи, а не довѣренность; рядомъ съ этимъ въ магистратѣ производилось „устрашеніе“ тѣхъ, кто раньше другихъ подписалъ выданное Кравченку свидѣтельство, и двое изъ нихъ перешли на сторону его противниковъ. Но нашлось 40 смѣльчаковъ, которые 9 февр. 1821 г. выдали Кравченку формальную довѣренность „доходить по начальству защиты и правосудія“. Эта довѣренность, или открытый „вѣрющій листъ“, выражаясь юридическимъ языкомъ того времени, была явлена и посвидѣтельствована 11 февраля въ кіевскомъ нижнемъ земскомъ судѣ, гдѣ и записана въ актовую книгу подъ № 744. Тѣмъ не менѣе, хотя губернское правленіе назначило слѣдственную коммиссію изъ полиціймейстера Дурова

и казенныхъ дѣлъ губернскаго стряпчаго Бакалова для изслѣдованія, указанныхъ Кравченкомъ, злоупотребленій магистрата въ расходованіи общественныхъ суммъ, а по жалобѣ того же Кравченка на неправильность баллотировки и исключенія изъ состава общества, постановило сдѣлать магистрату выговоръ за нарушеніе закона, но оставило безъ вниманія остальныя его жалобы. Магистратъ старался отклонить слѣдствіе, заявляя, что подписавшіеся на довѣренности Кравченка, какъ и онъ самъ, принадлежатъ будто бы къ банкротамъ, къ порочнымъ людямъ вообще, и что многіе изъ нихъ состоятъ подъ судомъ, но губ. правленіе, по разсмотрѣніи произведенныхъ 11 янв. выборовъ [1]), хотя признало выборы правильными, но не утвердило всѣхъ избранныхъ, которые, будучи ремесленными головами, причастны были къ дѣлу объ излишне взысканной суммѣ (Бугаевскій и Диковскій), а также оцѣнщиковъ и базарныхъ, которые баллотировались не шарами, а голосами. Слѣдственная коммиссія, въ свою очередь, потребовала отъ магистрата объясненій, на какомъ основаніи, онъ, вѣдая только тяжебныя и уголовныя дѣла, „вмѣшался въ раскладку на мѣщанъ излишнихъ денежныхъ налоговъ сверхъ указныхъ податей“. Магистратъ отстаивалъ свое право на сборъ налоговъ и, основываясь на XIV главѣ „о власти магистратской магдебурскаго права“, на „учрежденіи или уставѣ главнаго магистрата“, изд. 16 янв. 1721 г., и на городовомъ положеніи 1785 г., доказывалъ, что принятый имъ порядокъ раскладки налоговъ въ присутствіи ремесленныхъ головъ, разныхъ цехмистеровъ и старшинъ отъ каждаго цеха вполнѣ законенъ, равно какъ и взысканіе и взносъ собранныхъ по сей раскладкѣ денегъ особо выбранными для сего сборщиками въ цехи, съ передачею ихъ оттуда чрезъ ремесленную управу въ казначейство, при чемъ относительно распоряженія остатками сборовъ въ пользу

[1]) Тогда же большинствомъ голосовъ были избраны: въ *бургомистры* Семенъ Балабуха; въ *ратсгеры* Иванъ Григоренко (сынъ войта) и Іосифъ Диковскій; въ *члены городской коммиссіи* Андрей Скородубъ, Алексѣй Ходуновъ, Ѳедоръ Полонскій и Исидоръ Кириченко; въ *члены квартирной коммиссіи* Георгій Бугаевскій; въ *лавники* Иванъ Лакерда; въ *инстигаторы* Евфимъ Вишневскій; въ *квартиргеры* Тимофей Островскій, Петръ Кобецъ, Миронъ Диковскій и Яковъ Федоровскій; въ *ремесленныя головы* Антонъ Новохацкій; въ *оцѣнщики* и *базарные* Семенъ Кочевой, Исаакъ Червинскій, Кондратъ Шульгинъ и Алексѣй Бойковъ.

городскихъ обывателей, безъ представленія отчетовъ о томъ начальству, а съ правомъ отчетываться въ томъ только „предъ старшими и знатнѣйшими изъ поспольства“ магистратъ оправдывалъ себя ссылками на 26 ст. губернаторскаго и воеводскаго наказа, изд. 12 сент. 1728, а также Высочайше жалов. грам. и привилегіями польскихъ королей Сигизмунда III 1 апр. 1626 г. и Яна-Казиміра 12 янв. 1650 г., подтвержденныхъ впослѣдствіи указомъ Прав. Сената въ 1739 г. Отсюда возникла переписка, разросшаяся потомъ въ десятки томовъ, между подсудимыми и слѣдователями о взаимныхъ ихъ правахъ и обязанностяхъ. Тѣмъ не менѣе, слѣдствіе началось и коммиссія стала допрашивать свидѣтелей въ присутствіи Кравченка, слѣдившаго за показаніями и указывавшаго коммиссіи на источники, подтверждающіе фактъ сверхсмѣтныхъ налоговъ; домогательство же Кравченка, чтобы при слѣдствіи присутствовали и всѣ цехмистры, заявившіе отъ имени своихъ цеховъ о нежеланіи мѣщанъ платить излишніе налоги, оставлено было коммиссіею безъ послѣдствій. Истину своихъ жалобъ Кравченко доказывалъ: 1) свидѣтельскими показаніями сборщиковъ и 2) тетрадями и документами о сборахъ и раскладкахъ, хранившимися въ магистратѣ, при чемъ настаивалъ на необходимости произвести повѣрку съ 1813 года, не выясняя мотивовъ, почему онъ считаетъ излишнее взысканіе податей только съ этого времени, а не раньше,—вѣроятно онъ понималъ, что пожаръ 11 іюля 1811 г., когда всѣ обличающія дѣла и документы магистрата сгорѣли или были сожжены, и наступившій за тѣмъ богатый событіями, требовавшими экстраординарныхъ расходовъ, 1812 годъ давали полную возможность его противникамъ оправдаться; только отсюда понятно, почему слѣдствіе о злоупотребленіяхъ городского управленія начинается съ 1813 г., когда должность войта занималъ Ф. Лакерда [1]). Свидѣтелями коммиссія вызывала всѣхъ цехмистровъ и альтермановъ, руководившихъ дѣлами цеховъ съ 1813 по 1821 г.; они давали

[1]) Филиппъ Лакерда, надо думать, началъ службу въ концѣ прошлаго столѣтія; въ началѣ текущаго вѣка мы застаемъ его бургомистромъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полнымъ и безконтрольнымъ распорядителемъ дѣлами общественной коммиссіи, членомъ коммиссіи о городскихъ доходахъ и расходахъ и однимъ изъ питейныхъ откупщиковъ; въ 1813 и 1814 годахъ онъ временно исправлялъ должность войта, т. е. отъ

однообразныя показанія въ слѣдующей формѣ: подати отъ сборщиковъ или отъ цеховъ принималъ, деньги вносилъ въ казначейство, изъ остатка производилъ цеховые расходы, излишекъ же передавалъ войту или кому-нибудь изъ членовъ магистрата; росписокъ въ пріемѣ или сдачѣ денегъ многіе не имѣли вовсе, большинство же изъ нихъ отговаривалось то пожаромъ 1811 г., то утратой вслѣдствіе неважности самой росписки, то неграмотностью и пр. Въ вызовѣ же и допросѣ свидѣтелей изъ лицъ, не принадлежащихъ къ ремесленной управѣ, слѣдственная коммиссія почему-то отказала, а это весьма существенно должно было отразиться на дѣлѣ, такъ какъ въ качествѣ свидѣтелей привлекались только цехмистры и альтерманы, сами принимавшіе участіе въ преступленіяхъ, а иногда и обвинявшіеся въ прямой растратѣ общественныхъ денегъ. Требованіе слѣдственною коммиссію отъ обвиняемыхъ документовъ по раскладкѣ и сбору податей вызвало тоже безконечную переписку, служившую къ оттягиванію результата слѣдствія. Магистратъ представилъ въ концѣ концовъ кое-какія тетради, но не за всѣ годы (1813—1821), не всѣхъ цеховъ (ихъ было 16) и въ добавокъ только черновые, что давало возможность, вслѣдствіе поправокъ и помарокъ на нихъ, обвиняемымъ оправдываться и оспаривать выводы коммиссіи. Естественно, что при такихъ свидѣтельскихъ и документальныхъ данныхъ вычисленіе собранной суммы для коммиссіи было немыслимо; тѣмъ не менѣе, сопоставляя ихъ съ данными, сообщенными губернскимъ казначействомъ о количествѣ внесенныхъ за мѣщанъ податей, слѣдственная коммиссія пришла къ заключенію: 1, что въ періодъ времени съ 1813 по 1821 г. въ тетрадяхъ показано меньшее количество душъ, чѣмъ сколько ихъ было по даннымъ казначейства; это магистратъ объяснялъ тѣмъ, что казначейство при исчисленіи числа душъ руководствовалось показаніями послѣдней ревизіи, между тѣмъ какъ цехи въ своихъ тетрадяхъ обозначали только наличное число душъ, исключая умершихъ, отданныхъ въ

смерти Юрія Рыбальскаго до выбора Михаила Григоренка. Сыновья Лаверды: Антонъ, родившійся въ 1779 г., избранъ лавникомъ въ 1816 г., ратсгеромъ въ 1817 г. и бургомистромъ въ 1825 г. и Иванъ, родившійся въ 1789 г., избранъ въ 1822 г. лавникомъ, въ 1827 г. ратсгеромъ и въ 1831 г. бургомистромъ.

рекруты, сосланныхъ въ Сибирь, бѣглыхъ, а также бѣдныхъ, сиротъ, нищихъ, калѣкъ и вообще неспособныхъ къ труду и не имѣющихъ средствъ къ платежу податей, почему изъ общаго числа 6000 душъ, обязанныхъ платить подати, среднимъ числомъ исключалось 2102 души, за которыхъ городское общество взносило 26,501 р. 87 к. ежегодно, и 2, что всего въ означенный періодъ (1813—1821) взыскано съ мѣщанъ 444,032 р. 86 к., въ казначейство же внесено 402,209 р. 30½ к., откуда и явился у слѣдственной коммиссіи вопросъ магистрату, куда дѣлись 40,823 р. 55½ к., собранные съ мѣщанъ, и на что израсходовало ихъ городское управленіе? Магистратъ, въ лицѣ своихъ представителей войта Григоренка [1]) и бургомистровъ И. Романовскаго [2]) и С. Балабухи [3]), представилъ отчетъ въ израсходованіи на общественныя нужды означенной суммы [4]) копѣйка въ ко-

---

[1]) Мы не знаемъ, когда вступилъ въ магистратъ предпослѣдній войтъ Михаилъ Ивановичъ Григоренко, но въ эту должность онъ былъ избранъ въ 1816 году и занималъ ее до своей смерти въ февралѣ 1826 г. Его сынъ Иванъ сдѣлался ратсгеромъ магистрата еще при жизни отца, съ 1822 года, и участвовалъ въ городскомъ управленіи до полной отмѣны магдеб. права въ Кіевѣ.

[2]) Романовскій Иванъ Петровичъ, зять Ф. Лакерды, род. въ 1787 г., избранъ въ 1820 г.—инстигаторомъ, въ 1825 г. лавникомъ, въ 1827 г. ратсгеромъ и въ 1830 г. бургомистромъ; его братъ Павелъ, зять И. Могилевскаго, род. въ 1778 г., избранъ въ 1802 году цехмистеромъ кузнецкаго цеха, въ 1805 году словеснымъ судьею, въ 1807 членомъ городской о приходахъ и расходахъ коммиссіи, въ 1810 г. членомъ строительной коммиссіи, въ 1816 г. ратманомъ полиціи, въ 1819 г. ратсгеромъ магистрата, въ 1821 г. бургомистромъ и въ 1828 г. еще разъ членомъ городской о приходахъ и расходахъ коммиссіи.

[3]) Служба семьи Балабухъ началась весьма рано, еще въ первой половинѣ XVIII в. Тогда, въ 1751 г., Василій Балабуха былъ бургомистромъ, а его братъ Григорій лавникомъ. Семенъ Балабуха въ 1782 г. занималъ должность бургомистра, а въ 1787—гласнаго въ новой думѣ (А. Андріевскій Истор. Мат. вып. 1, стр. 135; вып. 2, стр. 29). Его сынъ Семенъ Семеновичъ род. въ 1771 г., въ 1804 г. былъ избранъ квартиргеромъ, въ 1812 г. членомъ квартирной коммиссіи, въ 1816 г. ратсгеромъ, въ 1821 г. бургомистромъ и членомъ городской коммиссіи. Братья Семена Балабухи старшій Константинъ былъ бургомистромъ и членомъ общественной коммиссіи съ 1807 по 1811 г., а младшій Александръ ратсгеромъ магистрата.

[4]) Вотъ цифры этого очевидно сочиненнаго отчета: 1, на городскую капелію 13,833 р. 59 к.; 2, на содержаніе экзекуцій при взысканіи податей 97 р.; 3, на пополненіе убытка въ 110 р., понесеннаго изъ суммы 400 р., издерж. мѣщ. Калиновскимъ и Пискуновымъ во время поѣздки ихъ въ 1816 г., по повелѣнію начальства, за покупкою воловъ для составленія таксы на мясо; 4, на починку пожарныхъ орудій, выписан-

пѣйку противъ сдѣланнаго коммиссіею начета,—въ общемъ же итогѣ слѣдственная коммиссія, какъ изъ ея заключенія видно, нашла растрату магистратомъ городскихъ суммъ въ 67,325 р. 43½ к.

Въ мартѣ 1824 г. губернское правленіе, разсмотрѣвъ представленный (приведенный нами въ выноскѣ) отчетъ магистрата, или вѣрнѣе, общій итогъ его расходовъ, признало его всецѣло неподтвержденнымъ и бездоказательнымъ, но при этомъ правленіе высказалось, что готово его признать, буде мѣщане г. Кіева дадутъ подписку, что своевременно извѣстны имъ были всѣ эти расходы и на нихъ они выразили свое согласіе. Магистрату не трудно было добыть эту подписку: въ четыре дня, съ 18-го по 21 апрѣля, на подпискѣ красовалось около 600 подписей, въ числѣ которыхъ были имена подсудимыхъ, т. е. членовъ магистрата, городской коммиссіи, ремесленной управы и пр., а также и всѣхъ, когда либо принимавшихъ участіе въ городскомъ самоуправленіи.

Казалось, дѣло приведено было къ концу, такъ какъ количество излишне собранныхъ податей опредѣлено, расходъ ихъ указанъ и согласіе общества получено,—но не такъ отнесся къ дѣлу Кравченко; еще при производствѣ слѣдствія полиціймейсте-

---

ныхъ изъ Спб., и на погребеніе обучавшихся въ Петербургѣ мастеровъ—250 р. 27 к.; 5, на уплату извозчикамъ при поѣздкахъ въ казначейство для уплаты податей—483 р. 69 к.; 6, на письмоводителя, разсыльныхъ и на покупку дровъ, въ добавокъ къ суммѣ, получаемой изъ кассы городской коммиссіи (по 230 руб. ежегодно)—2,184 р. 50 к.; 7, на исправленіе домовъ, занимаемыхъ ремесленною управою и цехами—3,542 р. 37 к.; 8, на покупку бумаги для писанія ревизій о мѣщанахъ и штрафныхъ 638 р. 5 к.; 9, на уплату рекрутскихъ денегъ за приписанныя къ кіевскому мѣщанству души для составленія полнаго числа, съ котораго можно было бы выставить рекрута,—2,139 р. 11¼ к.; 10, кавалеру Филистри за подвесенную имъ въ даръ городу хронологическую табель—300 р. („Генеалогическая, хронологическая и синхронистическая таблица Россійской исторіи, сочиненная кавалеромъ Филистри, придворнымъ королевскимъ Прусскимъ поэтомъ и бывшимъ вице-директоромъ зрѣлищъ въ Спб. Въ типографіи Плюшара, 1818 г.); 11, на возвратъ поступившимъ въ рекруты взысканныхъ съ нихъ податей—15 р.; 12, на содержаніе городскихъ пушекъ—305 р.; 13, мѣщанину Кравченку по присужденію Правит. Сената передержанныхъ имъ въ 1812 г. при поставкахъ по контракту для дунайской арміи лошадей и пр.—447 р. 50 к.; 14, на постройку въ Кіево-Подолѣ для убоя скота бойни—1,316 р.; 15, на разныя общественныя надобности и содержаніе канцеляріи—15.106 р. 46½ к., а всего 40,823 р. 55½ к.

ромъ Дуровымъ и стряпчимъ Бакаловымъ, онъ „возымѣлъ на нихъ зазрѣніе“ и жаловался губернскому прокурору, въ 1-й департаментъ Сената, министрамъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, съ указаніемъ на разныя безпорядки, упущенія и неясности, допущенныя слѣдователями при слѣдствіи; жалобы Кравченка поддержалъ и губернскій прокуроръ,—почему Сенатъ предписалъ губернскому правленію назначить новыхъ слѣдователей, и 23 марта назначены были новые слѣдователи: депутатъ 1-го департамента кіевскаго главнаго суда Стринжа и чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ Долинскій; имъ вмѣнено въ обязанность провѣрить дѣйствія своихъ предшественниковъ и исправить сдѣланныя ими упущенія, точно указанныя прокуроромъ [1]), въ заключеніи о которыхъ послѣдній высказался, что хотя по 26 ст. воеводскаго наказа, изд. 12 сент. 1728 г., и не возбраняется собранныя деньги употреблять на общественныя нужды,

[1]) Прокуроръ указалъ на слѣдующія упущенія: 1, Дуровъ и Бакаловъ производили учетъ излишне-собранныхъ денегъ не съ 1813 г., какъ того требовалъ Кравченко, а съ 1814 г., слѣдствіе не велось въ его присутствіи, а вычисленіе и итоги растраты не скрѣплялись его подписью; 2, для опредѣленія количества незаконно взысканныхъ податей служили магистратскія тетради, большая часть которыхъ не была доставлена въ слѣд. коммиссію магистратомъ, почему неизвѣстны основанія, служившія коммиссіи для подведенія итога излишне-собранной суммы; 3, слѣдственная коммиссія не требовала отъ магистрата ежегодныхъ отчетовъ о сборѣ и расходахъ податей, вмѣстѣ съ остатками отъ послѣднихъ у ремесленныхъ головъ, подаваемыми магистрату, и удовлетворилась только голословнымъ объясненіемъ послѣдняго, показавшаго расходъ на общественныя нужды, никѣмъ и ничѣмъ не удостовѣренный: 4, всѣ, исчисленные въ объясненіи магистрата, расходы не могутъ быть признаны необходимыми, ибо на нихъ ежегодно отпускается отъ города вполнѣ достаточная сумма; 5, магистратъ не объяснилъ употребленія 3 т. р., ежегодно заработываемыхъ капеліею городу отъ свадебъ, театровъ, и др. случаевъ; 6, нѣкоторые расходы (содержаніе письмоводителя и разсыльныхъ, выдача 300 р. Филистри и пр.) показаны магистратомъ вдвойнѣ; 7, вопреки заявленію магистрата, подтвержденному и слѣдователями, будто изъ собранныхъ денегъ „никакой части ни у кого въ удержаніи не осталось“, изъ свидѣтельскихъ показаній выяснилось, что изъ собиравшихся податей удержане: альтерманами: Дмитріемъ Плахотниковымъ 40 р., Семеномъ Зайкинымъ 25 р., Семеномъ Щербинскимъ 365 р., Романомъ Броварниковымъ 120 р. и сборщиками Саввою Моровскимъ (выдавшимъ на имя городской коммиссіи вексель) 435 р. 20 к., Семеномъ Лагодой 213 р. и Иваномъ Пондиковымъ 54 р., всего же удержано 1252 р. 20 к.; между тѣмъ деньги эти еще до сихъ поръ не внесены въ магистратъ, а слѣдователи не потребовали отъ послѣдняго объясненій.

но такъ какъ 1, та раскладка налоговъ составлялась магистратомъ съ участіемъ только подчиненныхъ ему старшинъ и цехмейстеровъ безъ всякаго согласія и приговоровъ общества, и 2, излишне-собранныя деньги не только употреблены магистратомъ безъ вѣдома и согласія общества, но и при томъ на такія нужды, на которыя по штатамъ и назначеніямъ опредѣлена особая сумма, то, поэтому, примѣняясь къ существующимъ на этотъ предметъ законамъ [1]), въ которыхъ для введенія налога требуется согласіе всѣхъ членовъ городскаго общества, онъ (т. е. прокуроръ) находилъ излишнее взысканіе податей неправильнымъ и противорѣчащимъ прямому смыслу закона, а дѣйствія губернскаго правленія, оставившаго эти противозаконныя распоряженія членовъ магистрата и ремесленной управы, не смотря на протесты Кравченка и съ нимъ 42 мѣщанъ, противорѣчащими смыслу 96 ст. Высоч. о губ. учрежденія.

Въ свою очередь и Кравченко, въ дополненіе къ указаннымъ выше прокуроромъ упущеніямъ, въ поданномъ 14 дек. 1823 г. прошеніи сдѣлалъ еще нѣсколько важныхъ разъясненій: онъ сообщилъ: а, что тѣ мѣщане (сосланные, бѣжавшіе, больные, бѣдные, умершіе и пр.), за которыхъ по объясненію магистрата будто бы уплата податей падала на все общество, уплачивали налоги сами черезъ своихъ родственниковъ или наслѣдниковъ, при чемъ имущество такихъ лицъ бралось въ опеку, а малолѣтніе наслѣдники отдавались въ обученіе мастерамъ, отчего и расходъ въ 26,501 р. 87 к., выведенный по этой статьѣ магистратомъ, теряетъ подъ собою всякую почву и вполнѣ подлежитъ возврату потерпѣвшимъ мѣщанамъ, и б, что вообще онъ, Кравченко, не признаетъ необходимости со стороны магистрата вводить новые налоги на мѣщанъ, такъ какъ въ городской казнѣ должно было находиться до пожара 9 іюля 1811 года болѣе 600,000 р., изъ коихъ 200,000 руб. были отданы въ оборотъ питейному откупу; всю эту сумму, по словамъ Кравченка, бургомистръ Филиппъ Лакерда, „скрылъ“, пользуясь несчастнымъ случаемъ опустошитель-

[1]) 14 п. Высоч. ук. Пр. Сенату 16 авг. 1802 г.; 12 глава регламента глав. магистрата, изд. 16 янв. 1721 г.; 26 ст. воеводскаго наказа 12 сентября 1728 г. и указъ 15 окт. 1773.

наго пожара 9—11 іюля 1811 г., и что назначенная для приведенія въ извѣстность бывшаго городского капитала коммиссія изъ шести гражданъ открыла болѣе 300,000 руб., находившихся въ рукахъ Лакерды и Григоренка, которыми сверхъ того присвоены себѣ городскія пожарныя и рекрутскія суммы,—объ этомъ, онъ, Кравченко, своевременно заявлялъ уже губернскому правленію и просилъ назначить коммиссію изъ 12 представителей города, по ровну отъ каждаго изъ его сословій: чиновниковъ, почетныхъ гражданъ и простыхъ мѣщанъ, однако же губернское правленіе не постановило по его заявленію никакого рѣшенія, вслѣдствіе признанія его доносомъ. Указавъ такимъ образомъ на существованіе весьма значительнаго для своего времени капитала, избавлявшаго магистратъ отъ необходимости дѣлать сверхсмѣтные сборы и расходы, Кравченко безпощадно разоблачилъ всѣ доводы и оправданія своихъ противниковъ [1]). Въ поданномъ же тогда министру юстиціи прошеніи онъ сообщаетъ подробности о томъ, какъ общество согласилось на указанные въ объясненіи губернскому правленію расходы: 18 апрѣля 1824 г. слѣдователи Дуровъ и Бакаловъ съ членами магистрата собрали общество гражданъ въ контрактовомъ домѣ и потребовали подписки къ „закрытію винности“ какъ

---

[1]) По словамъ Кравченка 1, на содержаніе городской капеліи употреблялось ежегодно по 2,500 р. изъ 110,000 руб. Высочайше разрѣшенныхъ къ ежегодному отпуску городу Кіеву изъ доходовъ по винному откупу, что вмѣстѣ съ ежегодно заработываемымъ ею (3,000 р.) и составляло ея содержаніе; 2, содержаніе экзекуцій производилось ежегодно изъ особаго, опредѣленнаго на мясниковъ, налога; 3, пріобрѣтеніе и исправленіе пожарныхъ орудій дѣлалось на счетъ коммиссіи о городскихъ доходахъ и расходахъ; 4, извозчики при взносѣ податей въ казначейство не употреблялись, такъ какъ деньги туда доставлялись черезъ урядниковъ; 5, письмоводителю и разсыльнымъ назначалась сумма изъ городской коммиссіи; 6, ремонтъ домовъ, находившихся подъ помѣщеніемъ городскихъ присутственныхъ мѣстъ, представлялся ненужнымъ, ибо всѣ городскія присутственныя мѣста помѣщались въ только что, въ 1819 году, отдѣланномъ на средства коммиссіи, контрактовомъ домѣ; 7, расходы на рекрутъ производились изъ суммъ особаго сбора съ мѣщанъ, наложеннаго исключительно для этой цѣли, отъ котораго были остатки,—почему и расходъ въ этой статьѣ магистратъ вывелъ неправильно; 8, кавалеру Филистри уплочено за хронологическую табель изъ суммъ, собранныхъ съ мѣщанъ, пожелавшихъ имѣть вывѣски, отъ какой суммы оставались еще деньги; 9, для уплаты за воловъ, при составленіи таксы на мясо, по распоряженію Сената, былъ установленъ особый налогъ; 10, бойня выстроена мясниками на собственный счетъ;

войта, такъ и его сотрудниковъ, бургомистровъ, ратсгеровъ и др.; мѣщане зашумѣли, заволновались и не хотѣли подписываться; многіе стали выходить; тогда бургомистръ Романовскій приставилъ къ дверямъ двухъ сторожей, кричалъ и приказывалъ не выпускать не подписавшихся, послѣ чего „насильнымъ образомъ къ подпису принуждалъ разными угрозами", предлагая каждому изъ присутствовавшихъ отдѣльно къ подписи три бумаги: „одну за городъ", „другую за Кравченка", а третью—„кто вовсе не хочетъ подписаться". На другой день 19-го марта члены магистрата собрали всѣхъ цеховыхъ мѣщанъ и подъ угрозами потребовали отъ нихъ такой же подписки,—подписавшихся набралось 650 человѣкъ, изъ которыхъ многіе не знали того, что они подписываютъ. Члены магистрата, оправдываясь отъ обвиненія Кравченка въ вымогательствѣ подписей, подали въ Сенатъ объясненіе, въ которомъ утверждали, что 650 мѣщанъ, подписавшихся на согласіи своемъ съ дѣйствіями магистрата, составляютъ изъ общаго числа 6000 душъ кіевскихъ мѣщанъ то почетнѣйшее общество, которому одному подлежитъ вѣдать городскія нужды,—остальные же по ихъ расчету или находятся подъ судомъ, или въ безвѣстной отлучкѣ, или сосланы въ Сибирь, или принадлежатъ къ малолѣткамъ, больнымъ, калѣкамъ, старцамъ, умершимъ и пр. и пр.; въ этомъ же объясненіи, члены магистрата обвинили и Кравченка въ неимѣніи будто бы довѣренности отъ гражданъ на ходатайство въ судѣ и въ совершеніи подлога на свидѣтельствѣ о поведеніи.

Новые слѣдователи Стриньжа и Долинскій, приступивъ къ слѣдствію, потребовали объясненій отъ магистрата, ибо послѣднее слово принадлежало Кравченку, а вмѣстѣ съ тѣмъ и представленія къ слѣдствію недоставшихъ въ прежней коммиссіи тетрадей раскладокъ и сборовъ податей; отсюда начало нескон-

---

11, содержаніе магистрата производится изъ суммы, ассигнуемой коммиссіею; 12, домъ, занимаемый магистратомъ, принадлежитъ обществу и не требуетъ ни малѣйшаго расхода ни на ремонтъ, ни на наемъ. Такимъ образомъ, Кравченко старался доказать, что никакихъ расходовъ изъ противозаконно и излишне собранныхъ денегъ 67,325 р. 43 к. не могло быть дѣлаемо и всѣ эти деньги вполнѣ должны быть взысканы съ виновныхъ.

чаемыхъ пререканій: магистратъ репортуетъ, что расходы сдѣланы имъ съ согласія общества, правильно и въ дѣйствительности, обзывая показанія своего обличителя бездоказательными,— Кравченко же, въ свою очередь, доказываетъ, что магистратъ утаиваетъ передъ слѣдователями налоговыя книги и тетради изъ боязни обнаружить свою вину и подвергнуться огромной денежной отвѣтственности, и считаетъ всѣ показанія членовъ магистрата клонящимися къ сокрытію своей виновности. Переписка и пререканія въ этомъ смыслѣ достигли крайнихъ предѣловъ, что представляется вполнѣ естественнымъ, когда и войтъ и члены магистрата оставались въ своихъ должностяхъ и держали въ рукахъ власть, какъ надъ личностью, такъ и надъ имуществомъ гражданъ, когда подъ страхомъ угрозъ съ ихъ стороны всякій гражданинъ предпочиталъ молчать. Дѣло не подвигалось ни на шагъ впередъ, шла одна переписка, служившая доходною статьею... Кравченко „возымѣлъ зазрѣніе“ на одного изъ членовъ слѣдственной коммиссіи, Стринжу, жаловался на него въ Сенатъ, и вмѣсто Странжи назначенъ былъ престарѣлый совѣтникъ главнаго кіевскаго суда Александровичъ. Но и съ назначеніемъ Александровича дѣло не подвинулось впередъ,— длилась только переписка, вмѣщавшая въ себѣ и пререканія, и споры, и утаиваніе магистратомъ документовъ, и напоминанія губернаторовъ о скорѣйшемъ окончаніи дѣла, и министерскія распоряженія о томъ-же, и пр., и пр. Такъ время затянулось до октября 1826 г.; слѣдователи надумались, можетъ быть по совѣту съ магистратскими дѣльцами, воспользоваться манифестомъ, изданнымъ въ этомъ году по случаю коронаціи Императора Николая Павловича, чтобы окончательно прекратить дѣло, и въ виду того, что расходы произведены городскими властями дѣйствительно, на общественныя нужды, съ согласія общества и пр., и пр.,— производство слѣдствія пріостановили и вошли съ ходатайствомъ о прекращеніи дѣла по начальству, т. е. въ губернское правленіе, къ губернатору и, наконецъ, къ министру. Такимъ образомъ цѣль была достигнута: дѣло пролежало безъ движенія годъ, такъ какъ отвѣтъ министра былъ полученъ только 27 сентября 1827 г.—Въ предложеніи своемъ генералъ-губернатору, министръ

внутреннихъ дѣлъ, обнаружилъ строгость и безпристрастное отношеніе къ подсудимымъ: не признавалъ возможнымъ прекратить начатое дѣло, напротивъ же того, считая необходимымъ удостовѣриться во всѣхъ произведенныхъ съ мѣщанъ сборахъ и привести въ извѣстность сдѣланные расходы, полагалъ поручить ихъ обревизованіе казенной палатѣ,—въ то же время онъ находилъ недостаточною пидписку 650 мѣщанъ о законности и правильности сдѣланныхъ магистратомъ расходовъ, въ виду того, что имъ и предметы расходовъ-то не были извѣстны, и самое число ихъ 650 душъ незначительно, сравнительно съ общимъ числомъ душъ всѣхъ кіевскихъ мѣщанъ. Мнѣніе министра было сообщено слѣдователямъ черезъ губернское правленіе и 30 ноября 1828 года вновь возобновлена столь же долгая переписка того же содержанія: стали опять требовать присылки недостающихъ тетрадей, написали также и вопросные пункты съ требованіемъ указать виновнаго; въ магистратѣ ихъ положили подъ сукно, и пожалуй тамъ они еще долго бы пролежали, если бы губернское правленіе не побудило къ отвѣту; отвѣтъ данъ былъ магистратомъ слѣдователямъ черезъ полгода послѣ запроса, т. е. 28 марта 1828 г.; въ немъ, кромѣ обычныхъ выраженій въ родѣ: „никакихъ книгъ, записокъ, счетовъ, бумагъ и пр. по сей части не имѣется и были ли когда оные,—свѣдѣній имѣть не можно“, магистратъ выдаетъ головою виновныхъ. Таковыми по его мнѣнію слѣдуетъ считать: бургомистра *Филиппа Лакерду* (тогда уже умершаго), бывшаго „нареченнымъ“ войтомъ въ 1813 и 1814 гг., войта *Михаила Григоренка* (тогда уже умершаго), избраннаго въ іюнѣ 1814 г. и „войтовавшаго“ до смерти своей въ 1826 г., казначеевъ, или, какъ ихъ тогда называли, „содержателей вступающихъ въ магистратъ переходящихъ по дѣламъ денежныхъ суммъ“: въ 1813 и 1815 гг. *Акима Барскаго* [1]) (тогда уже умершаго); въ 1814 г. бургомистра *Константина Балабуху* (тогда уже умершаго); въ 1816 г. ратсгера *Василія*

[1]) Барскій Акимъ Александровичъ—членъ магистрата и общественной коммиссіи; у него братъ Романъ Александровичъ въ 1811 г. квартирсгеръ, въ 1819 г. членъ квартирной экспедиціи, въ 1825 г. ратсгеръ; сынъ же его Семенъ Акимовичъ въ это же время лавникъ.

Тохая [1]); въ 1817 и 1819 г. *Антона Лакерду*; въ 1818 г.—ратсгера *Никифора Болотина* (тогда уже умершаго), и въ 1819 г. ратсгера *Павла Романовскаго*. Этимъ „чиновникамъ", принимавшимъ участіе въ раскладкахъ и сборахъ податей, должны быть, по объясненію магистрата, извѣстны всѣ подробности о тетрадяхъ цеховъ и регистровыхъ товарищей. Но изъ названныхъ 8 подсудимыхъ пять лицъ было умершихъ, отъ остальныхъ трехъ магистратъ потребовалъ объясненія, которыя и представилъ начальству; отсюда возникаетъ новый пріемъ въ поведеніи на судѣ представителей городскаго самоуправленія: вся вина складывается на умершихъ, какъ магистратомъ, молчавшимъ при ихъ жизни, такъ и оставшимися въ живыхъ содержателями суммъ.

Одновременно съ перемѣною въ характерѣ оправданій обвиняемыхъ измѣняется и составъ слѣдственной коммиссіи: Александровичъ за болѣзнью и старостью выходитъ въ отставку, Долинскій получаетъ отъ губернатора другое назначеніе, и по опредѣленію губернскаго правленія въ слѣдственную коммиссію поступаютъ: совѣтникъ главнаго суда Водынскій и губернскій стряпчій Дротаевскій,—при чемъ личность послѣдняго совершенно стушевывается передъ Водынскимъ, обнаружившимъ, какъ видно изъ дѣла, достаточно и энергіи, и безкорыстія при производствѣ слѣдствія,—магистратъ старается вездѣ его очернить передъ начальствомъ, подсудимые вмѣсто отвѣтовъ пишутъ ему иногда выговоры, начальство дѣлаетъ ему часто замѣчанія и пр. Но обратимся къ даннымъ, добытымъ новыми слѣдователями. По показаніямъ Тохая, Романовскаго и Лакерды положеніе и характеръ управленія въ магистратѣ представлялся въ такомъ видѣ: они, подсудимые, дѣйствительно завѣдывали кассою, но въ раскладку податей никогда не вмѣшивались; войтъ Григоренко, какъ „первѣйшій по городу и магистрату начальникъ", самъ вѣдалъ это дѣло; правда, онъ призывалъ къ раскладкѣ ремесленныхъ головъ, альтермановъ и цехмистровъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ членовъ магистрата, но

[1]) Тохай Василій Андреевичъ род. въ 1776 г., въ 1813 г. былъ избранъ лавникомъ, въ 1816 г. ратсгеромъ и въ 1818 г. бургомистромъ; его дѣда или прадѣда Михаила Тохая мы встрѣчаемъ въ 1751 г. райцею магистрата.

никто изъ нихъ „не могъ ни мало ни въ чемъ противно волѣ начальника своего войта Григоренка дѣйствовать“; всякія книги и тетради велись домашнимъ образомъ („по домашнему веденію“); всѣ остатки отъ податей, если они были, поступали въ руки Григоренка „для зависящаго отъ него, яко начальника, распоряженія“; въ заключеніе, обвиняемые предполагаютъ, что, быть можетъ, у наслѣдниковъ Григоренка уцѣлѣли еще какія-нибудь бумаги или тетради по взысканію податей. Съ своей стороны и магистратъ, принимая во вниманіе имѣвшіяся квитанціи, выданныя ремесленнымъ головамъ въ пріемѣ отъ нихъ податей, считалъ отвѣтственными тѣхъ лицъ, имена которыхъ находились подъ расписками, именно: войта Михаила Григоренка, бургомистровъ Филиппа и Антона Лакердъ, да ратсгера Михаила Гоцаенка [1]); остальные же члены магистрата неприкосновенны будто бы къ дѣлу, потому что только первые „управляли по городу всѣми экономическими распоряженіями“. Водынскій понялъ хитрость магистратскихъ „чиновниковъ“ и, донося о причинахъ медленнаго производства слѣдствія, говоритъ: „члены магистрата уклоняются отъ отвѣтовъ и поясненій, взваливая все на умершихъ, и тѣмъ задерживаютъ ходъ дѣла“; само собою разумѣется, что опять возобновилась переписка о доставленіи нужныхъ свѣдѣній, и магистратъ по прежнему отдѣлывался невѣдѣніемъ и неимѣніемъ ихъ; а между тѣмъ, нѣкоторые изъ свидѣтелей показали, что всѣ книги и тетради лежатъ на сундукѣ въ присутственной „коморѣ“; слѣдователи рѣшаются лично отправиться въ магистратъ и забрать необходимые для нихъ документы, но это рѣшеніе почему то не приводятъ въ исполненіе, а снова спрашиваютъ свидѣтелей, дѣйствительно ли они видѣли тамъ тетради; члены магистрата, конечно, тогда же скрыли ихъ и смѣло отрицали эти невыгодныя для нихъ показанія. Такимъ образомъ, для опредѣленія количества растраты приходилось довольствоваться свидѣтельскими показаніями и документами, присланными въ началѣ слѣдствія

[1]) Гоцаенко, Михаилъ Степановичъ, род. въ 1770 г., былъ избранъ урядникомъ въ 1795 г.; въ 1796 г. словеснымъ судьею, въ 1808 г. квартирмистромъ, въ 1810 г. членомъ городской коммиссіи, въ 1815 г. ратсгеромъ магистрата, а въ 1827 г. бургомистромъ

магистратомъ. Новыя свидѣтельскія показанія также однообразны, какъ и прежнія, хотя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились характерныя черты: въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ отвѣтовъ магистратъ говоритъ, что войтъ Григоренко былъ самовластнымъ человѣкомъ; „ему одному ремесленныя головы давали отчеты и онъ одинъ всѣми сборами и расходами распоряжался, приглашая къ оному (къ слушанію отчета?) изъ членовъ или почетныхъ гражданъ, кого ему угодно было, власти коего никто не противился“. Мѣщанинъ Евтушевскій разсказывалъ при слѣдствіи, что до Григоренка подати разлагались самимъ обществомъ; но, со времени своего избранія въ войты, Григоренко измѣнилъ этотъ порядокъ и сталъ раскладывать самъ; этотъ порядокъ продолжался около 10 лѣтъ, то есть до 1825 г. (когда слѣдствіе приняло серьезный оборотъ); послѣ того раскладку опять начали дѣлать по цехамъ и съ согласія цѣлаго общества. Если ремесленный голова, получивъ отъ Григоренка раскладку, пробовалъ возражать ему, что мѣщанинъ по бѣдности не въ состояніи уплатить по ней податей, то войтъ грубо перебивалъ его словами: „пусть идетъ ко мнѣ на винокурню работать, и я заплачу за него положенныя деньги“. Голова Плахотниковъ добавилъ, что когда онъ въ свою очередь указывалъ войту на бѣдность какого-нибудь обывателя, то Григоренко, „обижаясь тѣмъ, приказывалъ молчать и писать то, что онъ велитъ“. Нѣсколько не безъинтересныхъ подробностей находимъ мы въ дѣлѣ и относительно уже извѣстной намъ подписки, данной 650 мѣщанами 18 апр. 1824 г., послужившей было основаніемъ къ прекращенію этого процесса. Когда, по словамъ свидѣтелей, въ контрактовомъ домѣ собралось уже до 200 человѣкъ, то члены магистрата *Кисилевскій*[1]), *Лакерда*, *Балабуха*, *Мажный*[2]), *Романовскій*, *Тар-*

[1]) Кисилевскій Иванъ былъ бургомистромъ до 1815 г., сынъ его Григорій, послѣдній войтъ, родившійся въ 1776 г., избранъ инстигаторомъ словеснаго суда при магистратѣ въ 1807 г., браковщикомъ сукнъ въ коммиссаріатъ въ 1808 г., ратсгеромъ въ 1813 г., бургомистромъ въ 1815 г. (слѣдовательно тотчасъ же послѣ

[2]) Мажный Андрей Гавриловичъ род. въ 1770 г., въ 1802 г. былъ избранъ аукціонистомъ, въ 1803 г. урядникомъ словеснаго суда, въ 1806 г.,—съ учрежденіемъ квартирной коммиссіи,—квартирмистромъ въ 3 подольскую часть; въ 1812 г. „во

новскій [1]), *Гоцаенко*, *Гроздовскій*, *Тохай и Пирожковъ* стали упрашивать мѣщанъ согласиться „подарить“ имъ излишне перебранныя деньги, убѣждая ихъ въ томъ, что деньги истрачены на общественныя нужды; когда же многіе, не соглашаясь на подпись заготовленныхъ о томъ бумагъ, стали выходить, то двери заперли, послѣ чего первыми подписались члены магистрата, а за ними всѣ прибывшіе мѣщане, „боясь негодованія“ со стороны представителей городскаго самоуправленія.

Теперь же, 1 авг. 1828 г., послѣ того, какъ подписка эта была признана министромъ внутреннихъ дѣлъ малозначущею и неубѣдительною и сдѣланное на основаніи ея представленіе слѣдователей Александровича и Долинскаго о прекращеніи дѣла въ силу Всемилостивѣйшаго манифеста 1826 году не увѣн-

---

смерти отца), въ этомъ же году онъ получилъ за исправное содержаніе на почтовыхъ станціяхъ курьерскихъ лошадей Высочайшую награду: золотую медаль на Александровской лентѣ съ надписью „за усердіе“; назначенъ регименгаремъ, т. е. предводителемъ вооруженнаго регимента, по заведенному въ Кіевѣ издревле порядку, изъ гражданъ кіевскихъ конныхъ и пѣшихъ, состоящаго для выполненія церемоніаловъ, опредѣленныхъ въ дни Богоявленія Господня 6 января, Маковея 1 августа,— въ 1823 г.; въ войты избранъ 26 января 1826 г.; 8 іюля 1826 г. присутствовалъ при коронаціи Императора Николая Павловича и получилъ серебряную медаль 1-го разряда съ бюстомъ Государя; въ томъ же году награжденъ золотою медалью на голубой лентѣ съ надписью „за усердную службу“; наконецъ въ 1832 г. ему „за особенную дѣятельность по засвидѣтельствованію начальства“ (вѣроятно во время польскаго мятежа 1830 и 1831 годовъ) пожалованъ орденъ св. Анны 3 ст.

время французской кампаніи исполнялъ разныя порученности, какъ по назначенію городскаго общества, такъ и бывшаго тогда губернаторомъ де-Санти для устройства по тому случаю разныхъ потребностей и къ охраненію города отъ опасности“; въ 1818 г. былъ избранъ лавникомъ; въ 1819 г. ратманомъ кіевской полиціи; въ 1831 г. ратгеромъ магистрата. Регименгаремъ Мажный былъ назначенъ въ 1826 г., когда Кисилевскій сдѣлался войтомъ.

[1]) Тарновскій Климентъ въ поданномъ въ концѣ декабря 1815 г. прошеніи объ увольненіи отъ должности вслѣдствіе потери зрѣнія заявляетъ, что онъ вступилъ въ общественную службу въ 1776 г. и послѣдовательно проходилъ должности коммиссіонера по продажѣ соли, покупкѣ лѣса для постройки городскихъ зданій, по починкѣ мостовъ и городскихъ домовъ, квартирмейстера, экономa питейной конторы, словеснаго судьи, депутата въ коммиссію обывательскихъ книгъ, казначея, ратмана въ управѣ благочинія (полиціи), ратгера и бургомистра магистрата и, наконецъ, члена Высочайше учрежденной въ 1806 г. о городскихъ доходахъ и расходахъ коммиссіи.

чалось успѣхомъ а производство слѣдствія находилось въ рукахъ несдававшагося Водынскаго, члены магистрата пожелали воспользоваться этимъ днемъ, какъ торжественно праздновавшимся кіевскимъ мѣщанствомъ въ тѣ времена. Въ день 1-го августа мѣщане собирались по цехамъ; былъ городской праздникъ общій для всѣхъ цеховъ; послѣ церковной церемоніи съ пальбою изъ ружей и пушекъ давалось обильное угощеніе на счетъ городскихъ суммъ и шло общее веселье, расчитывая на которое, члены магистрата, заранѣе изготовивъ 16 экземпляровъ (по числу 16 цеховъ) подписныхъ листовъ „по предмету, что Кравченко бунтуетъ всѣхъ", передали ихъ въ каждый цехъ цехмистрамъ и ремесленнымъ головамъ, строго наказавъ тѣмъ побудить мѣщанъ къ подписи листовъ; наблюдать за подписями ихъ взялся ратсгеръ *Коробка* [1]), выполнившій, хотя и не съ большимъ успѣхомъ, взятую на себя роль.

Впослѣдствіи, по словамъ нѣкоторыхъ свидѣтелей (мѣщан. Игната Подоляки и др.), оказалось, что общество, не согласное ни на сборъ излишнихъ денегъ, ни на расходъ ихъ, какъ въ 1824 г., подписывалось на этихъ бумагахъ по принужденію; да и могло ли то быть иначе, когда мѣщане въ подпискахъ, данныхъ ими 1-го августа просили о прекращеніи дѣла, подъ тѣмъ предлогомъ, что и на сборъ излишнихъ денегъ они были будто бы согласны, и расходъ изъ нихъ былъ имъ извѣстенъ, и самые излишніе налоги ихъ не обременяли.

Водынскій и Кравченко неоднократно указывали, хотя и тщетно, что пока власть находится въ рукахъ подсудимыхъ, то они всячески будутъ продолжать ставить преграды правосудію, то скрывая отъ слѣдователей и суда всякіе письменные документы, то вліяя на свидѣтелей, то на цѣлое общество, какъ это и случилось при „исторженіи" подписокъ; къ тому же въ это время должность прокурора, оффиціальнаго обвинителя всякой неправды въ Кіевѣ, занялъ родной сынъ войта, прикосновеннаго

[1]) Коробка, Федоръ Михайловичъ, родившійся въ 1784 г., въ 1813 г. былъ избранъ урядникомъ серебрянаго цеха; въ 1815 г. цехмистромъ и альтерманомъ того же цеха; въ 1824 г. инстигаторомъ въ словесный судъ; въ 1826 г. ремесленнымъ головой и въ 1829 г. ратсгеромъ магистрата.

къ дѣлу о злоупотребленіяхъ въ городскомъ управленіи, Н. Г. Кисилевскій, потребовавшій немедленнаго представленія себѣ дѣла въ томъ видѣ, въ какомъ оно находилось, съ желаніемъ поскорѣе его закончить; когда же слѣдователи не нашли возможнымъ выполненіе его требованій, то онъ писалъ имъ выговоры и дѣлалъ невыгодныя о нихъ представленія ихъ прямому начальству. Дошло до того, что слѣдователи въ 1829 г. вынуждены были жаловаться на прокурора, который своимъ настоятельнымъ требованіемъ прекратить слѣдствіе обнаруживалъ ужь „слишкомъ снисходительное въ сторону магистрата и войта Григорія Кисилевскаго предложеніе“. Въ свою очередь и подсудимые Кисилевскій, Лакерды, Григоренко, Балабухи, Романовскій и др., чувствуя, что на ихъ сторонѣ обвинительная власть, почли себя въ правѣ не давать слѣдователямъ отвѣтовъ, ссылаясь на „безъименность доказательствъ и обвиненій Кравченка“ (въ своихъ бумагахъ онъ, говоря о злоупотребленіяхъ магистрата, не называлъ членовъ его по фамиліямъ); далѣе, требованіе Водынскимъ объясненій „объ исторженіи у цеховъ подписокъ“ они называли слѣдовательскимъ „обмысломъ“ и считали его, имѣющимъ „наклонность къ доносителю“, подлежащимъ къ устраненію отъ слѣдствія, въ силу отд. 1 (о судьяхъ) указа 13 ноября 1724 г.—При такомъ положеніи дѣла губернское правленіе, на основаніи предложенія прокурора, хотя и „почло сію коммиссію (т. е. слѣдователей) виновною за напрасное якобы домогательство и навлеченіе на членовъ магистрата и управы ремесленныхъ цеховъ сокрытіе нужныхъ свѣдѣній“, тѣмъ не менѣе предписало слѣдователямъ потребовать отъ обоихъ учрежденій „доказательствъ, отвѣтовъ и оправданій по жалобѣ Кравченка“. Магистратъ упорно молчалъ, и слѣдственная коммиссія, не получивъ отъ него никакихъ доказательствъ, отвѣтовъ и оправданій по жалобѣ Кравченка, принуждена была закончить дѣло, при чемъ, не смотря на всю неблагопріятную обстановку для раскрытія совершенныхъ городскимъ управленіемъ преступленій, она, основываясь на бывшихъ въ ея разсмотрѣніи доказательствахъ, опредѣлила противузаконный сборъ съ гражданъ и растрату его въ суммѣ 119,145 р. 99¼ к., которую и полагала взыскать съ винов-

ныхъ членовъ магистрата и ремесленной управы и возвратить потерпѣвшимъ [1]). Магистратъ заявилъ, что это исчисленіе ни на чемъ не основано и призналъ за собою излишне собранныхъ лишь 40,853 р. 43 к. податей, издержанныхъ на удовлетвореніе городскихъ потребностей, согласно тѣмъ отчетамъ, которые были представлены ими слѣдователямъ Дурову и Бакалову.

30 апр. 1830 г., т. е. почти черезъ 10 лѣтъ со времени подачи Кравченкомъ первой жалобы своей дѣло изъ слѣдственной коммиссіи со всѣми счетами и бумагами перешло на ревизію въ контрольное отдѣленіе казенной палаты, которое, разсмотрѣвъ все дѣлопроизводство, въ сентябрѣ 1832 года, принявъ во вниманіе только одни документальныя данныя и оставивъ въ сторонѣ свидѣтельскія показанія, признало растрату, совершенною магистратомъ и ремесленною управою, подлежащею взысканію съ нихъ въ количествѣ лишь 68,557 руб. $44^1/_2$ коп. [2]). Раскладка [3]) этихъ денегъ на виновныхъ членовъ магистрата и ре-

---

[1]) При слѣдствіи, изъ свидѣтельскихъ показаній обнаружилось, что ежегодно по цехамъ дѣлался еще сборъ на „ральцы". Откуда и съ какого времени въ Кіевѣ практиковался этотъ налогъ, никто не зналъ; въ описываемое же время онъ простирался до 150 руб., т. е. около 10 р. съ каждаго цеха; на собранныя деньги къ Рождеству и Пасхѣ отъ каждаго цеха покупался „ралецъ" (хлѣбъ, соль, водка и сахаръ), и представители его цехмистры возили свои приношенія войту и членамъ магистрата при поздравленіи ихъ съ праздникомъ; отказаться отъ ральца значило обидѣть мѣщанъ и показать имъ свое неудовольствіе. Сборы на „ралецъ" входятъ въ общую сумму начета.

[2]) Сумма въ 68,557 р. $44^1/_2$ к. образовалась по слѣдующему расчету казенной палаты: а) излишне взыскано податей 71,130 р. 17 к., изъ этой суммы исключается правильнаго расхода 7,234 р. $16^1/_4$ к., а 63,896 р. $1^1/_4$ к. подлежитъ возврату; изъ нихъ на долю ремесленныхъ головъ и алтермановъ падаетъ 2,072 р. $15^1/_4$ к. и на магистратъ 61,823 р. 86 к.; б) излишне взыскано рекрутскихъ денегъ 3,171 р. 53 к., обязанность возвратить которые лежитъ на ремесленныхъ головахъ; в) собранные на ралецъ 1071 р. 50 к. подлежатъ возврату съ тѣхъ, кто ихъ собралъ на праздники и принималъ въ подарокъ, и г) 418 р. 40 к. по претензіямъ цехмистровъ къ тѣмъ лицамъ город. управленія, къ коимъ заявлены будутъ ими требованія (сюда относились претензіи на такіе расходы, какъ, напримѣръ, 95 р. за купленную на счетъ города корову для войта Григоренка, 31 р. 90 к. на угощеніе ремесленнаго головы Бугаевскаго и на покупку для него сахару и хлѣба за то, что онъ разрѣшилъ перевести цехъ въ болѣе удобное помѣщеніе и пр. и пр.).

[3]) Съ 1813 по 1820 г. представителями кіевскаго общественнаго управленія были: въ должности войта Ф. И. Лакерда (1813—1814), М. И. Григоренко (1814—1826), съ которыхъ, какъ „перводѣйствовавшихъ", контр. отд. казен. пал. предположило

месленныхъ управъ произведена была контрольнымъ отдѣленіемъ казенной палаты сообразно съ іерархическимъ положеніемъ ихъ въ городскомъ управленіи и по степени участія каждаго изъ нихъ въ преступленіи. Затѣмъ отдѣленіе, согласно мнѣніямъ гг. генералъ-губернатора и министра внутреннихъ дѣлъ, признало подписки мѣщанъ, одобрявшія дѣйствія городскихъ представителей, выданныя ими въ 1824 и въ 1828 г., ничтожными, какъ въ виду обстоятельствъ, сопровождавшихъ ихъ составленіе, такъ и потому, что при разсмотрѣніи онѣ оказались подписанными и самими же обвиняемыми, находившимися подъ слѣдствіемъ, и лицами, не имѣвшими права подписи ихъ (иностранцы, пріѣзжіе купцы и др.); въ виду пристрастнаго, принужденнаго и противузаконнаго характера собиранія подписей городскими представителями, контрольное отдѣленіе виновныхъ полагало привлечь къ уголовной отвѣтственности; этой же отвѣтственности должны были подлежать, по его мнѣнію, и члены магистрата, скрывшіе книги, тетради, счеты и всякаго рода документы, столь необходимые въ данномъ дѣлѣ; для устраненія же въ будущемъ подобныхъ злоупотребленій магистратъ и ремесленныя управы обязательно должны были завести шнуровыя приходо-

---

взыскать—съ Лакерды 7,960 р. 34½ к. и съ Григоренка 8,055 р. 89½ к.; въ должности бургомистровъ, съ которыхъ опредѣлялось—съ Я. И. Барлая (1813—1815), Я. К. Снѣжка (1813), М. И. Безсмертнаго (1813, 1814, 1816, 1818), К. С. Балабухи (1814, 1815, 1819), Б. П. Барщевскаго (1815, 1817), Г. И. Кисилевскаго (1815, 1816, 1819), Я. Т. Кобца (1817, 1820), В. А. Тохая (1818), К. И. Тарновскаго (1820) по 2856 р. 19¾ к. съ каждаго; въ должности ратсгеровъ, съ которыхъ назначено было взысканіе, К. С. Балабухи (1813), В. Н. Пирожкова (1813, 1816 г), П. В. Ризенка (1814, 1817), Г. И. Кисилевскаго (1814), А. С. Балабухи (1815), М. С. Гоцаенка (1815, 1818), В. А. Тохая (1816) А. Ф. Лакерды (1817 и 1820), Н. Т. Болотина (1818), П. П. Романовскаго (1819), С. С. Балабухи (1819), Я. И. Гроздовскаго (1820) по 2,289 р. съ каждаго; въ должности ремесленныхъ головъ, съ которыхъ назначено было взысканіе: Г. И. Иванченка (1813, 1814)—2,797 р. 7¾ к., Г. Богаевскаго (1819—1820)—2,094 р. 42¾ к. и И. С. Приза (1815), Я. И. Гроздовскаго (1816, 1817), О. Н. Диковскаго (1818) по 20 р. 21¾ к. съ каждаго; въ должности алтермановъ, съ которыхъ и назначено было взысканіе: Ф. С. Моровскаго (1813), И. М. Синельникова (1814), А. Н. Новохацкаго (1814), С. С. Приза (1813), Ѳ. Т. Топальскаго (1813, 1814) Е. И. Лисенка (1813), П. С. Козыря (1814—1816), И. Г. Лукьяненка (1815), Ѳ. В. Замысловскаго (1815), Ф. М. Коробки (1815), В. Н. Шафаревскаго (1816), С. Т. Каминовскаго (1816), Н. Т. Ванжи (1816), Н. И. Борзакова (1817),

расходныя книги и вести записи въ нихъ всѣхъ поступающихъ и исходящихъ суммъ, а также производить раскладку податей, согласно существующимъ для этого законамъ; стародавній обычай „ральцы", какъ несогласный съ законами, уничтожить; слѣдователю Водынскому за медленность и другія упущенія при производствѣ слѣдствія сдѣлать выговоръ. Въ заключеніе палата высказала, что, оставивъ въ сторонѣ свидѣтельскія показанія и основываясь исключительно на имѣвшихся въ дѣлѣ далеко не всѣхъ книгахъ и тетрадяхъ, она исчисляла растрату въ 68,557 р. 44½ к., но что растрата эта въ сущности оказалась бы гораздо больше, если бы магистратъ не скрылъ документовъ о сборѣ и расходованіи общественныхъ суммъ и тѣмъ не нарушилъ бы существующихъ законовъ, по которымъ виновные подвергались исключенію изъ общества, лишенію имущества и даже смертной казни [1]).

Изъ казенной палаты обревизованное дѣло поступило, вмѣстѣ съ составленнымъ къ нему экстрактомъ и таблицами, на рѣшеніе въ уголовную палату, согласившуюся съ мнѣніемъ казенной и положившую растраченныя деньги взыскать съ виновныхъ. Изъ уголовной палаты дѣло перешло на утвержденіе къ гражданскому губернатору и министру внутреннихъ дѣлъ; въ высшихъ инстанціяхъ взгляды разошлись со взглядами казенной и уголовной палатъ: губернаторъ, примѣняясь къ ст. 147—154 V т. свод. зак. и ст. 310 т. IX, находилъ дѣйствія обвиняемыхъ не противными симъ узаконеніямъ, почему и предлагалъ освободить членовъ магистрата и ремесленной управы отъ опредѣляемаго взысканія; затѣмъ губернаторъ призналъ

С. С. Кириченка (1817), И. И. Щербины (1813), Ф. Г. Михайловскаго (1817), Т. К. Островскаго (1818), Г. И. Шеня (1818 г.), М. П. Могилы (1819), Д. Я. Плахотникова (1819, 1820 г), К. К. Клименко (1818), Я. Ф. Воробьевскаго (1819 г.), М. И. Миньковскаго (1819), Ф. Г. Птицкаго (1820), С. Ф. Песоцкаго (1820), изъ нихъ назначены были взысканія съ Островскаго 445 р. 57½ к., съ Воробьевскаго 134 р. 88⅜ к., съ Д. Плахотникова 120 р. 68 к., а съ остальныхъ по 20 р. 21¾ к. съ каждаго.

[1]) Глава магдеб. права—объ обязанностяхъ членовъ ратуши; гл. 90 Генерал. Реглам., п. 210, 229, 271; Уст. полиц., ст. 84 и 87; Город. полож., п. 26; Воевод. нак. изд. 12 сент. 1728 г.; указы 25 авг. 1713 г., 24 дек. 1714 г. и 22 іюня 1720 г.; указы сената, присланные изъ канцеляріи малороссійскихъ дѣлъ въ кіев. магистратъ въ 1739 и 1740 г.; указы 11 дек. 1744 г., 26 сент. 1780 г., 3 мая 1783 г., 18 фев. 1798 г. и 8 сент. 1801 г.

Кравченка неправоспособнымъ къ веденію дѣла противъ магистрата на основаніи довѣренности, имѣющей на себѣ только 60 подписей, въ то время какъ по указу сената 9 мая 1805 г. такая довѣренность должна быть выдана отъ лица $^2/_3$ всего общества; подпискамъ же 650 гражданъ въ 1824 г. и 16 цеховъ въ 1826 г., одобрившимъ дѣятельность магистрата и признаннымъ раньше генералъ-губернаторомъ, министромъ и всѣми вообще инстанціями ничтожными, онъ даетъ полное довѣріе и на основаніи ихъ считаетъ и сборъ и расходъ излишне собранныхъ денегъ правильнымъ, а для предупрежденія на будущее время подобныхъ злоупотребленій губернаторъ полагалъ необходимымъ завести шнуровыя книги, куда записывались бы всѣ поступающіе въ магистратъ суммы; этою мѣрою, по его мнѣнію, сами собою прекратятся всѣ противозаконные сборы и расходы.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, съ своей стороны, принимая во вниманіе, что въ теченіи восьми лѣтъ, когда производилось излишнее взысканіе податей, жалобъ на обременительность поборовъ не поступало, что донось сдѣланъ Кравченкомъ изъ вражды къ членамъ магистрата, что со времени начала дѣла прошло болѣе 15 лѣтъ, въ теченіи которыхъ многіе изъ подсудимыхъ поумирали, и, въ случаѣ обвиненія ихъ, отвѣтственность ляжетъ всею своею тяжестью на невинныя ихъ семейства, что хотя расходъ собранныхъ денегъ и произведенъ магистратомъ „самопроизвольно и въ безпорядкѣ“, но тѣмъ не менѣе на общественныя нужды и согласно желаніямъ городскаго общества, что и выражено въ подписяхъ лучшихъ гражданъ кіевскаго общества и приговорахъ цеховъ, и что преступленія совершены до изданія манифестовъ 26 авг. 1826 г. и 16 апр. 1841 г., почему онъ, министръ, находитъ возможнымъ освободить членовъ магистрата отъ отвѣтственности и снять наложенное на ихъ имущество запрещеніе. Правительствующій Сенатъ, соглашаясь съ мнѣніемъ губернатора и министра внутреннихъ дѣлъ, 6 марта 1842 г. (спустя 20 лѣтъ послѣ начала дѣла) опредѣлилъ членовъ магистрата и ремесленной управы отъ отвѣтственности освободить и запрещеніе съ ихъ имущества снять.

При такихъ обстоятельствахъ хотя состоялось освобожденіе обвиняемыхъ городскихъ представителей отъ отвѣтственности за произведенныя ими злоупотребленія на службѣ, тѣмъ не менѣе растраты признаны всѣми правительственными лицами и мѣстами, но размѣръ ихъ, какъ мы видѣли, удалось скрыть обвиняемымъ, поэтому мы думаемъ, что Водынскій, былъ правъ исчисливъ эту растрату въ 119,145 р. 99¼ к.

Перейдемъ къ другимъ дѣламъ, производившимся одновременно съ только что нами переданнымъ и рисующимъ дѣятельность городскаго кіевскаго самоуправленія.

II.

Въ 1824 г. возникло дѣло по обвиненію рочныхъ цехмистровъ кузнецкаго цеха Григорія Ценьковскаго, Ивана Щербины, Пантелеймона Козыря, Григорія Шеня, Антона Перепелицы, Григорія Пильника и Давида Ценьковскаго по жалобамъ на нихъ 20 рудниковъ за растрату собранныхъ съ нихъ 1350 р. податныхъ денегъ.

Двадцать рудниковъ съ женами своими и дѣтьми, отыскавъ свою свободу и освободившись по суду отъ крѣпостной зависимости, къ которой было привлекъ ихъ помѣщикъ радомысльскаго уѣзда Сугачъ, пожелали приписаться къ обществу кіевскихъ мѣщанъ, о чемъ и подали заявленіе въ ремесленную управу; со времени ихъ заявленія о приписке и по день разрѣшенія въ казенной палатѣ ихъ просьбы о томъ, вышеупомянутые рочные цехмистры успѣли взыскать съ нихъ 1350 р. податей, которые въ казначейство не поступили; кто ихъ удержалъ, слѣдствіе не обнаружило; казенная же палата требовала уплаты означенной суммы вдвойнѣ.

Деньги, очевидно, не миновали рукъ войта Григоренка и его товарищей, но на слѣдствіи и судѣ о немъ даже не упоминается; вся вина падаетъ на цехмистровъ, которые оправдывались тѣмъ, что, производя съ рудниковъ сборъ по приказанію ремесленной управы, они собранныя деньги представляли ей; управа же заявила, что деньги она передала въ магистратъ; послѣдній, въ свою очередь, по наведеннымъ будто бы справкамъ, отвѣ-

тилъ, что цехмистры податей съ рудникомъ ни въ управу, ни въ магистратъ не представляли. Изъ обвиняемыхъ только одинъ Пильникъ сохранилъ росписку, выданную ему ратгеромъ Иваномъ Смородиновымъ въ 1824 г. на пріемъ отъ него податей съ рудниковъ, остальные же всѣ растеряли свои росписки. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ 1-й департаментъ кіевскаго главнаго суда рѣшилъ, что, хотя бы и слѣдовало, въ силу 50-й главы Генер. Реглам. и 28-й гл. воинск. артик., поступить съ подсудимыми, какъ предписывалось тѣмъ закономъ, но, принимая во вниманіе манифестъ 1826 г., нашелъ возможнымъ ограничиться только взысканіемъ незаконно утаенныхъ цехмистрами податей, съ обращеніемъ ихъ въ уплату за рудниковъ и съ правомъ, вмѣсто денегъ, представить росписки управы или магистрата, буде онѣ у кого изъ нихъ найдутся. Рѣшеніе суда въ ноябрѣ 1829 г. было утверждено губернаторомъ и деньги съ цехмистровъ взысканы; магистратъ и управа остались внѣ всякихъ взысканій и отвѣтственности, хотя послѣдняя признавала за собою пріемъ денегъ отъ цехмистеровъ и передачу ихъ въ магистратъ въ чемъ уличала обоихъ росписка Смородинова.

III.

Не мало интереса возбуждаетъ къ себѣ одно дѣло, если его разсматривать ради сравненія, въ связи съ только что нами изложенными, въ которомъ тотъ же кіевскій магистратъ является самъ судебнымъ мѣстомъ относительно проступковъ по службѣ низшихъ своихъ агентовъ, сборщиковъ податей; это—судебное дѣло кіевскаго магистрата о растратѣ въ 1835 г. сборщиками мѣщанами Федоромъ Фесенкомъ 154 р. и Яковомъ Григоренкомъ [1]) 111 р., податей собранныхъ съ кузнецкаго цеха.

При слѣдствіи открылось, что Фесенко и Григоренко на выборахъ, ссылаясь на свою бѣдность, умоляли членовъ управы избавить ихъ отъ выборной службы, не отрывать отъ работы и тѣмъ не лишать ихъ семей пропитанія. Управа не уважила ихъ просьбъ и въ результатѣ оказалась растрата собранныхъ денегъ

[1]) Однофамилецъ, но не родственникъ бывшаго войта.

которыя пошли на хлѣбъ для женъ и дѣтей голодныхъ сборщиковъ. Рѣшая это дѣло, магистратъ принялъ во вниманіе ст. 290, 292, 293 и 295 XV т. св. зак., и потому приговорилъ подсудимыхъ Фесенка и Григоренка, „въ примѣръ имъ и въ страхъ другимъ, наказать черезъ низшихъ полицейскихъ служителей плетьми и оставить на жительствѣ, внушивъ имъ, чтобы всячески старались остерегаться отъ подобныхъ поступковъ; а дабы впредь общество мѣщанъ г. Кіева несостоятельныхъ людей, не имѣющихъ своей осѣдлости, и неграмотныхъ въ должности сборщиковъ не выбирало, возложить пополненіе растраты на ремесленную управу; обществу же предоставить право получить удовлетвореніе съ подсудимыхъ“. Уголовная палата 20 дек. 1835 г. утвердила приговоръ магистрата, и въ маѣ 1836 г. полиція увѣдомила магистратъ о приведеніи ею этого приговора въ исполненіе.

IV.

Одновременно съ дѣломъ о растратѣ излишне собранныхъ податей возбуждено было и другое громкое дѣло: нами было уже упомянуто, что въ декабрѣ 1823 года Кравченко въ своихъ представленіяхъ губернскому начальству указалъ на растрату городскими представителями послѣ пожара 1811 года „частно-общественной“ городской суммы въ количествѣ до 600,000 руб.; тогда въ доказательство ея существованія онъ представилъ „два баланса“ и какое то „доношеніе“, утверждая, что члены кіевскаго магистрата, воспользовавшись пожаромъ 1811 г., присвоили себѣ эти деньги. Къ дѣлу оказались причастными тѣ же лица городскаго управленія, которые умѣли прятать концы, фигурировавшіе уже въ процессѣ о растратѣ излишне собранныхъ съ мѣщанъ налоговъ и отъ которыхъ слѣдователи нетолько не узнали количества растраты но даже не узнали и количества „частно-общественной городской суммы“; губернское правленіе почему то игнорировало совершенно заявленіе Кравченка, и только вслѣдствіе предписанія г. министра внутр. дѣлъ 12 сент. 1827 г. назначило коммиссію для приведенія въ извѣстность количества общественной суммы. Дознаніе въ началѣ поручено было той же коммиссіи, что производила дѣло о растратѣ излишне собранныхъ налоговъ, но потомъ, вслѣдствіе

встрѣченныхъ ею разнаго рода неудобствъ и затрудненій, передано особому слѣдователю губернскому уголовныхъ дѣлъ стряпчему Дротаевскому.

Слѣдствіемъ этимъ раскрыто, что растрата произведена чинами магистрата не одной какой-либо общественной городской суммы, а цѣлаго ряда ихъ, бывшихъ въ распоряженіи городской общественной коммиссіи, вѣдавшей свободные городскіе капиталы и ихъ обороты. Обратимся сперва къ дѣятельности общественной коммиссіи въ ея ссудо-сберегательныхъ операціяхъ.—Когда возникла эта коммиссія, по чьей иниціативѣ, на основаніи чьего разрѣшенія и пр.,—всѣ эти и подобные вопросы слѣдствіемъ не разъяснены, такъ какъ члены магистрата, даже начавшіе свою службу городу въ концѣ прошлаго вѣка, на вопросахъ у слѣдователя ничего не отвѣчали, отзываясь полнымъ незнаніемъ этихъ обстоятельствъ дѣла.

Изъ представленной же войтомъ Кисилевскимъ слѣдователю приходо-расходной книги общественной коммиссіи за 1805 и 1806 г. можно заключить, что коммиссія начала свою дѣятельность до 1805 г., но и никакъ не ранѣе 1785 г., такъ какъ учрежденіе ее могло состояться только по ст. 42 Высоч. утвержд. 21 апр. 1785 г. положенія, въ силу которой „городскому обществу дозволяется составить особую казну своими добровольными складками и оную казну употреблять по общему согласію“; вѣроятно, вскорѣ, по обнародованіи этого положенія, путемъ вкладовъ, налоговъ, зачисленія остатковъ и др. способами образовалась городская сумма, которую и не замедлили пустить въ оборотъ, отдавая ее въ ссуды по 8—12% въ годъ, отъ чего она и возросла довольно быстро до почтенной величины, ибо „къ сему роду учрежденія возимѣли довѣріе и сторонніе, въ сословіе гражданъ не входившіе лица“; послѣдніе вносили въ кассу общественной коммиссіи свои капиталы за „умѣренные“ проценты, размѣръ которыхъ остался неизвѣстенъ. Далѣе, изъ дѣла видно, что операціи банковаго характера коммиссія производила подъ предсѣдательствомъ войта въ составѣ особо избранныхъ для сего „почетнѣйшимъ обществомъ“ членовъ магистрата и гражданъ;

но слѣдствіе не раскрыло ни имень первыхъ учредителей коммиссіи, ни тѣхъ порядковъ, какіе въ ней практиковались, ибо всѣ дѣла ея счеты, книги и пр.—однимъ словомъ, всѣ вещественные памятники ея существованія ко времени производства слѣдствія оказались сгорѣвшими во время пожара 9 іюля 1811 г.[1]); извѣстно только, что наканунѣ пожара въ дѣлахъ коммиссіи участвовали бургомистръ Константинъ Балабуха и ратсгеръ Алексѣй Островскій; въ 1811 г. ихъ замѣнили въ коммиссіи ратсгеръ Матвѣй Филипповичъ и Иванъ Могилевскій, оставаясь въ ней до 2-го августа 1817 г., а въ этомъ году ихъ мѣсто занялъ бургомистръ Филиппъ Лакерда, извѣстный уже намъ, какъ главный участникъ послѣ войта Григоренка въ дѣлѣ незаконныхъ поборовъ съ мѣщанъ. Онъ одинъ[2]) распоряжался въ коммиссіи до самой своей смерти въ февралѣ 1827 г. Послѣ Лакерды дѣла коммиссіи были ликвидированы, такъ какъ онъ совершенно убилъ довѣріе къ ней общества.

Бухгалтерія этого перваго кіевскаго банковаго учрежденія велась сначала акуратно, если судить по приходо-расходной книгѣ за 1805 и 1806 г., представленной въ слѣдств. коммиссію войтомъ Кисилевскимъ, хотя, замѣтимъ мимоходомъ, она могла была быть написанною и во время производства слѣдствія; въ ней каждая статья прихода и расхода тщательно записаны; съ 1811 г., при Филипповичѣ и Могилевскомъ, бухгалтерскій порядокъ и способъ веденія книгъ измѣняется: книги замѣняются журналами, не имѣющими ни опредѣленной формы, ни послѣдовательности, похожими скорѣе на черновыя тетради. Какъ велось дѣлопроизводство во время управленія коммиссіею Лакерды,

---

[1]) Уцѣлѣла одна только книга, изъ которой видно, что до 1805 г. ходъ дѣла въ коммиссіи зависѣлъ отъ бургомистра Евфима Митюка, Акима Барскаго и Стефана Рыбальскаго, а съ 1805 по 1807 г. отъ Ивана Могилевскаго, Акима Барскаго и Андрея Скородуба.

[2]) Въ дѣлѣ не упоминается о другомъ лицѣ, производившемъ вмѣстѣ съ Лакердой операціи въ коммиссіи, но изъ выданнаго коммиссіею тит. сов. Григорію Барвинскому 2 авг. 1824 г. заемнаго письма на 6000 руб. видно, что кромѣ Григоренка и Лакерды въ коммиссіи участвовалъ бургомистръ Григорій Кисилевскій, принимавшій на себя обязательства и подписавшій документъ вмѣстѣ съ первыми двумя.

осталось неизвѣстнымъ, такъ какъ сыновья его Антонъ и Иванъ, не смотря на многократныя требованія слѣдователей и побужденія губернскаго начальства, не представили никакихъ документовъ для оправданія своего отца, кромѣ отчета, составленнаго письмоводителемъ общественной коммиссіи кол. рег. Гурковскимъ и писаннаго на бумагѣ 1826 года, хотя содержаніе его относится къ періоду времени 1817—1827 г.

Назначеніе и увольненіе членовъ общ. коммссіи происходило, по крайней мѣрѣ въ послѣднее время, „по распоряженію войта, въ присутствіи почетнѣйшихъ гражданъ", т. е., говоря яснѣе, войтъ назначалъ ихъ по своему произволу, и общество безмолвно соглашалось съ его волей; въ дѣлѣ же есть намеки на то, что прежде избраніе членовъ производилось самимъ обществомъ, которому потомъ избранные давали отчетъ о своей дѣятельности; слѣдовательно, мало по малу магистратъ успѣлъ захватить въ свои руки банковыя операціи коммиссіи капиталами, которые и остались въ рукахъ его членовъ. По заведенному въ коммиссіи порядку, обязательство и заемныя письма подписывались войтомъ, членомъ общественной коммиссіи и членомъ магистрата; въ случаѣ неуплаты по нимъ въ срокъ долга, неисправные должники привлекались къ суду, куда представителемъ отъ коммиссіи являлся, по ея уполномочію, ея же письмоводитель; должниками были по преимуществу мѣщане и купцы—домовладѣльцы Кіева, а вкладчиками, кромѣ коренныхъ обывателей, и лица другихъ сословій и мѣстностей.

Отъ производства по жалобамъ Кравченка слѣдствія относительно банковыхъ операцій общественной коммиссіи остался намъ одинъ только экстрактъ и приговоры суда, но и изъ этихъ остатковъ дѣлопроизводства мы узнаемъ большія или меньшія подробности, рисующія самоуправство и злоупотребленія членовъ городскаго представительства, которое допускало ихъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, благодаря пріобрѣтенной имъ власти надъ личностью и имуществомъ гражданъ, упадку общественнаго контроля надъ его дѣйствіями и возможности подкупа ревизующихъ чиновниковъ.

О дѣятельности членовъ обществ. коммиссіи до 1811 г. мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, съ 1811 же года по 1817 годъ мы

узнаемъ объ оборотахъ коммиссіи по отчетамъ Могилевскаго и Филипповича, представившими его „почетнѣйшему обществу“ 8 авг. 1817 г., при передачѣ дѣлъ бургомистру Филиппу Лакердѣ, съ докладомъ о своей дѣятельности за этотъ періодъ времени. Въ первыхъ числахъ іюля 1811 г., когда они, по предложенію общества, приняли на себя „коммиссійскія обязанности“, то тотчасъ же приступили къ пріему векселей отъ своихъ предмѣстниковъ Константина Балабухи и Алексѣя Островскаго. 7-го іюля Балабуха отлучился по своимъ дѣламъ на короткое время изъ Кіева, а черезъ два дня, т. е. 9 іюля, произошелъ знаменитый пожаръ 1811 г., истребившій почти всю подольскую часть города. Векселя и книги общественной коммиссіи находились у Филипповича; какъ только огонь сталъ угрожать тому дому, гдѣ помѣщалась канцелярія коммиссіи, то Могилевскій, стараясь сохранить столъ съ документами, вынесъ его изъ дому на улицу и поручилъ присмотръ за нимъ разсыльному Максиму Спорнику, а самъ отправился хлопотать о спасеніи своего собственнаго имущества, которому тоже угрожалъ пожаръ. На третій день, когда уже пожаръ сталъ утихать и пострадавшіе стали считать свое уцѣлѣвшее добро, Могилевскій узналъ отъ Спорника, что столъ, порученный ему, со всѣмъ въ немъ находившимся, пропалъ безслѣдно, что пропажа эта произошла при слѣдующихъ обстоятельствахъ, которыя Спорникъ приводилъ въ свое оправданіе, именно, и что когда онъ стоялъ у стола, то къ нему подошелъ ратсгеръ Островскій и приказалъ итти за собой; Спорникъ ему повиновался и, возвратясь на мѣсто, стола уже не нашелъ.

Въ настоящее время этотъ фактъ можно толковать на всѣ лады: можно предполагать, что Островскій, сдававшій вмѣстѣ съ Балабухой векселя и др. денежные документы коммиссіи, были лично заинтересованы въ ихъ исчезновеніи; можно обвинять членовъ магистрата и полицію въ небрежности при розысканіи документовъ: Спорникъ, преданный суду Могилевскимъ, былъ допрошенъ о пропажѣ стола бургомистромъ Акимомъ Барскимъ, дѣйствовавшимъ по приказанію войта коллеж. ассесора Юрія Рыбальскаго, послѣ чего отправленъ въ полицію, а оттуда выпущенъ „для розысканія“, какъ впослѣдствіи говорили, „стола“, который все таки не былъ

найденъ; въ свою очередь, можно предполагать, что Островскій, вслѣдствіе всеобщей паники на пожарѣ, отозвалъ Спорника безъ всякой задней мысли, и столъ самъ собою какъ то затерялся.... Одно только вѣрно, что къ розысканію его во время не было принято мѣръ, и онъ пропалъ безслѣдно, оставивъ мѣсто всякимъ предположеніямъ и догадкамъ. По словамъ Могилевскаго, въ столѣ, кромѣ векселей и книгъ, было деньгами рублей 600—700.

Среди всѣхъ этихъ обстоятельствъ ничего болѣе обществ. коммиссіи не оставалось дѣлать, какъ составить изъ уцѣлѣвшихъ книгъ списокъ лицъ, взявшихъ изъ коммиссіи ссуды; работу эту принялъ на себя Константинъ Балабуха; для провѣрки списка онъ призывалъ должниковъ, которые, пользуясь пропажей подлинныхъ векселей, утверждали—одни, что долгъ ими погашенъ; другіе, что хотя и должны, но въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ значится по спискамъ, и т. п., то есть давали отвѣты, которыхъ въ этомъ случаѣ и слѣдовало ожидать. При этомъ, такъ какъ ни Могилевскому, ни Филипповичу не была извѣстна съ точностью величина общественнаго капитала до пожара (дѣла и счеты не были ими вполнѣ приняты и пожаръ произошелъ до сдачи имъ дѣлъ), то для отклоненія отъ себя всякихъ нареканій и подозрѣній они, „коммиссіанты“, отдавая теперь отчетъ, просили общество и членовъ магистрата позволить имъ принесть присягу въ томъ, что они по возложенной на нихъ обязанности „дѣйствовали по всей справедливости, безъ малѣйшаго корыстолюбія или похищенія, хотя бы и то въ малой части, денегъ“; вмѣстѣ съ тѣмъ они просили выдать имъ аттестатъ о службѣ.— Вновь избранный въ 1817 г. почему то единственный членъ коммиссіи Филиппъ Лакерда долженъ былъ обревизовать отчетъ Могилевскаго и Филипповича, но почему то, несмотря на неоднократныя просьбы послѣднихъ, оттягивалъ повѣрку, отдѣлываясь сначала обѣщаніями, а впослѣдствіи отговариваясь тѣмъ, что въ вѣрности отчета не сомнѣвается и во всемъ его утверждаетъ.

Такъ проходило время; капиталами общественной коммиссіи безконтрольно, подъ покровительствомъ и при участіи войта Григоренка, распоряжался, какъ мы уже знаемъ, одинъ членъ ея Филиппъ Лакерда. Въ февралѣ 1826 г. умеръ войтъ Григоренко, а

въ октябрѣ того же года почувствовалъ приближеніе смерти и старикъ Лакерда; вести дѣлъ онъ уже не могъ и потому, представивъ отчеты о своей дѣятельности, просилъ объ увольненіи; между тѣмъ магистратъ медлилъ съ разрѣшеніемъ вопроса объ увольненіи Лакерды и разсмотрѣніи его отчетовъ; общества не собиралъ и не избиралъ преемника Лакердѣ, пока онъ былъ живъ; въ день же его смерти, о которой какъ будто въ магистратѣ никому не было извѣстно, состоялось, по предложенію войта Кисилевскаго, магистратское опредѣленіе въ томъ смыслѣ, чтобы Антонъ Лакерда и свояк его Павелъ Романовскій приняли деньги и книги отъ своего отца, и тогда же состоялось опредѣленіе въ томъ, чтобы Антонъ Лакерда, совмѣстно съ Василіемъ Тохаемъ, обревизовали отчетность Могилевскаго и Филипповича, поданную, какъ мы видѣли выше, около 10 лѣтъ тому назадъ.

Вновь назначенные ревизоры не замедлили донести магистрату, что дѣла коммиссіи въ весьма печальномъ положеніи: вкладчики требуютъ обратно свои капиталы, должники не могутъ своевременно возвратить занятыхъ ссудъ и къ тому же коммиссія по рѣшенію Сената обязана немедленно уплатить полковнику Понятовскому 96,776 р. за поручительство по откупу; денегъ же въ наличности почти что нѣтъ: *очевидно, коммиссія запуталась въ долгахъ.* Независимо отъ сего, Тохай и А. Лакерда, обревизовавъ отчеты Могилевскаго и Филипповича, въ то же время донесли магистрату, что они открыли въ ихъ отчетахъ 3946 р. $80^1/_2$ к. недостачи и 6150 р., отданныхъ купцу Тернавіоту безъ всякаго документа, что вмѣстѣ составляло начетъ на Могилевскомъ и Филипповичѣ 10096 руб. $80^1/_2$ к.

Въ такихъ обстоятельствъ А. Лакерда, вѣроятно, понявъ, какая отвѣтственность за „коммиссійныя“ дѣла падаетъ на имущество, доставшееся ему отъ отца его, заправлявшаго ими съ 1817 по 1827 г., просилъ магистратъ уволить его отъ участія въ дѣлахъ общ. коммиссіи и, желая выгородить отца своего, сталъ утверждать, что причиною всѣхъ безпорядковъ въ коммиссіи былъ войтъ М. Григоренко, ибо онъ руководилъ дѣломъ самъ, а отецъ его Ф. Лакерда войту только „вспомоществовалъ“. Въ свою очередь, за покойнаго войта М. Григоренка сталъ защитникомъ сынъ его ратсгеръ Иванъ Григо-

ренко, заявившій, что хотя отецъ его и подписывалъ векселя и заемныя письма коммиссіи, но деньги и книги были всегда на рукахъ у Ф. Лакерды и что, умирая, М. Григоренко, въ присутствіи членовъ магистрата, заявилъ, что денегъ у него нѣтъ, а всѣ деньги находятся у Лакерды, чрезъ котораго онъ также далъ обществ. коммиссіи въ займы 40,000 р. для уплаты долга Понятовсколу и что, сверхъ того, коммиссія должна ему, Григоренку, 15,000 руб.—Въ виду всего вышеизложеннаго, магистратъ въ январѣ 1828 г. постановилъ учредить новую коммиссію изъ шести гражданъ, членовъ своихъ: Василія Тохая, Павла и Ивана Романовскихъ, Федора Коробки, Климента Терновскаго и Ивана Лакерды, которымъ поручилъ привести въ извѣстность общественный капиталъ „для соображенія“ [1]).—Что сдѣлала эта новая коммиссія, неизвѣстно; самый составъ ея изъ сына Ф. Лакерды и Романовскихъ, близкихъ ихъ родственниковъ, уже показываетъ, что избрана она была не для разъясненія дѣлъ коммиссіи, а для того, чтобы еще болѣе запутать ихъ и тѣмъ тормозить и безъ того мало подвигавшуюся впередъ работу слѣдователей. Начала свою дѣятельность эта коммиссія съ того, что обратилась къ наслѣдникамъ Ф. Лакерды, какъ завѣдывавшаго коммиссіонными дѣлами до 1827 г., за свѣдѣніями о нихъ, что и повлекло за собою обширную переписку; такъ, напримѣръ, коммиссія требуетъ отъ братьевъ Лакердъ „коммиссійскаго сундука“, въ которомъ хранились деньги и векселя; тѣ въ началѣ хранятъ на всѣ эти требованія упорное молчаніе, затѣмъ отказываются признавать законность требованія коммиссіи изъ шести гражданъ, какъ полноправнаго учрежденія, и изъявляютъ готовность отвѣчать только одному магистрату; вмѣшивается магистратъ и требуетъ отъ нихъ тѣхъ же отвѣтовъ, что и коммиссія, но только отъ своего имени,—опять въ началѣ долгое молчаніе и только въ августѣ 1829 г. (т. е. черезъ полтора года послѣ перваго запроса) А. и И. Лакерды увѣдомляютъ магистратъ, что сундукъ

[1]) Подобная коммиссія была уже разъ учреждена войтомъ Григоренкомъ, подъ руководствомъ гражданина Ив. Котляревскаго, которая и опредѣлила величину городскаго капитала болѣе чѣмъ въ 300,000 руб.; отчетъ этой коммиссіи, поданный Григоренку, вступилъ въ обществ. коммиссію только въ 1828 г.

стоитъ въ той комнатѣ, гдѣ помѣщается городская о приходахъ и расходахъ коммиссія (т. е. въ томъ самомъ помѣщеніи, въ которомъ помѣщался и магистратъ), что ключъ отъ сундука находится у П. Романовскаго, что въ сундукѣ находятся всѣ векселя, росписки, счеты и пр., которыми будто бы завѣдывалъ самъ войтъ, что отецъ ихъ Ф. Лакерда никогда не былъ распорядителемъ общественныхъ денегъ, что онъ былъ только членомъ городской о приходахъ и расходахъ и строительной коммиссій, но ни въ той ни въ другой не завѣдывалъ кассой, такъ какъ для такого завѣдыванія были особые казначеи, и что, наконецъ, пріемъ векселей и денегъ по смерти Ф. Лакерды производилъ одинъ П. Романовскій. Послѣдній поспѣшилъ снять съ себя ссылку Лакерды и заявилъ, что ключъ отъ сундука и понынѣ находится въ рукахъ Антона Лакерды, послѣ того, какъ они вмѣстѣ просматривали и принимали векселя и счеты по порученію магистрата по смерти Ф. Лакерды. Дѣйствительно, ключъ оказался у у Антона Лакерды и находился у него до тѣхъ поръ, пока самый сундукъ не пришлось передать въ камеру словеснаго суда, гдѣ стали производить свои засѣданія новая нарочно выбранная коммиссія изъ членовъ Ивана Лакерды, Романа Барскаго, Демьяна Мирославскаго и Федора Коробки для взысканія долговъ по ссудамъ общественной коммиссіи.—Слѣдователи обратили вниманіе на исключительное, если не комическое, положеніе братьевъ А. и И. Лакердъ въ дѣлѣ растраты капиталовъ обществ. коммиссіи: съ одной стороны, они имущественные отвѣтчики за растрату, произведенную покойнымъ ихъ отцемъ Ф. Лакердою; съ другой, они уполномочены городомъ произвести изслѣдованіе и взысканіе растраченнаго капитала и до времени его хранить. Слѣдователи ставятъ это на видъ одному изъ нихъ—А. Лакердѣ, указывая что ему, какъ сыну, не слѣдовало принимать на себя ревизію дѣлъ своего отца; но тотъ отвѣтомъ не затруднился и оправдывался тѣмъ, что отецъ его вовсе не распоряжался въ дѣлахъ обществен. коммиссіи, а что онъ „упрошенъ былъ градскимъ обществомъ помогать Григоренку“, почему будучи избранъ А. Лакерда считаетъ свое назначеніе (это въ день смерти отца его) въ помощь отцу до его выздоровленія и то не для пріема и ревизіи дѣлъ, а лишь для присут-

ствованія при сдачѣ ихъ отцемъ П. Романовскому; наконецъ, онъ потому будтобы подчинился опредѣленію магистрата и принялъ участіе въ дѣлахъ коммиссіи, что отказъ его могъ быть истолкованъ „за ослушаніе и дерзновеніе противъ начальства". Въ дальнѣйшихъ своихъ показаніяхъ А. Лакерда шелъ по этому же избранному имъ пути; такъ, напр., о ключѣ отъ „коммиссейскаго" сундука онъ сообщилъ, что, розыскавъ его по смерти отца, онъ отослалъ его П. Романовскому, и тотъ уже этимъ ключемъ отперъ сундукъ и столъ съ дѣлами и документами; если же Романовскій не сдѣлалъ описи документамъ и книгамъ, то потому, что находился въ родствѣ съ Могилевскимъ (послѣдній былъ тестемъ Романовскаго), завѣдывавшимъ дѣлами обществ. коммиссіи съ 1811—1817 г., на котораго отцемъ его Ф. Лакердою сдѣланъ былъ начетъ. Показанія эти вызвали опроверженія со стороны Романовскаго, доказывавшаго, что при открытіи въ его присутствіи Антономъ Лакердою сундука никакихъ денегъ въ немъ не оказалось и что вновь вступавшія деньги они принимали и записывали совмѣстно,—отсюда возникъ предъ слѣдователями, съ одной стороны, передъ коммиссіею изъ шести гражданъ съ другой цѣлый рядъ взаимныхъ пререканій между А. Лакердою и Романовскимъ, клонившійся къ тому, что Лакерда старался доказать, что онъ только присутствовалъ при сдачѣ дѣлъ отца своего Романовскому, не принимая въ послѣдствіи никакого участія въ ихъ завѣдываніи. Романовскій, напротивъ, настаивалъ на участіи въ дѣлѣ семьи Лакерды. Пререканіямъ этимъ не видно было конца, такъ какъ братья Лакерды часто оставляли запросы слѣдователей и коммиссіи изъ 6 гражданъ безъ отвѣта, и когда послѣдніе поставили имъ, наконецъ, на видъ, что за подобное поведеніе они подвергнутся закономъ положенной отвѣтственности (п. 191., глава 10 Наказа коммиссіи о составленіи проекта новаго уложенія), то Лакерды объявили, что коммиссію изъ шести гражданъ они не считаютъ правительственнымъ учрежденіемъ и готовы ей отвѣчать не иначе, какъ черезъ магистратъ, а слѣдователямъ совѣтуютъ производить дознаніе лишь о растратѣ, а не дѣлать о нихъ оскорбительныхъ заключеній и угрозъ и не принимать на себя несвойственной имъ роли судей; въ заключе-

ніе же они выразили сомнѣніе въ безпристрастіи слѣдователей такъ какъ послѣдніе возлагаютъ всю вину растратъ на ихъ отца Ф. Лакерду, а не на членовъ магистрата. Въ дальнѣйшемъ все поведеніе братьевъ Лакердъ на слѣдствіи направлено было къ тому, чтобы выгородить какъ покойнаго отца своего Ф. Лакерду, такъ и себя отъ участія въ дѣлахъ коммиссіи, доказать, что дѣлами коммиссіи завѣдывалъ войтъ Григоренко, а Ф. Лакерда „чинилъ ему только вспомоществованіе“, что у войта находились на рукахъ капиталы, документы и все дѣлопроизводство, и что общественная коммиссія по банковымъ операціямъ не обязана была давать отчеты обществу, разъ она посылала ихъ на ревизію казенной палаты, и что, наконецъ, отца ихъ при жизни его не привлекали ни разу къ допросу слѣдователи, такъ какъ извѣстна была его непричастность къ дѣлу растраты общественныхъ денегъ. Показанія же свидѣтелей далеко не шли въ пользу Лакердъ; изъ нихъ отмѣтимъ лишь нѣкоторыя: а) Могилевскаго, заявившаго, что онъ сдалъ книги, векселя и пр. не Григоренку, а Лакердѣ въ присутствіи всего общества, что отчетъ его и Филипповича прочитанъ былъ тогда же для всеобщаго свѣдѣнія и положенъ при зерцалѣ и что вмѣстѣ съ векселями Ф. Лакерда принялъ въ свое вѣдѣніе и денежный сундукъ коммиссіи; б) зять и наслѣдникъ войта Григоренка, капитанъ Филимоновъ, поддерживалъ Могилевскаго въ разоблаченіи имъ дѣятельности Ф. Лакерды и старался выгородить своего тестя отъ взводимыхъ на него обвиненій братьями Лакердами въ единоличномъ управленіи обществ. коммиссіей и въ растратѣ имъ обществ. денегъ; кромѣ извѣстнаго уже намъ заявленія Григоренка передъ своей смертью о томъ, что онъ далъ взаймы черезъ Лакерду обществ. коммиссіи 40,000 р. для уплаты долга Понятовскому, Филимоновъ прибавилъ, что, при покупкахъ въ бакалейной лавкѣ Лакердъ товаровъ, ему не разъ приходилось видѣть, какъ товары заворачивались въ приходо-расходныя книги обществ. коммиссіи періода 1817—1827 г., писанныя рукою Ф. Лакерды и отданныя его сыновьями на обертки съ цѣлью ихъ уничтоженія, и что, наконецъ, тесть его Григоренко за время своего войтовства ничего не пріобрѣлъ, между тѣмъ какъ Ф. Лакерда въ періодъ времени съ

1812 по 1827 годъ т. е. во время производства имъ растраты обществ. денегъ купилъ для себя два большихъ каменныхъ дома, два постоялыхъ двора, каменныя лавки въ гостинномъ ряду, сѣнокосъ и два хутора съ мѣльницами, все это стоющее не малыхъ денегъ и „независимо отъ того для дочери, выданной въ замужество за гражданина Ивана Романовскаго купилъ онъ хуторъ съ кирпичнымъ заводомъ за 10,000 руб.“. Показанія Тохая и братьевъ Бубновыхъ были также не въ пользу Лакердъ, въ опроверженіе ихъ послѣдніе только и могли заявить, что де „Тохай издревле имѣетъ враждебныя чувства ко всему ихъ роду“, а братья Бубновы ведутъ съ ними процессъ, касающійся дѣлъ обществ. коммиссіи.

Болѣе же важнымъ и основательнымъ свидѣтельствомъ растраты общественныхъ денегъ служили представленные Кравченкомъ документы: 1) балансъ 1806—1807 г., писанный рукою Акима Барскаго, безъ его подписи, но удостовѣренный и признанный сыномъ Ак. Барскаго лавникомъ Семеномъ Барскимъ балансъ этотъ писанъ для необходимыхъ канцелярскихъ справокъ при веденіи дѣлъ въ коммиссіи и по этому заслуживаетъ полнаго довѣрія; изъ него видно, что общественный капиталъ въ то время составлялъ сумму въ 405,486 руб. 30 коп., въ числѣ которыхъ было вкладовъ 110,028 р. и собственно принадлежащихъ городу 295,457 р. 87 к. и 2) балансъ Диковскаго; хотя онъ составлялъ копію баланса Барскаго, но въ общемъ итогѣ разнился съ послѣднимъ у Диковскаго онъ выходилъ въ 700,000 р. Кравченко давалъ преимущество итогамъ Барскаго, войтъ же Кисилевскій, чтобы подорвать свидѣтольства балансовъ и показать въ гораздо меньшихъ размѣрахъ обороты общественной коммиссіи представилъ приходо-расходную книгу коммиссіи за 1805—1806 годы. При помощи этихъ только документовъ слѣдователи исчислили растрату и, закончивъ свое первоначальное дознаніе, передали дѣло на ревизію въ контрольное отдѣленіе казенной палаты, которая, разсмотрѣвъ все дѣлопроизводство, пришла къ выводу [1]), что растратой слѣдуетъ признать только а) непра-

[1]) По ревизіи казенной палаты итого дѣятельности общественной коммиссіи по долговымъ операціямъ представляются въ слѣдующемъ видѣ:

вильно израсходованные Могилевскимъ и Филипповичемъ 6,021 р. 70 к.; б) непредставленный ими остатокъ въ 76 к.; в) неправильно записанные Ф. Лакердою 5,401 р. 93 к.; г) не оказавшійся на лице остатокъ отъ операцій до 1827 г. въ 130,741 р. 99 к.; д) невозвращенныя ссуды въ 113,852 р. 80½ к. е) и невозвращенные вклады 172,316 р. 30 коп., а всего 428,335 руб. 48½ к., изъ коихъ, такимъ образомъ, болѣе 400,000 р. растратилъ Ф. Лакерда. Кромѣ того контр. отдѣл. казенной палаты нашло, разсмотрѣвъ всѣ счеты и книги, что дѣлопроизводство велось „по домашнему“, въ видѣ черновыхъ записокъ и притомъ въ страшномъ безпорядкѣ; книги были не прошнурованными, не скрѣпленными, съ многочисленными поправками и помарками.

Такъ печально окончилъ свои дни, родъ, по выраженію подсудимыхъ, „частнаго банка въ Кіевѣ, производившій обороты занятыми суммами“ (т. е. вкладами)...

Въ 1805 г. поступило:

а) вкладовъ. . . . . 103,229 р. 42 к.
б) % по ссудамъ . . 9,510 р. 23¾к.

Въ 1806 году поступило:

а) вкладовъ. . . . . 37,200 р. — к.
б) % по ссудамъ . . 5,995 р. 26 к.
в) неоказав. на лице (?) 644 р. 40 к.

Всего въ приходѣ было 146,877 р. 51¾к.

Въ 1805 г. возвращено:

а) вкладовъ. . . . . 9,800 р. — к.
б) % по вкладамъ. . 5,244 р. — к.

Въ 1806 году возвращено:

а) вкладовъ . . . . 10,601 р. — к.
б) выдано % по вкл. . 4,810 р. 30 к.

Всего въ расходѣ было. 30,455 р. 43 к.

Затѣмъ къ 1807 оставалось:

а) вкладовъ . . . . 110,972 р. 83 к. (
б) % по ссудамъ. . 5,449 р. 25¾к. (всего . . . . . 116,422 р. 8¾к.
в) въ ссудахъ же находилось . . . . . 123,429 р. 69¾к.

Съ 1811 по 1817 годы, когда операціи обществ. коммиссіи производились Филипповичемъ и Могилевскимъ, состояніе счетовъ выражалось

А) по ссудамъ:

а) выдано ссудъ . . 304,830 р. 84 к.
б) получ. % по ссуд. 24,299 р. — к.
в) возвращено ссудъ. 112,413 р. 6½к.
г) невозвращ. ссудъ . 192,417 р. 77½к.

Б) по вкладамъ:

а) поступило вкладовъ 190,925 р. 92 к.
б) выдано по вклад. %. 33,356 р. 14 к.
в) возвращ. вкладовъ . 122,153 р. 76 к.
г) невозвращено вклад. 68,772 р. 16 к.

По вычисленію контроля приходъ за то же время достигалъ 173,362 р. 20 к. а расходъ 173, 361 р. 44 к. — въ остатѣ должно было оставаться 76 к.

Съ 1817 по 1827 г., когда веденіе оборотовъ находилось въ рукахъ Филиппа Лакерда, они выражались въ слѣдующихъ цифрахъ:

А) по ссудамъ:

а) выдано ссудъ . . 198,972 р. 92½к.
б) получ. % по суд. . 17,096 р. 59 к.
в) возвращено ссудъ. 85,120 р. 13¾к.
г) невозвращ. ссудъ . 113,852 р. 80½к.

Б) по вкладамъ:

а) принято вкладовъ. 306,910 р. 26 к.
б) выдано % по вклад. 82,710 р. 14½к.
в) возвращено. вклад. 134,593 р. 96 к.
г) невозвращ. вклад. 172,316 р. 30 к.

V.

Право кіевскихъ мѣщанъ на „корчемную аренду“, т. е. на производство спиртныхъ напитковъ и торговлю ими въ чертѣ города, принадлежало имъ издревле. Въ первыхъ жалованныхъ польскими королями грамотахъ г. Кіеву упоминается уже объ этомъ правѣ; оно предоставлялось мѣщанамъ подъ условіемъ ежегоднаго взноса въ королевскую казну двухъ копъ литовскихъ грошей; по грамотѣ кор. Сигизмунда-Августа 5 мая 1558 г. налогъ былъ увеличенъ до 800 копъ, которые могли быть вносимы въ 2 срока; съ этимъ увеличеніемъ налога, винокуреніе и пивовареніе запрещалось всѣмъ другимъ сословіямъ въ Кіевѣ, отчего и жизнь кіевлянъ во всѣ послѣдующія времена изобиловала спорами о нарушеніи пропинаціоннаго права то духовенствомъ, то жолнѣрами, то козаками, то польскими, то московскими людьми. Съ переходомъ Кіева подъ власть московскаго Государя корчемная аренда была удержана за мѣщанами, съ обязательствомъ платить въ государеву казну по 600 р. ежегодно, вмѣсто прежнихъ 800 копъ литовскихъ грошей. Позже, въ концѣ ли прошлаго столѣтія или въ началѣ настоящаго, эта откупная плата была увеличена, тѣмъ не менѣе корчемная аренда въ Кіевѣ по прежнему оставалась за мѣщанами; но вотъ въ концѣ 1810 г., когда окончился срокъ откупу мѣщанъ кіевскіе бургомистры: Иванъ Кирисевскій (отецъ послѣдняго войта) Филиппъ Лакерда и Петръ Барщевскій,

---

Приходъ за все это время составлялъ 496,331 руб. 97¾ коп., а расходъ 365,589 р. 98¾ к. Слѣдовательно, въ наличности должно было оставаться 130,741 р. 99 к., но на дѣлѣ сундукъ оказался пустымъ.

Независимо отъ сего, въ періодъ времени съ 1811 по 1827 г. изъ суммъ коммиссіи были сдѣланы слѣдующіе расходы, оставшіеся непополненными:

1. Выдача Кисилевскому, Лакердѣ и Барщевскому при поѣздѣ ихъ въ Спб. за полученіемъ аренды питейнаго откупа въ Кіевѣ . . . . 50,000 р.
2. На постройку гостиннаго каменнаго дома на Подолѣ. . . . . 22,285 р.
3. Въ подольскую питейную контору П. П. Барщевскому . . . . 15,000 р
4. Полковнику Понятовскому по обязательству за залогъ имъ 1000 душъ крестьянъ въ обезпеченіе правильной уплаты откупной суммы . . . . . 5,000 р.
5. Тому же Барщевскому . . . . . 1,000 р.
6. По приговору Сената уплочено Понятовскому. . . . . 96,776 р.

Такимъ образомъ, всего израсходовано. . . . . 193,561 р.

взявъ изъ капиталовъ общественной коммиссіи 50,000 руб., отправились въ С.-Петербургъ подъ предлогомъ хлопотъ по дѣламъ городскаго общества; прибывъ же туда они въ Сенатѣ заключили откупной контрактъ на свое имя, при чемъ правительство, какъ оказалось впослѣдствіи, видя въ нихъ представителей городскаго управленія, полагало, что откупъ по прежнему взятъ кіевскими мѣщанами. Контрактъ былъ заключенъ на четыре года съ ежегодною платою въ казну по 371,500 р. подъ поручительствомъ полковника Ціолка Понятовскаго, давшаго въ залогъ своихъ тысячу душъ крестьянъ, за что откупщики обязывались платить ему по 5000 руб. ежегодно. Условіе съ Понятовскимъ подписали еще, кромѣ названныхъ нами Кисилевскаго, Лакерды и Барщевскаго, М. Григоренко, И. Котляревскій, А. Барскій, И. Могилевскій, И. Кармалѣй, А. Кобецъ, А. Островскій и К. Балабуха, которыя и составили первоначальную кіевскую откупную компанію (составъ ея за смертью Кисилевскаго, главнаго члена не измѣнился, потому что права его перешли къ сыну Григорію). Въ томъ же 1811 году къ участію въ этой компаніи были привлечены еще 40 человѣкъ изъ кіевскихъ гражданъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) они добровольно входятъ въ „компанійское“ товарищество, 2) обязываются выполнять всѣ условія договоровъ, какія Лакерда и Барщевскій признаютъ необходимымъ заключить съ казной или съ частными лицами; 3) должны будутъ, по мѣрѣ возможности, помогать личнымъ трудомъ или деньгами Лакердѣ и его товарищамъ; 4) обязываются собрать капиталъ въ 250,000 руб. и выбрать изъ своей среды членовъ правленія и лицъ, которые бы наблюдали за торговлей и веденіемъ приходо-расходныхъ книгъ, представляя о своей дѣятельности ежегодно отчетъ членамъ компаніи, и наконецъ, 5) получаютъ право участія въ прибыляхъ, отвѣтствуя при этомъ и за убытки, если бы они оказались[1]). Такъ просто

[1]) Имена компанейскихъ товарищей: М. Григоренко, Г. Кисилевскій, А., К. и С. Балабухи, А. Барскій, И. Могилевскій, М. Безсмертный, И. Карамалѣй, И. Атанасѣвичъ, Т. Заремба, Ф. Барановичъ, А. Кобецъ, А. Островскій, М. Филипповичъ, П. Коробкинъ, Г. Иванченко, А. Гроздовскій, М. Гоцаенко, Ф. Рябчиковъ, И Селецкій, Г. Бѣлоусовъ, И Бушевъ, А. Хотяновскій, М. и А. Бубновы, А. Брилин-

корчемная аренда, дававшая до сихъ поръ весьма значительные доходы городскому обществу, перешла въ руки нѣсколькихъ гражданъ, стоявшихъ у дѣлъ городскаго управленія главнымъ образомъ, Лакердъ. Бо́льшіе подробности этого захвата общественныхъ доходовъ въ свои руки общественными дѣятелями, обязанными блюсти въ интересахъ города, эти доходы мы узнаемъ изъ показаній И. Могилевскаго и др. лицъ; по ихъ словамъ, „общество кіевскихъ гражданъ имѣло свою общественную сумму и по опредѣленію почетнѣйшихъ гражданъ, учиненному 7 апр. 1816 года, была составлена коммиссія, которой поручено было потребовать „отъ управлявшихъ винными сборами довѣренныхъ особъ, экономовъ и шафарей“ книги и отчеты для обревизованія; и дѣйствительно, отъ „управлявшихъ винными сборами съ 1811 по 1815 г. именитыхъ гражданъ Ф. Лакерды и Петра Барщевскаго истребованы были коммиссіею приходо-расходные книги и по онымъ открытъ собственно принадлежащій кіевскому обществу и подлежащій ему въ возвратъ капиталъ болѣе чѣмъ въ 300,000 руб., о коемъ подробно составленныя вѣдомости въ 1818 г. въ присутствіи магистрата поданы были войту Григоренку“; впослѣдствіи эти вѣдомости въ 1828 г. были переданы въ слѣдственную коммиссію, учрежденную для приведенія въ извѣстность всѣхъ городскихъ капиталовъ. Но по вѣдомостямъ этимъ затруднительно было, вслѣдствіе ихъ противорѣчивыхъ показаній, опредѣлить количество не только прибылей, но и самаго городскаго откупнаго капитала; изъ болѣе достовѣрныхъ свѣдѣній о послѣднемъ и прибыляхъ слѣдственная коммиссія остановилась на балансѣ, представленномъ Кравченкомъ, гдѣ капиталъ опредѣленъ въ 459,585 р. 65½ к.; изъ этой суммы она исключила недоплоченные въ казначейство 60,065 р., долгъ дворянину Вишневскому 3000 руб. и сгорѣвшей во время пожара 1811 г. водки на 91,776 р. 63¾ коп., что составитъ капиталъ съ при-

---

скій, А. Дейнека, И. Карасевичъ, П. Призъ, С. Горбиковскій, М. Приходько, И. Пятница, А. Мерцаловъ, В. Барбикъ, І. Диковскій, Г. Бугаевскій, М. Логвиновъ, Ф. Птицкій, М. Калиновскій и Е. Лисенко.

былями въ 304,734 р.[1]), т. е. подходящую къ той, которую болѣе чѣмъ въ 300,000 р. опредѣлила коммиссія изъ гражданъ. Контрольное отдѣленіе казенной палаты не согласилось съ слѣдственною коммиссіею и исчислило, что отъ питейнаго откупа городу должно было оставаться 358,835 р. 15 к., въ томъ числѣ 224,059 руб. 71½ к. внесенныхъ въ казначейство откупныхъ суммъ, но не записанныхъ въ книги, отчего весь недочетъ откупныхъ суммъ исчислился ими въ 134,775 р. 44 коп. Въ своихъ показаніяхъ слѣдственной коммиссіи братья Лакерды доказывали, что операціи общественными деньгами въ откупномъ дѣлѣ, не только не давали барышей, но еще привели къ убыткамъ въ 206,179 руб. 70½ к., къ тому же еще они утверждали, что судъ не имѣетъ права вмѣшиваться въ это дѣло, такъ какъ откупъ и соединенныя съ нимъ операціи общественной коммиссіи—дѣло частное, отчетъ о которомъ, если кто и имѣетъ право требовать, то развѣ лишь тѣ лица, что участвуютъ въ немъ. Вообще, во время производства всего этого дѣла, Лакерды до того смѣшивали свое хозяйство и торговлю съ общественнымъ городскимъ, что, на основаніи приведеннаго нами условія, съ 40 компаніонами по содержанію откупной аренды предъявили въ судѣ къ нимъ искъ о возвратѣ имъ братьямъ Лакердами 96,977 р., уплоченныхъ ими будто бы поручителю полков. Понятовскому изъ своихъ собственныхъ денегъ; въ судѣ дѣло они выигрываютъ, рѣшеніе суда утверждается Сенатомъ, въ пользу ихъ даже взыскивается эта сумма, но задерживается и отсылается въ приказъ общественнаго призрѣнія въ виду производившагося разслѣдованія о сдѣланныхъ Ф. Лакердою растратахъ. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ изъ потерпѣвшихъ откупщиковъ успѣли воспользоваться только братья Михаилъ и Алексѣй Бубновы. Имъ удалось доказать, что подписка 40 человѣкъ, сдѣлавшихся товарищами по содержанію откупа въ Кіевѣ, не имѣетъ юридическаго значенія, какъ писанная на простой бумагѣ, не заявленная въ судѣ и уничтоженная 28 октября 1816 года, при окончаніи срока откупа, опредѣленіемъ магистрата который по-

[1]) По счетамъ слѣдователей сюда входила и прибыль отъ пивоваренія—24,535 р. 65 к. и по медоваренію—8266 р. 37 к.

становилъ тогда уплатить Понятовскому 96,977 р. изъ суммъ общественной коммиссіи, ибо откупъ принадлежалъ не Ф. Лакердѣ, Кисилевскому и Барщевскому, а городской общинѣ, коею Лакерда и всѣ лица, служившіе въ откупѣ, были избраны и пользовались за свою службу обществу правами и преимуществами, но что впослѣдствіи Ф. Лакерда присвоилъ себѣ какъ капиталы, такъ и имущество откупа Доводы Бубновыхъ были признаны слѣдственною коммиссіею совершенно справедливыми.

VI.

Кравченко, между прочимъ, указывалъ также въ своихъ заявленіяхъ слѣдственной коммиссіи и на растрату пожарной или поземельной (иначе посаженной) суммы. Городской капиталъ подъ этимъ именемъ, какъ оказалось при слѣдствіи, образовался послѣ пожара 9 іюля 1811 г., истребившаго въ Кіевѣ большую часть Подола при сѣдующихъ обстоятельствахъ: 12 апрѣля 1812 г. министръ полиціи доставилъ генералъ-губернатору Милорадовичу новый Высочайше утвержденный планъ для застроенія погорѣвшей части города; по этому плану, вмѣсто бывшихъ на Подолѣ до пожара 2000 домовъ, разрѣшалось воздвигнуть вновь не болѣе 600. Для приведенія въ исполненіе этого Высочайшаго повѣленія относительно застроенія города, генералъ-губернаторъ подъ ближайшимъ надзоромъ губернатора (тогда де-Санти) назначилъ коммиссію изъ совѣтника казенной палаты, ассесора губернскаго правленія, войта, бургомистра, представителей отъ купечества и мѣщанства, изъ духовнаго депутата и городскаго архитектора; въ обязанности коммиссіи входило: увеличеніе однихъ усадебныхъ участковъ и уменьшеніе другихъ, отводъ пострадавшимъ отъ пожара гражданамъ городскихъ свободныхъ участковъ въ замѣнъ отобранныхъ въ пользу ли то города или частныхъ лицъ, съ вознагражденіемъ однихъ за убытки, происшедшіе отъ потери ими участковъ, и со взиканіемъ съ другихъ за большія выгоды, пріобрѣтенныя ими при увеличеніи ихъ усадьбы. Собирались такимъ образомъ, значительныя суммы, и такихъ суммъ, со включеніемъ сюда денегъ, пожертвованныхъ кожемяцкими жителями

за площадь и „помойницкій каналъ“ въ коммиссіи скопилось 68,679 руб. 89 коп.; изъ коихъ выдано было гражданамъ за отошедшія отъ нихъ усадьбы 42,072 р. 59½ коп., а 26,000 по распоряженію губернатора де-Санти положены были въ приказъ общественнаго призрѣнія до востребованія, при чемъ требовать можно было всякій разъ не болѣе 2 т. руб. Дальнѣйшихъ свѣдѣній объ этомъ городскомъ капиталѣ въ дѣлахъ слѣдственной коммиссіи мы не нашли.

VII.

Тогда же Кравченко возбудилъ вопросъ и о доходахъ съ городскаго театра. Свѣдѣнія, полученныя слѣдственною коммиссіею объ этихъ доходахъ, крайне скудны; изъ нихъ мы можемъ указать только на то, что хозяйство театра въ началѣ находилось въ рукахъ Филиппа Лакерды и за его время т. е. до 1826 г. доходы отъ театра не фигурируютъ въ графѣ городскаго прихода. Въ 1826 году [1]) театръ былъ отданъ въ аренду антрепренеру Ленковскому, неуплатившему однако въ городскую кассу арендныхъ денегъ, вслѣдствіе Высочайше наложеннаго въ томъ году траура; въ 1827 г. театръ, по словесному будто бы предложенію генералъ-губернатора Желтухина, какъ впослѣдствіи объяснялъ

[1]) Кстати припомнимъ здѣсь, со словъ Закревскаго и Вигеля, исторію перваго кіевскаго театра: до 1800 г. въ Кіевѣ не было постояннаго театра и зданіе для него, между 1803 и 1806 г., выстроено было временное, деревянное на Крещатикѣ, противъ Царскаго сада, гдѣ нынѣ Европейская гостинница, городомъ. Въ театрѣ давались сначала представленія малороссійской труппы помѣщика черниговской губ. Ширая, а въ контрактовое время играли польскіе актеры; въ 1820 годахъ стали появляться въ Кіевѣ послѣдовательно антрепренеры частныхъ труппъ: Ленковскій, Недзельскій и Рыкановскій; въ 1830 г. временно появилась въ Кіевѣ труппа Шейна, въ которой участвовалъ знаменитый впослѣдствіи артистъ Щепкинъ, и только въ 1835 г. позволено учредить при кіевскомъ театрѣ постоянную русскую труппу актеровъ, на что было ассигновано ежегодно изъ город. доходовъ 3 т. р. Дирекція театра состояла изъ 3-хъ членовъ подъ предсѣдательствомъ губернатора (она разрѣшала представленія и на французскомъ языкѣ). Крещатицкій театръ въ 1850-хъ годахъ былъ сломанъ и мѣсто изъ подъ него долго оставалось пустымъ и потомъ отдано г. Гудимъ-Левковичу, выстроившему большое каменное зданіе, гдѣ нынѣ помѣщается Hotel de l'Europe. Театральныя же представленія послѣ того давались на Подолѣ.

магистратъ, былъ сданъ безденежно тому же антрепренеру Ленковскому, въ рукахъ котораго и находился до ноября 1829 г., а съ этого времени и по 1833 г. онъ находился въ хозяйственномъ завѣдываніи зятя Ф. Лакерды, Ивана Романовскаго. Въ ноябрѣ 1833 г. Романовскій сообщилъ магистрату что за четыре года его управленія театромъ въ приходѣ было 5580 р., изъ которыхъ израсходовано на подчинку зданія и др. расходы 4315 р. 96 к. и на погашеніе въ коммиссію о городскихъ приходахъ и расходахъ театральнаго долга 1000 р., а остатокъ въ 184 руб. $3^1/_4$ к. доставленъ имъ въ магистратъ. Губернаторъ Лашкаревъ тогда же передалъ завѣдываніе театромъ въ городскую о приходахъ и расходахъ коммиссію.

VIII.

На сколько небрежно относились городскіе представители къ общественнымъ суммамъ видно изъ того, что слѣдователямъ пришлость признать неоплаченнымъ расходъ, сдѣланный изъ общественнаго капитала въ 22,285 р. на постройку гостинаго двора, начатаго въ 1809 г. Могилевскій объявилъ, что эти деньги не имъ выданы, но имъ только записаны со словъ его предмѣстника по управленію дѣлами общественной коммиссіи Константина Балабухи, говорившаго ему, что деньги эти выданы строителямъ гостинаго двора гражданамъ Ивану Котляревскому и Акиму Барскому, которые должны записать эти деньги приходомъ въ свою книгу, спеціально назначенную на предметъ приходовъ и расходовъ по постройкѣ двора. По справкѣ слѣдователей съ этою книгою 22,285 р. въ ней оказались неоприходованными. Впослѣдствіи судъ, принявъ во вниманіе, что о деньгахъ этихъ далъ показаніе только одинъ Могилевскій, а всѣ причастные къ дѣламъ общественной коммиссіи лица поумирали, не рѣшился признать ихъ подлежащими взысканію съ членовъ обществ. коммиссіи.

Небрежность вела за собою и злоупотребленіе городскихъ представителей въ противозаконномъ пользованіи и распоряженіи городскими имуществами. Слѣдователями было констатировано,

что Ф. Лакерда купилъ въ гостиномъ ряду на Подолѣ лавку № 29 на свое имя за 2288 р., взятыхъ изъ „коммиссейскаго сундука", по вѣдомостямъ показанную въ числѣ прочаго городскаго имущества; но Ф. Лакерда пользовался ею на правахъ собственника; на тѣхъ же правахъ послѣ его смерти она перешла къ его сыну Антону и только съ 1829 года поступила въ завѣдываніе другихъ членовъ общественной коммиссіи.

Домъ, что́ противъ царскаго сада, купленъ былъ ратсгеромъ А. Островскимъ тоже на свое имя, но на городской счетъ, за 850 р.; затѣмъ онъ перешелъ къ Ф. Лакердѣ, какъ „коммиссіанту„ (завѣдывающему дѣлами обществ. коммиссіи), которымъ и уступленъ капитану Линовскому за 5 т. р., деньги эти онъ тутъ же записалъ въ приходъ общественной коммиссіи, какъ невозвращенный Линовскому вкладъ его въ 5 т. р.; наконецъ, въ счетъ этихъ же 5 т. р., впослѣдствіи, Лакерда отдалъ ему же, Линовскому, лавку, оцѣненную въ 2 т. р.; на всѣ эти переходы изъ рукъ въ руки имущества совершены были купчія крѣпости, на которыя магистратъ по невѣдѣнію далъ разрѣшенія.

Домъ на Подолѣ между кузницами на берегу Днѣпра, весьма ветхій, давалъ ежегодно 25 р. доходу; но деньги эти нигдѣ не были оприходованы.

Кромѣ того, оказалось, что принадлежавшіи городу котлы цѣною въ 442 р. 50 к. перешли къ П. Романовскому, но денегъ онъ за нихъ не уплатилъ хотя по городскимъ книгамъ они были записаны.

IX.

Принимая во вниманіе всѣ вышеизложенныя данныя, уголовная палата, на основаніи ст. 306, 310, 317, 318 т. IX Св. зак.; ст. 1379—1392 т. X, ст. 1—5, 10, 16, 19, 20, 24, 42, §§ 1 и 4 т. XII и ст. 1—4, 11, 13, 305, 107, 108, 119, 145, 150, 256, 257 и 260 т. XIV и въ силу всемилостивѣйшихъ манифестовъ 22 августа 1826 года и 16 апрѣля 1842 года, рѣшила а) 76 коп., не представленныя на лицо Филипповичемъ и Могилевскимъ; 6021 руб. 70 коп., незаконно израсходованные ими,

да 5401 руб. 93 коп., истраченные Лакердой, хотя бы и слѣдовало взыскать, но такъ какъ изъ дѣлъ не видно, чтобы эти суммы были израсходованы безъ согласія общества (хотя не видно также, чтобы они были израсходованы съ согласія общества) и въ виду того, что члены магистрата не повѣрили ихъ отчетовъ своевременно, когда подсудимые могли представить въ свое оправданіе какіе-либо доводы, то отъ взысканія этихъ денегъ освободить Филипповича, Могилевскаго и Ф. Лакерду; б) 130,741 руб. 99 коп., которые должны были оставаться къ 1827 году отъ суммъ общественной коммиссіи, хотя также слѣдовало бы взыскать съ членовъ магистрата, завѣдывавшихъ дѣлами коммиссіи, но въ виду того, что книги не сопровождались оправдательными документами и велись „какъ домашніе записки", а общество само не заботилось о цѣлости своихъ капиталовъ, то, не дѣлая окончательнаго постановленія, палата предполагала предоставить самому обществу, буде пожелаетъ, произвести разсчетъ съ наслѣдниками лица, управлявшаго общественной коммиссіей съ 1817 по 1727 годы, т. е. съ наслѣдниками Ф. Лакерды; в) 172,416 руб. 30 коп., составляющіе невозвращенные вклады должно пополнить взыскиваемыми ссудами; въ случаѣ недостачи послѣднихъ, привлечь къ уплатѣ того, кто завѣдывалъ коммиссіей въ 1817—1827 годахъ, т. е. все того же Лакерду; г) вмѣстѣ съ тѣмъ, палата признала откупъ въ Кіевѣ съ 1811 по 1814 годы не частнымъ, а общественнымъ, какъ потому, что лицамъ, выдававшимъ себя за это время откупщиками были переданы всѣ припасы, посуда и капиталъ, оставшіеся отъ откупа 1810 года, такъ и по тому, что всѣ расходы по потребностямъ откупа дѣлаемы были изъ общественныхъ суммъ, поэтому и рѣшила взысканіе растраченныхъ 134775 руб. 44 коп. предоставить на волю общества; виновными же палата признала тѣхъ, кто бралъ на себя откупъ въ 1811 году и обязанъ былъ давать отчетъ по торговлѣ напитками; д) компанію изъ 40 человѣкъ, къ которымъ Лакерда предъявилъ искъ объ уплатѣ 96776 руб. освободить отъ уплаты, потому что эти деньги были общественной собственностью; е) деньги съ капитана Линовскаго 5000 руб. за домъ и лавку на Крещатикѣ, такъ же какъ и съ Романовскаго 442 руб.

50 коп. за котлы должно взыскать въ пользу общества; ж) доходы съ дома на берегу Днѣпра и доходы съ театра палата находила необходимымъ привести въ точную извѣстность и тогда только взыскать ихъ съ того, кто завѣдывалъ домомъ и театромъ; наконецъ з) относительно 22285 руб. она рѣшила потребовать отъ общества доказательства, что деньги эти дѣйствительно были выданы, но не возвращены въ кассу общественной коммиссіи. Въ заключеніе палата замѣчаетъ, что хотя членовъ магистрата и слѣдовало бы на основаніи законовъ подвергнуть „лично строгому взысканію“ за злоупотребленія по должности, но въ виду манифестовъ 1826 и 1841 годовъ опредѣляетъ „сужденіе о нихъ прекратить“. Исчисленіе процентовъ съ растраченнаго капитала и взысканіе ихъ съ виновныхъ уголовная палата передала гражданскому суду. Такой приговоръ былъ произнесенъ палатой въ 1841 году 31 декабря.

Соглашаясь съ этимъ приговоромъ, губернаторъ передалъ дѣло, прибавивъ къ нему и свое мнѣніе, на разсмотрѣніе Сената, который только 25 іюля 1846 года утвердилъ приговоръ палаты. Такимъ образомъ возврату должны были подлежать, по вычисленію суда, точно опредѣленная сумма въ 363672 руб. 81½ коп.; если же сюда присоединить все то, что по недостатку точныхъ данныхъ, палата предоставила опредѣлить самому обществу, то растрата превзойдетъ сумму въ 400,000 руб.; цифра эта еще болѣе увеличится, если прибавить проценты, опредѣленіе которыхъ предоставлено гражданской палатѣ, причемъ проценты должны были высчитываться со дня обнаруженія растраты и по день утвержденія приговора Сенатомъ, т. е. съ 1821 по 1846 г. слѣдовательно за 25 лѣтъ. Не слѣдуетъ забывать также, что коммиссіей 1816 года высчитано прибылей отъ питейнаго откупа болѣе 300,000 руб.; да по балансу А. Барскаго должно было находиться на лицо общественной суммы 405,486 руб.; мы умалчиваемъ уже о ссудахъ, которые самъ магистратъ призналъ безнадежными, и готовы допустить, что всѣ онѣ могли быть возвращены; съ отнесеніемъ къ растратѣ и этихъ денегъ окажется, что представителями городскаго общества было растрачено болѣе милліона рублей.

Хотя по приговору уголовной палаты самому обществу предоставлялось начать искъ противъ членовъ магистрата, но мы не видимъ, чтобы оно когда-либо этимъ правомъ, воспользовалось; да и трудно было ожидать отъ кіевскихъ мѣщанъ такого шага, когда, съ одной стороны, для доказательства иска требовались особенныя условія и главное солидарность членовъ общества, отсутствовавшая даже въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ она хоть сколько нибудь могла проявиться (напр.: выборы, протесты Кравченка, подписка и проч.), а съ другой, вліятельные члены магистрата, находившіеся подъ слѣдствіемъ, продолжали, и послѣ отмѣны магдербургскаго права, вліять на мѣщанъ, являясь представителями словеснаго суда и кіевскаго магистрата, какъ учрежденія судебнаго.

X.

Рядомъ съ этими крупными растратами совершались и болѣе мелкія. Такъ, напр.: въ 1827 году губернское правленіе сообщило слѣдователямъ объ оказавшемся отсутствіи въ городской кассѣ двухъ суммъ: въ 4324 руб. и въ 15,250 руб.; отсутствіе ихъ было обнаружено комитетомъ 1806 года, учрежденнымъ въ Кіевѣ для приведенія въ порядокъ финансоваго управленія; онъ нашелъ, что предшествовавшій ему въ Кіевѣ въ 1804 и 1085 году такой же комитетъ объ уравненіи городскихъ повинностей, разсмотрѣвъ приходы и расходы города указалъ на двѣ суммы, которыя должны быть возвращены въ городскую кассу: остатокъ отъ суммы, образовавшейся изъ собранныхъ пожертвованій за записываніе жителей въ обывательную книгу, и остатокъ отъ капитала, пріобрѣтеннаго городомъ по винному откупу до 1806 года. Магистратъ, спрошенный комитетомъ объ этихъ деньгахъ, отговаривался невѣдѣніемъ, ссылаясь на пожаръ 1811 года, въ дальнѣйшемъ же объяснилъ, что 4324 были употреблены на постройку кузницъ, а 15250 руб. находятся въ оборотѣ по винному откупу и, вѣроятно, израсходованы. Комитетъ этимъ не удовлетворился и потребовалъ разслѣдованія, которое было поручено извѣстнымъ уже намъ слѣдователямъ

Стриженъ и Долинскому. По обыкновенію началась переписка между слѣдственной коммиссіей, магистратомъ и общественной коммиссіей; магистратъ стоялъ на одномъ: „свѣдѣній де неимѣется“, но и этотъ краткій отвѣтъ онъ посылалъ мѣсяца чрезъ три или четыре по полученіи запроса. Слѣдователи грозили „за уклонность и медленность“ предать суду членовъ магистрата, но ничто не помогало, и послѣдній съ замѣчательнымъ постоянствомъ отвѣчалъ, что въ дѣлахъ магистрата свѣдѣній объ этихъ суммахъ нѣтъ; войтъ же Киселевскій доносилъ, что онъ стороною развѣдывалъ объ этихъ деньгахъ у разныхъ лицъ, но также нигдѣ не встрѣтилъ указаній и сослался на то, что магистратъ есть учрежденіе, вѣдающее одни судебныя дѣла; городская же коммиссія, хотя и вѣдаетъ доходы и расходы подъ непосредственнымъ надзоромъ гражданскихъ губернаторовъ и отдаетъ отчеты казенной палатѣ, но она существуетъ съ 1807 года, т. е. послѣ изчезновенія названныхъ суммъ. Спросили еще нѣсколькихъ старожилыхъ мѣщанъ, но и тѣ, какъ и слѣдовало ожидать, отвѣтили отрицательно, хотя замѣтили, что кузницы строились не на счетъ города, а изъ собственныхъ средствъ кузнецовъ. Нашелся, однако, одинъ свидѣтель, который показалъ, что кузницы строились подлѣ памятника Владиміра подъ горой, что они были сдѣланы изъ плетня и только обмазаны глиной; всѣхъ ихъ было выстроено тогда около тридцати и за работой надсматривалъ мѣщанинъ Григорій Шень; послѣдній призналъ справедливость показанія и прибавилъ, что деньги выдавались и записывались гражданиномъ Григоріемъ Ковалевскимъ, что общее число кузницъ равнялось 35, которые и отдавались мѣщанамъ на выплатъ по 70 и 120 руб.; но кузнецы не успѣли выплатить всѣхъ денегъ, вслѣдствіе постигшаго ихъ несчастія: гора обвалилась и разрушила постройки. Что же касается до 15250 руб., то члены магистрата стояли на одномъ: сумма находится въ питейномъ откупѣ, о которомъ производится особенное слѣдствіе. Уголовная палата, не имѣя никакихъ иныхъ данныхъ, должна была принять это объясненіе; впослѣдствіи же, при разборѣ дѣла объ откупѣ, вопросъ объ этой суммѣ вовсе слѣдователяли не былъ затронутъ. Сумма въ 4324 руб. была признана за своевольный

расходъ, вопреки 155 ст. городоваго положенія, и потому подлежащей взысканію съ тѣхъ членовъ, которые засѣдали въ общественной коммиссіи въ 1804 и 1805 годахъ, именно: съ войта коллежскаго ассесора Юрія Рыбальскаго, Евѳима Митюка, Ивана Котляревскаго и Матвѣя Филиповича, наслѣдники которыхъ перенесли дѣло въ Сенатъ, рѣшеніе котораго намъ неизвѣстно.

Слѣдующій за симъ эпизодъ изъ разсмотрѣнныхъ нами дѣлъ покажетъ, какъ пользовались члены магистрата всякимъ удобнымъ случаемъ, что либо урвать въ свою пользу изъ городскихъ средствъ. 6 сентября 1832 года гражданскій губернаторъ Г. С. Лашкаревъ призвалъ къ себѣ войта Киселевскаго и, сообщивъ ему объ ожидавшемся пріѣздѣ въ Кіевъ 7-го сентября Государя, приказалъ сдѣлать на счетъ городскихъ суммъ закупки провизіи для свиты Его Величества. Киселевскій передалъ въ городской коммиссіи распоряженіе губернатора и назначилъ для закупокъ бургомистра Ивана Романовскаго, и ратсгера Демьяна Мирославскаго выдавъ имъ для записыванія издержанныхъ денегъ „зашнурную книгу“. По отъѣздѣ Высокаго Гостя подведены были итоги, и оказалось, что закупокъ сдѣлано на 2843 руб. 5 коп.; губернаторъ Лашкаревъ потребовалъ „зашнурную книгу“ на свое „благоразсмотрѣніе“; магистратъ по обыкновенію медлилъ и только послѣ неоднократныхъ и внушительныхъ настояній исполнилъ требованіе начальника; это было уже 24 ноября. Губернаторъ передалъ счетъ на ревизію въ казенную палату, контрольное отдѣленіе которой нашло, что Романовскій и Мирославскій, имѣвшіе порученіе сами дѣлать закупки, противозаконно передали его другимъ лицамъ: Исааку Червинскому и Григорію Новицкому; что счетъ написанъ безъ объясненія, у кого что куплено, безъ представленія справочныхъ цѣнъ, безъ росписки продавцевъ въ полученіи денегъ (оправдательныхъ документовъ), съ подчистками и поправками и, вообще, съ нарушеніемъ формъ счетоводства; наконецъ, что расходъ сдѣланъ безъ Высочайшаго разрѣшенія, которое, согласно положенію 17 сентября 1831 о городскихъ доходахъ и расходахъ, необходимо должно быть испрашиваемо въ такихъ случаяхъ. Въ свое оправданіе, Киселевскій опирался на словесное приказаніе губернатора, на необходи-

мость безусловнаго повиновенія волѣ начальства и проч. Но все это мало помогло ему, потому что губернаторъ утверждалъ, что онъ такого приказанія никогда не давалъ, да и давать не могъ, помня приведенное нами выше положеніе 1831 года, а уголовная палата, принявъ сторону губернатора, присудила взыскать съ Киселевскаго деньги; послѣдній предупредилъ приговоръ суда, покрывъ заблаговременно сдѣланный на него начетъ. Дѣло стало извѣстнымъ и Государю, повелѣвшему поступить съ виновнымъ по всей строгости законовъ. Приговоръ былъ объявленъ 1 мая 1835 г. Но въ ту пору, когда дѣло это уже заканчивалось, В. Кравченкомъ была подана въ губернское правленіе жалоба о томъ, что войтъ Киселевскій, во время пріѣзда Государя собралъ для угощенія его и царской свиты большую сумму денегъ съ кіевскихъ мѣщанъ, а между тѣмъ не оприходовавъ этого сбора по книгамъ городской коммиссіи поставилъ ее въ расходъ, какъ будто она была взята изъ кассы коммиссіи; въ доказательство своей жалобы онъ ссылался на обывателей, вносившихъ деньги для угощенія, имѣвшихъ у себя квитанціи и готовыхъ представить ихъ на судъ. Протестъ Кравченка остался „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ“ [1]).

---

[1]) Приводимъ счетъ Киселевскаго по пріему и угощенію свиты:

1. За 2 п. 25½ ф. сахару, изъ коихъ 2 п. 8¼ ф. по 43 р. за пудъ а 17½ ф. по 1 р. 10 к. за пудъ, всего	114 р. 12 к.
2. За 3 ф. цвѣточнаго чаю по 12 р. и за 10 ф. кофе по 2 р. за фунтъ.	56 р. — к.
3. За вина: 4 ведра, по 10 р. каждое, и 205 бутылокъ, изъ коихъ 36 бутыл. по 10 р., 6 бутыл. по 6 руб., 24 бутыл. по 5 руб., 13 бут. по 4 руб., 50 по 2 р. 50 коп. и 76 бут. по 1 р. 80 коп. за каждую, всего.	869 р. 80 к.
4. За водки: 20 бутыл. по 5 р., 8 бут. по 4 р. и 5 ведеръ „пѣпной“ по 10 р. да 24 штофа на 74 р.	215 р. 92 к.
5. За пиво и портеръ 6 ведеръ, по 3 р. 50 к. каждое, за 12 бут. по 3 р. и за 60 бут. по 40 к., да за 40 бут. 16 р.	95 р. 80 к.
6. За 2 бутыл. сиропу по 2 руб. и зельтер. воды за 2 бут. 6 руб. .	10 р. — к.
7. Уксусу за 2 бутыл. по 2 руб. и 2 штофа по 2 руб.	12 р. — к.
8. За 1 бочепокъ и 20 бутыл. квасу.	3 р. 50 к.
9. За 6 бочекъ воды и ледъ.	8 р. — к.
10. За 40 лимоновъ	7 р. 50 к.
11. За разную говядину	103 р. 80 к.
12. За птицы домашнія и дикія.	101 р. 80 к.
13. За рыбу соленую и свѣжую.	126 р. 55 к.

Кромѣ Киселевскаго выступаютъ предъ судомъ и братья Лакерды.

Старшій изъ нихъ Антонъ Лакерда обвинялся въ томъ, что въ апрѣлѣ 1829 года ратсгеръ магистрата Иванъ Григоренко, сынъ покойнаго войта, продавъ свои двѣ каменныя лавки въ гостиномъ ряду за 7000 руб. купчихѣ Смородиновой и ея сыновьямъ, эти деньги внесъ въ магистратъ подъ условіемъ, чтобы 2000 изъ нихъ были употреблены на уплату его долговъ, а остальные положены на проценты въ приказъ общественнаго призрѣнія до возраста дѣтей. Между тѣмъ завѣдывавшій въ магистратѣ приходомъ и расходомъ денегъ бургомистръ Антонъ Лакерда, получа деньги Григоренки употребилъ ихъ въ свою пользу, а ему сталъ выдавать, по мѣрѣ надобности, проценты и по частямъ капиталъ, а впослѣдствіи и вовсе прекратилъ всякую выдачу; отсюда возникло дѣло о растратѣ бургомистромъ А. Лакердою ввѣренныхъ ему суммъ. На судѣ и Лакерда и члены магистрата утверждали, будто-бы И. Григоренко самъ добровольно отдалъ деньги на проценты А. Лакердѣ. Григоренко же и его жена отрицали это, особенно послѣдняя; она заявила даже

---

14. За 2 боченка огурцовъ. . . . . 8 р. — к.
15. За горчицу и пикулей 18 банокъ, изъ коихъ за 4 банки по 4 р., 8 банокъ по 2 р. и 6 банокъ по 1 р. 50 к. . . . . 41 р. — к.
16. За разной хлѣбъ. . . . . 73 р. 50 к.
17. За 500 яицъ, по 1 р. 60 к. за сотню, а 8 копъ по 1 р. за копу. 16 р. — к.
18. За 19 фун. изюму, изъ коихъ за 10 фун. по 80 коп., а за 9 фун. по 40 коп. каждый, да особо изюму на 2 руб., всего . . . . . 13 р. 60 к.
19. За огородныя овощи и зелень. . . . . 15 р. 91 к.
20. За разные фрукты садовые . . . . . 79 р. 20 к.
21. За фруктовое варенье, 21 ф., по 2 р. 50 к. за каждый . . . . . 52 р. 50 к.
22. За варенье для кухни . . . . . 5 р. — к
23. За грибы разнаго рода. . . . . 4 р. — к.
24. За масло коровье, сливки и молоко . . . . . 65 р. 87 к.
25. За сыръ швейцарскій, копорцы и оливки. . . . . 30 р. 25 к.
26. За прованское масло, 3 бутылки по 3 руб. и 4 фун. по 1 р. 20 к. каждый. . . . . 15 р. 30 к.
27. За соль. . . . . 1 р. 90 к.
28. За рыбій клей 1½ фунт. по 12 руб. каждый. . . . . 18 р. — к.
29. За макароны, перловые крупы, рыть (рисъ), крупичатую муку и бульёнъ . . . . . 48 р. 20 к.

прокурору, что магистратъ, призвавъ ее, побуждалъ написать прошеніе о томъ, что она и ея мужъ добровольно отдали деньги Лакердѣ и что еще 1000 руб. изъ нихъ онъ желаетъ употребить на уплату долговъ. Уголовная палата, имѣя при этомъ въ виду, что магистратъ сдѣлалъ опредѣленіе о пріемѣ денегъ и отправкѣ ихъ въ приказъ, а между тѣмъ допустилъ то, что Антонъ Лакерда свободно взялъ 5000 руб. въ свое пользованіе, рѣшила взыскать съ послѣдняго 3500 руб., такъ какъ изъ взятыхъ имъ 5000 р. Григоренко въ разное время получилъ раньше 1500 р.; войтъ и члены магистрата были приговорены къ штрафу за допущеніе безпорядковъ при производствѣ дѣлъ: первый въ 30 руб., а послѣдніе: бургомистры—въ 15 р. и ратсгеры въ 10 р. Сенатъ утвердилъ рѣшеніе палаты, прибавивъ, что деньги 5000 р., если бы были отосланы по назначенію, дали бы приростъ; но этого прироста въ настоящемъ случаѣ нѣтъ, и его должны пополнить члены магистрата. Въ дѣлѣ не лишено интереса то обстоятельство, что во время споровъ и переписки, тянувшейся съ 1829 по 1843 годъ, обнаружилось неудовольствіе между старымъ магистратомъ, существовавшимъ по магдебургскому праву, и новымъ магистратомъ, возникшимъ по городовому положенію, которое введено было въ 1835 году. Такъ какъ неудовольствіе обнаруживается при оффиціальной перепискѣ, то,

---

30. За пряные коренья	21 р. — к.
31. За бумагу и сургучъ	4 р. 20 к.
32. За свѣчи восковые и сальные, изъ коихъ 2 п. по 70 руб., а 2 п. по 7 руб. каждый	154 р. — к.
33. За 20 арш. холста, изъ коихъ 10 арш. по 85 коп. и 10 арш. по 60 коп., и голландскія нитки 25 коп.	9 р. 75 к.
34. За 2 сита для кухни, табакъ, чубуки, щетки и метелки	9 р. 50 к.
35. За дрова и уголіе	30 р. — к.
36. За разбитое стекло въ квартирѣ фельдъегерей	4 р. — к.
37. Куплено веревокъ и цыновокъ кучеру на	6 р. — к.
38. За работу повару, его 4 помощникамъ, 5 лакеямъ, 4 рабочимъ и 5 женщинамъ при кухнѣ	201 р. — к.
39. За 7 дрожекъ для разъѣздовъ	115 р. — к.
40. За 6 повозокъ, нанятыхъ для привоза и отвоза разной посуды и разныхъ закупокъ	75 р. — к.
Итого	2843 р. 52 коп.

само собою разумѣется, оно чрезвычайно сдержанно; слѣдовательно, въ обыденной жизни неудовольствіе принимало болѣе или менѣе острый характеръ, который и отразился въ извѣстной „скорби кіевлянъ“.

Въ другомъ дѣлѣ фигурируетъ Иванъ Лакерда. Въ 1831, 1832 и 1833 годахъ онъ завѣдывалъ какъ частными, такъ и казенными суммами, пересылаемыми черезъ магистратъ; въ теченіи года чрезъ его руки ихъ проходило болѣе 200,000 руб.; Лакерда обязанъ былъ по указамъ магистрата то отправлять деньги въ приказъ общественнаго призрѣнія, то выдавать ихъ частнымъ лицамъ; вслѣдствіе отсутствія будто-бы кладовой при магистратѣ, деньги не отсылались „по надлежащему“ въ казначейство для храненія, но находились, по объясненію подсудимаго, въ собственномъ его домѣ и распоряженіи. Въ мартѣ 1834 года мѣсто И. Лакерды занялъ его шуринъ И. Романовскій; но магистратъ, назначая послѣдняго, не упомянулъ въ своемъ постановленіи и не настоялъ, чтобы деньги Лакердой были сданы; магистратъ также не принялъ мѣръ къ повѣркѣ суммъ и обнаруженію растраты до тѣхъ поръ, пока въ февралѣ 1835 года Романовскій не подалъ доклада о томъ, что Лакерда не только не представляетъ ему оставшихся денегъ, но и не отсылаетъ въ приказъ общественнаго призрѣнія тѣхъ, которые были по его распоряженію записаны въ расходъ. Романовскій просилъ Лакерду доставить деньги въ магистратъ, но тотъ считалъ болѣе выгоднымъ для себя отмалчиваться. Магистратъ, повѣривъ книги, нашелъ, что Лакердой растрачено, или, какъ тогда говорили, „удержано“ 6846 р. 19 к. кредитными билетами да 203 р. 37 коп. серебромъ, и донесъ объ этомъ губернскому правленію. На слѣдствіи и судѣ Лакерда утверждалъ, что онъ сдалъ деньги Романовскому еще въ мартѣ 1834 года и съ тѣхъ поръ не имѣлъ никакого „касательства“ до дѣлъ магистратской кассы; въ доказательство же правдивости своихъ словъ онъ сослался на то, что первая мѣсячная ревизія послѣ его смѣны не нашла растраты; слѣдовательно, деньги были сданы имъ Романовскому; ревизіи суммъ до 1834 года, а также повѣрка ихъ гражданскимъ губернаторомъ Корниловымъ, въ свою очередь,

никогда растратъ не обнаруживали; но если какое количество денегъ и не оказалось на лицо, а потомъ было пополнено, то Лакерда находилъ безразличнымъ, внесъ-ли онъ самъ эти деньги, или, „по какимъ-либо разсчетамъ“, за него сдѣлали это члены магистрата; если же послѣдніе сами пополнили растраченную имъ сумму, то, во всякомъ случаѣ, не имѣютъ права брать свои деньги назадъ или привлекать его къ суду за растрату, но должны предъявлять къ нему, Лакердѣ, иски, какъ частныя лица. Романовскій возражалъ, что растрата была обнаружена еще въ 1833 году, когда недоставало болѣе 20,000 руб., и Лакерда упросилъ войта оставить его еще хотя на годъ при завѣдываніи суммами, надѣясь въ теченіи этого времени пополнить недостававшую сумму, на что бывшій тогда войтъ Кисилевскій согласился; прошелъ годъ; Лакерда не въ состояніи былъ возвратить всѣхъ данегъ; тогда магистратскіе „чиновники“ придумали такую сдѣлку: въ постановленіи своемъ они предоставили Лакердѣ право самому расходовать оставшуюся у него сумму и въ этомъ смыслѣ потребовали отъ него росписки на самой книгѣ; но такъ какъ въ томъ же постановленіи опредѣлено городскую кассу изъ вѣдѣнія Лакерды изъять и передать ее въ руки Романовскаго, то умышленно и не показано въ немъ количество денегъ, которое должно было находиться у Лакерды. Въ теченіи 1834 года, послѣдній самъ производилъ высылку и уплату денегъ, такъ что, вмѣстѣ съ переданными Романовскому 6,000 руб., уменьшилъ свой долгъ почти на половину. Въ декабрѣ того же года, желая отдѣлаться отъ докучливыхъ настояній своихъ товарищей относительно взноса денегъ, П. Лакерда продѣлалъ такую штуку: явился въ магистратъ и велѣлъ повытчику Стоцкому писать указъ о высылкѣ въ приказъ общественнаго призрѣнія двухъ суммъ: въ 921 и въ 27 руб., показывая на карманъ, что деньги у него для этого заготовлены на лицо. Указы написали, расходъ вывели по книгѣ, хватились Лакерды, а его и слѣдъ простылъ: „скрытно вышелъ изъ магистрата“; когда же его розыскали и привели въ присутствіе, то денегъ все таки не оказалось. Что Лакерда дѣйствительно не передалъ кассы Романовскому, тотъ сослался на дворянина Ивана Высоц-

каго, неоднократно будто-бы являвшагося въ магистратъ съ требованіемъ принадлежащихъ ему денегъ, и при появленіи котораго войтъ Киселевскій, призывалъ всегда И. Лакерду, приказывая ему удовлетворить Высоцкаго. Послѣдній дѣйствительно повторилъ и призналъ показаніе Романовскаго, добавивъ, что Лакерда каждый разъ просилъ принять отъ него вексель въ уплату слѣдуемыхъ ему денегъ. Въ числѣ растраченныхъ Лакердой денегъ были 600 руб., принадлежавшіе кладбищенской церкви и уплоченные имъ уже въ то время, когда вступилъ въ управленіе городомъ новый составъ городскаго управленія, т. е. уже послѣ 1836 года. Тотъ же Романовскій сообщаетъ не менѣе интересныя подробности о ревизіи гражданскимъ губернаторомъ дѣлъ магистрата. Онъ говоритъ, что при этомъ никакая сумма не была свидѣтельствована, потому что за два или три дня до ревизіи, Киселевскій посылалъ разсыльныхъ, чтобы отыскать Лакерду и заставить его внести въ кассу магистрата тѣ деньги, которыя находились у него въ завѣдываніи, или, точнѣе, пользованіи; но всѣ поиски были напрасны: Лакерда скрывался и не показывался до тѣхъ поръ, пока ревизія не окончится. Что же оставалось дѣлать ревизорамъ? Имъ оставалось, конечно, послѣ радушнаго пріема со стороны магистрата, заключить, что по приходо-расходнымъ книгамъ должно оставаться такое-то количество денегъ на лицо. Потомъ, при очной ставкѣ Романовскаго съ Лакердой, въ виду разнорѣчія ихъ показаній, каждый стоялъ на своемъ и Лакерда заявлялъ, что росписка Романовскаго на представленные имъ деньги касается ихъ частныхъ счетовъ. Войтъ Киселевскій въ своихъ отвѣтахъ старается не много поддержать обвиняемаго; по словамъ этого свидѣтеля, Лакердѣ, какъ одному изъ членовъ магистрата, „по издревле заведенному порядку“, поручено было завѣдываніе кассой не по одному только выбору его, Киселевскаго, а „за согласіемъ всѣхъ членовъ магистрата“, „которые были увѣрены въ немъ, какъ въ благонадежномъ человѣкѣ“, что Лакерда всегда оправдывалъ довѣріе общества и деньги будто-бы всегда были цѣлы у него и представлялись имъ при ревизіи; въ магистратѣ же надежнаго помѣщенія для казнохранилища не имѣлось; это и объясняетъ,

почему Лакерда росписался, что вся наличная сумма находится у него. Остальныя подробности показанія Романовскаго подтверждаетъ и Кисилевскій, но оговаривается: „въ разсужденіи неблагонадежности Лакерды никто не могъ усумниться, а цѣль удержанія суммы никому не извѣстна; почему я и не могъ и не имѣлъ ни съ какого повода къ очерненію Лакерды доносить начальству“. Членамъ магистрата, изъ страха отвѣтственности, конечно, не понравилась ссылка на ихъ согласіе Киселевскаго въ дѣлѣ порученія городской кассы Лакердѣ: Мислявскій, Коробка и Митюкъ прямо заявляютъ, что Лакердѣ была передана касса „по собственному назначенію одного войта Киселевскаго“ (что признаетъ и самъ обвиняемый) и Лакерда „подъ его (войта) непосредственнымъ завѣдываніемъ распоряжалъ суммами, прочіе же члены не могли имѣть никакого вліянія на то“. Тѣ же свидѣтели показываютъ, что „войтъ Киселевскій и бургомистръ И. Лакерда, будучи старшими членами и состоятельными, младшихъ членовъ увѣряли, что ими сохраняется сумма“. На другіе вопросы слѣдователей относительно растраты, члены отвѣчали незнаніемъ и невѣдѣніемъ, отговаривалсь то болѣзнью, то пребываніемъ въ командировкѣ, хотя добавили, что повѣрка суммъ не производилась, потому что ихъ увѣряли (или они сами были увѣрены—это какъ-то трудно разобрать изъ ихъ показаній) въ несомнительности существованія на лицо всѣхъ денегъ; имъ оставалось подписывать „оныя статьи“ журналовъ, что и дѣлали они не укоснительно, выжидая всегда напередъ, когда старшіе подпишутъ. Все сказанное о поведеніи Лакерды повторили и канцеляристы магистрата.

При дополнительномъ допросѣ, подробностей котораго мы не будемъ излагать, какъ менѣе интересныя, обнаружились еще разъ нѣкоторыя характерныя особенности порядковъ въ магистратѣ. Лакерда, напр., старался доказать, что за всѣ упущенія въ дѣлопроизводствѣ и расходованіи суммъ долженъ отвѣчать не только онъ, но и предсѣдательствующій, вмѣстѣ съ секретаремъ. Киселевскій прибавилъ, что Лакерда могъ получать деньги въ его отсутствіе, и потому будто бы онъ не знаетъ отчего деньги кладбищенской церкви Лакерда оставилъ „безгласными“. Кстати

онъ указалъ на то, что растрата можетъ быть пополнена изъ доходовъ отъ домовъ Лакерды, которыхъ уже собрано болѣе 10,000 руб. и вся эта сумма находится на сохраненіи въ приказѣ общественнаго призрѣнія. Мирославскій и Коробка, въ свою очередь, дополнили свои прежнія показанія, заявивъ, что настаивать на своевременной высылкѣ Лакердою суммъ не могли, „ибо это значило бы побуждать самаго войта Киселевскаго, что нарушило бы приличіе противу старшихъ“. Этимъ и закончилось слѣдствіе. Уголовная палата, разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла и найдя растрату Лакердой 6846 руб. 19 коп. ассигн. да 203 р. 37 коп. серебромъ правильно исчисленной магистратомъ, рѣшила, что всю эту сумму слѣдуетъ взыскать съ И. Лакеры; но такъ какъ растрата произошла вслѣдствіе слабости надзора со стороны войта, то, освободя Лакерду отъ личной отвѣтственности, подвергнуть его и Киселевскаго штрафу по 20 руб. съ каждаго; что же касается до Мирославскаго, Романовскаго и Митюка, то палата, находя виновными и ихъ въ допущеніи растраты, оштрафовала каждаго 10-ю рублями. Приговоръ этотъ состоялъ 4 февраля 1841 г.; потомъ оно было передано на разсмотрѣніе гражданскаго губернатора, а отъ него перешелъ на окончательное утвержденіе въ Сенатъ. Послѣдній, принявъ во вниманіе мнѣніе министра внутреннихъ дѣлъ, постановилъ на основаніи ст. 318, 323 и 333 т. XV Свода Закон. изд. 1842 года взыскать растраченныя казенныя суммы вдое со всѣми процентами, какіе получилъ бы приказъ общественнаго призрѣнія, еслибы они своевременно были переданы туда на храненіе. Къ сожалѣнію, въ опредѣленіи Сената не показана общая сумма взысканія, а между тѣмъ изъ вѣдомости о растратѣ И. Лакерды видно, что казенныхъ денегъ въ общей суммѣ было только 127 руб. 44 коп. ассигнаціями, слѣдовательно Лакерда долженъ былъ внести въ казначейство 254 руб. 88 коп.; такимъ образомъ, въ общей сложности, вмѣстѣ съ капиталами частныхъ лицъ, растрата Лакерды достигла 6973 р. 63 к. кредитными билетами да 203 р. 37 к. деньгами; для однообразія нашего счета послѣдню сумму переложимъ также на ассигнаціи: каждый серебряный рубль по тогдашнему курсу стоилъ 4 руб. асигн. ($3^1/_2$ руб. по нарица-

тельной цѣнѣ), слѣдовательно 203 руб. 37 коп. составляетъ 813 руб. 48 коп. (711 руб. 78½ коп. по нарицательной цѣнѣ); итакъ всего вообще Лакерда долженъ былъ уплатить 7787 руб. 11 коп. Конечно это наказаніе была для него весьма не тяжело, потому что, какъ мы уже знаемъ со словъ войта Киселевскаго однихъ доходовъ съ домовъ подсудимаго еще до утвержденія приговора было достаточно, что бы пополнить эту небольшую сумму.

Менѣе выдающимися судебными процессами о членахъ магистрата были слѣдующія дѣла: войтъ Михаилъ Григоренко, бургомистры Константинъ Балабуха и Григорій Кисилевскій, ратсгеры Павелъ Романовскій, Семенъ Балабуха да альтерманы-оцѣнщики Козырь и Лукьяненко обвинялись (31 декааря 1831 года) уголовной палатой въ незаконной продажѣ имущества сиротъ Малафѣевыхъ, утайкѣ нѣкоторыхъ вещей и проч. При слѣдствіи же оказалось, что вещи присвоила себѣ мать сиротъ, вышедшая потомъ замужъ во второй разъ. Магистратъ же, хотя и признанъ виновнымъ, но лишь въ низкой оцѣнкѣ имущества да незаконномъ разрѣшеніи продажи его на удовлетвореніе долговъ Малафѣева (почти 4½ тысячъ рублей), но въ виду того, что наслѣдники послѣдняго достигли уже совершеннолѣтія и получили то, что имъ слѣдовало, и такъ какъ преступленіе членовъ магистрата совершено ими до изданія всемилостивѣйшихъ манифестовъ 1826 и 1841 годовъ и при томъ нѣкоторые изъ подсудимыхъ уже умерли, то и рѣшено было, „отъ отвѣтственности ихъ освободить, дѣло настоящее предать забвенію и сдать въ свое время въ архивъ“.

Не такъ благополучно окончилось дѣло о растратѣ капитала и имущества, принадлежавшаго гражданину Бильцову; къ суду были привлечены члены мигистрата, заправлявшіе городскими дѣлами въ періодъ съ 1816 по 1825 годъ; окончательный приговоръ состоялся только въ 1847 году; подсудимые должны были пополнить растрату, которая была опредѣлена въ 16,776 рублей.

Не отсталъ отъ отца и товарищей и ратсгеръ Иванъ Григоренко. Избранный въ члены магистрата въ 1822 году онъ

скоро воспользовался выгодой своего положенія и выдалъ отъ имени магистрата бѣглому крестьянину Лашицкому свидѣтельство о принадлежности его къ числу кіевскихъ мѣщанъ бондарскаго цеха, снабдивъ его при этомъ и свидѣтельствомъ для женитьбы. 1-й департаментъ кіевскаго главнаго суда подвелъ преступленіе Григоренка подъ дѣйствіе манифеста 22 августа 1826 года и освободилъ его отъ отвѣтственности.

Базарные, противъ которыхъ ратовалъ еще въ 1821 году на выборахъ В. Кравченко, также имѣли своихъ представителей на судѣ въ лицѣ Кобца и Попова. Послѣдніе обвинялись въ томъ, что стѣсняли торговлю на базарѣ, то требованіемъ лишнихъ вѣсовыхъ пошлинъ, то запрещеніемъ продавать тотъ или другой товаръ подъ предлогомъ его негодности, то безпошлинной торговлей отъ своего имени. Признанные по суду виновными, Кобецъ и Поповъ были обязаны отсидѣть два мѣсяца въ тюрьмѣ и отказаться на всегда отъ службы по выборамъ.

Отъ членовъ магистрата не отставали и ремесленные головы; мы видѣли уже раньше участіе ихъ и въ дѣлѣ о сборѣ податей и въ дѣлахъ общественной коммиссіи и питейнаго откупа; теперь, для болѣе полной характеристики, укажемъ на обвиненіе одного изъ нихъ, именно ремесленнаго головы Василія Шафаровскаго, „за взятіе якобы у солдатки Маріи Нехтѣевой поросенка, съ обѣщаніемъ освободить брата ея кіевскаго мѣщанина Мартина Медвѣдскаго отъ рекрутской повинности“, обвиненіе начато было Нехтѣевой вслѣдствіе того, что Шафаревскій, невыполнивъ обѣщанія, отказался возвратить поросенка лишь потому, что онъ его нѣкоторое время кормилъ. На судѣ онъ совершенно отговаривался незнаніемъ о судьбѣ поросенка, котораго пустила въ кухню ремесленнаго головы просительница, и только прислуга обличила хозяина, показавъ, что онъ разговѣлся этимъ поросенкомъ на Рождество.

Шествіе магистратскихъ „чиновниковъ“ передъ судомъ замыкали ихъ канцеляристы. Напр., реентъ кіевскаго магистрата Сивицкій обвинялся въ томъ, что выдалъ паспортъ и хотѣлъ приписать къ купечеству 3-й гильдіи старообрядца Константина Колычева; потомъ тотъ же Сивицкій, вмѣстѣ съ письмоводите-

лемъ ремесленной управы Лучинскимъ и цехмистромъ Зайкинымъ, обвинялись въ незаконной приписке въ кіевское мѣщанство бѣглыхъ крестьянъ калужской губерніи и, наконецъ, въ такой же приписке бродяги Ивана Головшенки.

Не безъинтереснымъ намъ кажется также дѣло, хотя и не относящееся къ исторіи городскаго хозяйства, но характеризующее нѣкоторыхъ лицъ, которые принимали участіе въ завѣдываніи этимъ хозяйствомъ,—это именно дѣло о продажѣ съ торговъ домовъ братьевъ Балабухъ и Карамалѣя на пополненіе штрафа, присужденнаго съ нихъ Сенатомъ въ февралѣ 1827 года за найденные въ ихъ лавкахъ контрабандные товары. Товары эти имъ удалось получить путемъ какой то хитрости, благодаря существованію въ Кіевѣ таможни. Судя по цифрѣ взысканія, можно предполагать, что ихъ привезено было на довольно значительную сумму; такъ напр. Семенъ Балабуха долженъ былъ уплатить 6731 руб. 27 коп., Александръ Балабуха 8932 руб. 95 коп., Константинъ Балабуха—6033 руб. 5 коп., Иванъ Балабуха—10,793 руб. 90 коп. и Иванъ Карамалѣй—3394 руб. 63 коп., всѣ же вмѣстѣ 35,885 руб. 82 коп. Покупателямъ ихъ домовъ на торгахъ явились Григорій Кисилевскій, Антонъ Лакерда, Гавріилъ Барщевскій, Иванъ Смородиновъ и друг., т. е. все свои же люди. Легко могло случиться, что и торги былификтивными.

Наконецъ, мы не перечислили бы всѣхъ взысканій, падавшихъ на членовъ магистрата, если бы не указали на положеніе комитета министровъ, Высочайше утвержденное 18-го декабря 1835 года [1]). Въ силу этого положенія повелѣвалось: для приведенія въ порядокъ дѣлъ бывшей городской коммиссіи учредить при думѣ временный столъ и исчисленную по штату сумму на содержаніе стола 1750 р. употребить изъ остатковъ городскихъ суммъ на счетъ тѣхъ, кои по суду признаны будутъ виновными въ допущеніи въ бывшей городской коммиссіи безпорядковъ, и чтобы постановленіе о взысканіи этихъ денегъ съ виновныхъ предписывается судебнымъ мѣстамъ, которыя дѣло о безпорядкахъ тѣхъ разсматривать будутъ, внести въ свое время въ приговоръ.

---

[1]) Полн. Собр. Законовъ, собр. второе, т. X, № 8685, стр. 1191.

Намъ остается теперь подвести итогъ всѣмъ вообще растратамъ, произведеннымъ членами кіевскаго городскаго магистрата съ 1812 по 1835 годъ; къ числу растратъ мы относимъ:

Излишне взысканныя съ мѣщанъ подати въ 1813—1821 гг.	119,145 р. 99¼ к.
Суммы общественной коммиссіи:	
Остатокъ отъ оборотовъ ея до 1817 г. .	— р. 76 к.
Неправильно израсходованные Филипповичемъ и Могилевскимъ	5,401 р. 93 к.
Неправильно израсходованные Лакердой .	6,021 р. 70 к.
Остатокъ отъ оборотовъ коммиссіи до 1827 г.	130,741 р. 99 к.
Невозвращенные вклады	172,316 р. 30 к.
Прибыль питейнаго откупа	134,775 р. 44 к.
Расходъ на постройку кузницъ.	4,324 р. — к.
Угощеніе царской свиты въ 1832 году . . .	2,843 р. 52 к.
Растрату А. Лакердой.	3,500 р. — к.
Растрату И. Лакердой.	7,787 р. 11 к.
Вознагражденіе наслѣдниковъ Бильцова . . .	16,776 р. — к.
Содержаніе стола въ думѣ	1,570 р. — к.
Если же присоединить къ этому суммы бывшія до пожара 1811 года, т. е. сумму общественной коммиссіи	405,486 р. — к.
и сумму питейнаго откупа	300,000 р. — к.

да прибавить сюда невозвращенныя ссуды, забытые 193,561 р., которыя еще нужно было вычислить и опредѣлить (доходъ съ театра, домовъ и проч.), то получимъ, что растрата достигала 1,400,000 руб. ассигнаціями. Чтобы точнѣе представить себѣ, какъ велика была бы эта сумма въ наше время, переведемъ ее на цѣну хлѣба, какъ величину съ болѣе постоянной цѣнностью; по даннымъ составленнаго И. Фундуклеемъ „Статистическаго описанія кіевской губерніи“, въ 1795 году четверть ржи стоила въ іюнѣ 4 р. 55 к. и въ ноябрѣ—2 р. 75 к. ассигнац., а въ 1845 году въ іюнѣ около 9 р. 10 к., и въ ноябрѣ—около 16 р. 50 к.; такимъ образомъ средняя годичная цѣна четверти ржи въ 1795 году доходила до 3 р. 65 коп., а въ 1845—до 12 р.

80 коп.[1]); отсюда средняя цѣна за пятидесятилѣтіе (1745—1845) была приблизительно равна 8 р. 22½ к. Принимая теперь, вмѣстѣ съ издателемъ „Описанія", въ одной четверти, среднимъ числомъ 9 пудовъ[2]), получимъ, что пудъ хлѣба стоилъ 91¼ коп. ассигнаціями. Слѣдовательно, за всю сумму денегъ, растраченную членами магистрата, можно было пріобрѣсти около 1,400,000 пудовъ ржи, стоющіе, при настоящихъ цѣнахъ на хлѣбъ, также 1,400,000 руб., но уже не ассигнаціями, а серебромъ. Такова была громадность растраты при переводѣ ея на наши деньги. Но значеніе растраты, мы думаемъ, можетъ быть опредѣлено только отношеніемъ ея къ годовымъ доходамъ города. По вѣдомости магистрата въ 1829 году поступило окладныхъ и неокладныхъ доходовъ 144,635 р. 8¼ к.; слѣдовательно, растрата равнялась въ девять разъ увеличенному годовому доходу города. Теперь въ такой же пропорціи растрата превзошла бы сумму въ семь милліоновъ руб.

XI.

Сообщенныя нами выше данныя о хищеніяхъ послѣднихъ кіевскихъ войтовъ рисуютъ полный упадокъ городскаго самоуправленія въ Кіевѣ въ первой четверти XIX вѣка; но начался онъ однако же гораздо раньше этого времени и не былъ явленіемъ исключительнымъ, свойственнымъ только нашему городу, и порожденнымъ условіями, въ которыхъ находился послѣдній предъ окончательной отмѣной стараго права въ 1835 году. Напротивъ, мы замѣчаемъ, что послѣдовавшій за введеніемъ въ южно-русскихъ городахъ нѣмецкаго городскаго самоуправленія повсемѣстный упадокъ ихъ достигаетъ своихъ конечныхъ предѣловъ къ концу XVIII вѣка, и во всѣхъ городахъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ, обнаруживаются одинаковыя злоупотребленія мѣстныхъ властей; замѣчательно при этомъ, что въ городахъ съ менѣе ограниченнымъ правомъ, болѣе свободныхъ отъ контроля королевскихъ намѣстниковъ, злоупотребленія проявляются рѣже и въ болѣе слабой формѣ, чѣмъ въ горо-

[1]) Стр. 369.

[2]) Стр. 385.

дахъ, гдѣ право утвержденія выборовъ членовъ магистрата и надзоръ за ними находились въ рукахъ старостъ или намѣстниковъ; можно даже сказать, что въ этихъ послѣднихъ городахъ при самомъ введеніи магдебургіи отъ самоуправленія оставалась одна тѣнь. Мы не будемъ утруждать вниманія читателей перечисленіемъ примѣровъ изъ исторіи каждаго города въ отдѣльности въ доказательство сказаннаго нами и предлагаемъ всѣмъ интересующимся этой стороной жизни нашихъ городовъ обратиться къ извѣстнымъ изслѣдованіямъ профессоровъ М. Ф. Владимірскаго-Буданова [1]) и В. Б. Антоновича [2]); сами же мы теперь возвратимся къ Кіеву и напомнимъ о тѣхъ предшественникахъ Григоренка, Лакерды и комп., которые не менѣе послѣднихъ извѣстны своей убыточной для обывателей дѣятельностью.

Первыми нарушителями городскихъ интересовъ являются, насколько мы можемъ судить по дошедшимъ до насъ документальнымъ даннымъ, войты Ходыки. Дѣятельность ихъ обстоятельно разобрана уже В. Б. Антоновичемъ [3]), и намъ остается только прибавить, что, несмотря на свое вліяніе въ городскомъ управленіи, несмотря на то, что одинъ изъ нихъ былъ даже кіевскимъ „скарбникомъ“ (т. е. казначеемъ), Ходыки не рѣшаются наложить руку на общественное хозяйство и пользуются лишь выгодами своего положенія для пріобрѣтенія богатства и значенія, какъ въ самомъ городѣ, такъ и внѣ его, не касаясь городской кассы. Съ переходомъ Кіева подъ власть московскихъ государей, пока условія самоуправленія его оставались еще безъ измѣненія, мы не видимъ, чтобы войты злоупотребляли довѣріемъ общества; по крайней мѣрѣ, сохранившіеся памятники ничего не говорятъ объ этомъ, хотя при разборѣ кіевскихъ магистратскихъ книгъ не можемъ не обратить вниманія на то, что въ концѣ XVII вѣка бургомистръ Иванъ Демидовичъ Быковскій, сдѣлавшійся потомъ войтомъ, скупилъ много хуторовъ, усадебныхъ мѣстъ и лавокъ въ городѣ [4]). Ясно, что, пользуясь вліяні-

[1]) Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ. Спб. 1868.

[2]) Архивъ юго-западной Россіи: Акты о городахъ юго-западной Россіи. Часть V, томъ I. Кіевъ. 1874.

[3]) Кіевская Старина, 1882 г., февраль.

[4]) Книга Кіев. Центр. Архива № 3509, заключающая въ себѣ 30 актовъ, вся состоитъ изъ разнаго рода записей на пріобрѣтенное Быковскимъ имущество.

емъ на дѣла магистрата и на гражданъ, Быковскій, подобно Ходыкамъ, дешево пріобрѣталъ недвижимое имущество, которое потомъ было продано обратно его сыновьями магистрату. Но какъ свѣтлое явленіе на темномъ фонѣ стараго городскаго управленія выступаетъ личность войта Дмитрія Полоцкаго, человѣка, по выраженію лѣтописи Самуила Величка, „ученого и на правѣ знаючогося... до того зъ родичовъ въ славѣ доброй квитнучого," который „яко водлугъ добрыхъ своихъ поступковъ того уряду достойный", и который благодаря своимъ юридическимъ познаніямъ одинъ могъ „за упалыми цѣлостями мѣскими стояти и оныхъ боронити". На выборахъ Полоцкій „много спречался", отговариваясь „нездатностю до такового поважного уряду", а особливо трудностію „взглядомъ нарушенныхъ цѣлостей мѣскихъ". Принявъ же на себя званіе войта, онъ вполнѣ оправдалъ ожиданія согражданъ и все время своего управленія провелъ въ тяжбахъ за „цѣлости мѣскія". Въ дошедшихъ до насъ актахъ мы вездѣ встрѣчаемъ Полоцкаго отстаивающимъ на судѣ неприкосновенность городскихъ правъ и имуществъ противъ духовенства, и всегда онъ, какъ опытный юристъ, выигрываетъ процессъ. Ревность къ отысканію городскихъ земель, захваченныхъ монастырями, достигла, наконецъ, до того, что довела его до политическаго доноса на кіевск. митроп. Варлаама Вонатовича, хотя на этотъ шагъ Полоцкій рѣшился лишь тогда, когда Вонатовичъ обвинилъ его въ подлогѣ документовъ, представленныхъ на судъ[1]). Благодаря пріобрѣтеніямъ и сбереженіямъ Полоцкаго, городская касса стала богата, а вмѣстѣ съ тѣмъ стали возможны и растраты, которыя послѣдовали по его смерти въ 1729 году. Это были первыя денежныя растраты, какія намъ извѣстны; онѣ относятся къ 1732 году и мимоходомъ только указываются въ изложенномъ нами раньше дѣлѣ о взысканіи излишнихъ податей. По поводу этихъ растратъ въ указахъ Правительствующаго Сената, присланныхъ изъ канцеляріи малороссійскихъ дѣлъ въ кіевскій магистратъ (первомъ 1739 и второмъ 1740 года) было предписано бывшимъ бурмистрамъ и райцамъ дать отчетъ и при-

[1]) *В. Аскоченскій*, Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею. Кіевъ, 1856 г., ч. II, стр. 34.

нести присягу „предъ старшими и знатнѣйшими съ поспольства“, съ „неисправными въ сборахъ и въ расходахъ и въ отчетѣ“ магистрату поступить по своимъ правамъ, а книги впредь держать въ порядкѣ; въ концѣ же подтверждались права и привилегіи магистрата.

Спустя около двадцати лѣтъ, въ 1750-хъ годахъ въ захватѣ и присвоеніи себѣ разнаго рода городскихъ имуществъ обвинялся войтъ маіоръ Свичевскій. Въ періодъ съ 1766 и по 1813 годъ мы не имѣемъ указаній на дѣятельность кіевскихъ представителей, но изъ отсутствія такихъ данныхъ все таки не рѣшаемся заключать, что растратъ, „издержаній“, не существовало. Скорѣе всего, что дѣла о нихъ находятся до сихъ поръ гдѣ нибудь въ подвалахъ и ждутъ счастливаго случая, который выведетъ ихъ на свѣтъ.

Гдѣ же лежали причины, обусловившія переданные нами печальные факты?

Главная причина ихъ, по нашему мнѣнію, заключалась въ усвоеніи городами чуждаго имъ управленія, возникшаго не изъ условій мѣстной жизни, а выработавшагося среди иныхъ обстоятельствъ, которыхъ не знало наше отечество. Если на западѣ сословное городское управленіе, какъ естественное слѣдствіе предшествовавшихъ ему событій, было умѣстно и поднимало значеніе городовъ, то перенесенное въ Литву и южную Русь, неправильно понятое и не вполнѣ примѣненное, какъ и весь вообще нѣмецкій строй, оно обнаружило тотчасъ же свои слабыя стороны. Къ числу этихъ слабыхъ сторонъ прежде всего слѣдуетъ отнести сословный характеръ управленія, такъ какъ магдебургское право создало въ городахъ самоуправленіе ремесленнаго и торговаго сословія, экономическое неравенство членовъ котораго ставило одну часть городскаго населенія въ зависимость отъ другой и давало въ результатѣ то, что власть въ городѣ испоконъ вѣка сосредоточилась въ рукахъ немногихъ богатыхъ семей и переходила отъ отцовъ къ сыновьямъ.

Слабой стороной въ самоуправленіи нельзя не признать также и постояннаго смѣшенія сферы дѣйствій рады и лавы, администраціи и суда, подчиненія ихъ обоихъ войту, участія

членовъ магистрата въ разборѣ судебныхъ дѣлъ, права выбора ими лавниковъ и повышенія послѣднихъ въ должности радцевъ и бургомистровъ. Такимъ образомъ выходило, что одни и тѣ же лица то чинили судъ и расправу, то завѣдывали доходами города. Естественно, что между обоими учрежденіями, радой и лавой, устанавливалась общность интересовъ и единство дѣйствія, приводившія въ концѣ концовъ къ возвышенію и обогащенію однихъ и къ обѣдненію и подчиненію другихъ.

Въ добавокъ къ этому власть членовъ магистрата еще болѣе усиливалась и выдѣляла ихъ, какъ мѣстную аристократію, изъ остальной массы горожанъ вслѣдствіе предоставленія имъ правъ шляхетства польскими королями; въ эпоху русскаго владычества они также пользуются этимъ правомъ и бургомистры носятъ поэтому чины бунчуковыхъ товарищей, а радцы, ратсгеры—войсковыхъ. Войты, въ свою очередь, причисляются къ тому или другому рангу, означенному въ петровской „табели“, такъ напр., Сичевскій былъ маіоромъ, Пивоваровъ—коллежскимъ совѣтникомъ, Рыбальскій—титулярнымъ совѣтникомъ; члены магистрата награждались кромѣ того орденами какъ напр. Кисилевскій, и титуловались вообще „магистратскими чиновниками“, „урядниками“ и „урядовыми людьми“. Въ дѣлѣ о растратѣ „частно-общественной“ суммы, Антонъ Лакерда, съ сознаніемъ своего достоинства и какъ бы намекая на свое потомственное дворянство, говоритъ о себѣ и своихъ товарищахъ: „мы-де урядовые происходимъ отъ урядовыхъ“. Какъ видно изъ упомянутыхъ нами раньше указовъ 1739 и 1740 годовъ, члены магистрата производились до того времени въ чины губернаторами, которымъ запрещается это на будущее время. При условіяхъ выборовъ въ городскія должности, существовавшихъ въ эпоху польскаго владычества и послѣ присоединенія Кіева къ Москвѣ, эти причины содѣйствовали, какъ мы сказали уже, къ выдѣленію изъ среды городскаго сословія правящей касты, сосредоточившей въ своихъ рукахъ знатность, богатство, городское хозяйство и судъ надъ всѣми мѣщанами, и привели, наконецъ, къ тому, что члены магистрата смѣшиваютъ частные интересы съ общественными и потому считаютъ своей личной собственностью разныя доходныя

статьи города, какъ напр. питейный откупъ, общественная комиссія и проч.

При такихъ обстоятельствахъ гражданинъ, разъ избранный въ общественную должность (при чемъ служба его всегда начиналась съ низшихъ степеней), постепенно повышался въ должностяхъ, оставаясь у дѣлъ сколько хотѣлъ и могъ, такъ какъ служба была пожизненная. Эта пожизненность службы городскихъ представителей, въ свою очередь, въ сильной степени содѣйствовала ихъ злоупотребленіямъ, потому что она то главнымъ образомъ и обусловливала образованіе городскаго шляхетства, „почетнѣйшаго общества“, порождая наслѣдственность городскихъ должностей, потому что благодаря только продолжительному пожизненному вліянію на городскія дѣла члены магистрата пріобрѣтали возможность, проводя на выборахъ своихъ сыновей, братьевъ и вообще родственниковъ, скрывать при ихъ содѣйствіи самыя вопіющія неправды, обнаруженіе которыхъ, какъ мы видѣли изъ изложенныхъ дѣлъ, всегда было сопряжено съ величайшими трудностями.

Всякаго рода злоупотребленіямъ и, въ частности, „сокрытіямъ“, „издержаніямъ“, растратамъ городскаго капитала содѣйствовала форма контроля отчетовъ, которые должны были ежегодно представляться членами магистрата городскому обществу. Сначала, до петровской реформы, отчеты были даваемы всему „поспольству“ города, общему собранію горожанъ; послѣ реформы отчеты выслушивались только „почетнѣйшимъ обществомъ“, а съ 1782 года повѣрялись сверхъ того контрольнымъ отдѣленіемъ казенной палаты. По недостатку точныхъ данныхъ мы не можемъ опредѣленно сказать, какое значеніе имѣла ревизія въ первый періодъ, но изъ того факта, что мѣщане могли разсчитаться по своимъ правамъ съ тѣмъ, кто явится „въ сборѣ и расходахъ не исправенъ“, и въ виду того, что въ этотъ первый періодъ мы не находимъ „издержаній“, можно заключить, что такая форма контроля сдерживала до нѣкоторой степени стремленіе городскихъ правителей къ присвоенію общественной собственности. Во второй періодъ члены магистрата, какъ мы видѣли изъ приведенныхъ дѣлъ, или совсѣмъ не даютъ обществу

отчетовъ, не находя при этомъ нужнымъ даже хотя бы чѣмъ нибудь оправдать себя, или же отдаютъ ихъ только „старшимъ и знатнѣйшимъ изъ поспольства". Впослѣдствіи, предъ старшими и знатнѣйшими члены магистрата могли отговариваться тѣмъ, что отчетъ находился въ контрольномъ отдѣленіи, отъ котораго они, въ свою очередь отдѣлывались, ссылаясь на общество, одно имѣвшее право признавать расходы правильными или неправильными. Нѣтъ необходимости, кажется, доказывать фиктивность чиновничьяго контроля, такъ какъ отчеты посылались спустя много времени по истеченіи отчетнаго года, а ревизовались еще позже, да и при томъ лицами, которымъ далеки были и чужды городскіе интересы и которые при томъ рѣдко бывали безкорыстны. Нечего говорить также и о почетнѣйшемъ обществѣ, которое, хотя и имѣло право слѣдить за правильностью городскихъ сборовъ и расходовъ, но не дѣлало этого, потому что въ составъ почетнѣйшаго общества магистратъ вводилъ только людей своего лагеря.

Такъ какъ форма городскихъ выборовъ есть одно изъ условій самостоятельности самоуправленія, условіе хотя и второстепенное, но тѣмъ не менѣе вліявшее на дѣятельность городскихъ представителей, то намъ необходимо остановиться и на выборахъ. Въ эпоху польскаго владычества, въ силу королевскихъ жалованныхъ грамотъ и магдебургскаго права, выборы бургомистровъ, радцевъ и лавниковъ происходили въ самомъ магистратѣ безъ всякаго участія поспольства [1]); послѣ реформъ XVIII-го вѣка, хотя въ выборахъ и стало принимать участіе городское общество, но только почетнѣйшее, которое весьма рѣдко проводило въ магистратъ новыхъ лицъ; по большей части оно баллотировало тѣхъ, которые занимали низшія городскія должности и принадлежали къ вліятельнымъ семьямъ. Такъ какъ войтъ пользовался наибольшимъ вліяніемъ, то и избраніе его было обставлено нѣкоторой торжественностью. Скажемъ объ этомъ подробнѣе. Обыкновенно, въ Кіевѣ, въ силу королевскихъ грамотъ, подтвержденныхъ потомъ московскими государями, въ выборахъ войта принимали участіе всѣ граждане; избирались четыре кандидата, по

[1]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ.—Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ, стр. 181.

большей части изъ членовъ магистрата; имена ихъ представлялись королю, который утверждалъ одного изъ кандидатовъ въ должности войта на всю жизнь. Первая грамота, опредѣляющая такой порядокъ выборовъ, относится къ 28 февраля 1633 года; она подтверждается потомъ грамотами 20 мая 1644 года при утвержденіи въ должности войта Андрея Ходыки и, наконецъ, дѣйствіе ея возстановляется еще разъ 3 апрѣля 1659 года. Съ присоединеніемъ къ московскому государству, выборы въ Кіевѣ около полустолѣтія оставались безъ измѣненія; такъ, въ 1654 г. мѣщане, избравъ по своимъ правамъ въ войты Богдана Сомковича, ходатайствовали предъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ о выдачѣ ему грамоты на эту должность. Но болѣе подробно намъ извѣстенъ изъ этой эпохи одинъ только случай выборовъ. Разумѣемъ избраніе въ войты Дмитрія Полоцкаго 13 октября 1699 г. Вотъ какъ описываются эти выборы въ лѣтописи Самуила Величка [1]): представители магистрата и все поспольство, собравшись на выборы, опредѣлили прочесть сначала актъ избранія Андрея Ходыки въ 1643 г., потомъ прочтены были „право майдебурское,—въ порядку, на листѣ осмомъ и девятомъ, въ Саксонѣ—подъ титуломъ „сендзя“, на листѣ чтириста первомъ, и въ Саксонѣ, юсь муниципале, въ артикулѣ чотиридесятъ четвертомъ“, которое „учитъ на таковый урядъ выбирати“. Затѣмъ всѣми присутствующими была принесена присяга въ томъ, что новый войтъ будетъ ими избранъ „ни для пріятельства, ни для боязни, ни для позысканя ласки, ни для даровъ и иншихъ тому подобныхъ речей“, что при выборѣ они будутъ имѣть въ виду только общественные интересы. Но, конечно, вся эта формальность и торжественность оказывалась пустой и напрасной въ рукахъ ловкаго человѣка или его партіи, вслѣдствіе того, напр., простаго факта, что избирательные голоса подавались открыто по степенямъ сверху внизъ, а не обратно, т. е. голоса подавали прежде бургомистры, потомъ, одинъ за другимъ, радцы, лавники, цехмистры, цехи и только тогда уже поспольство. Что такой порядокъ выборовъ велъ къ злоупотребленіямъ, къ подавленію

[1]) Т. III, стр. 546.

свободнаго избранія, это сознавалось современниками и въ томъ случаѣ, о которомъ мы говоримъ. Съ протестомъ выступилъ бургомистръ Тихонъ Даниловичъ, который сказалъ, „абы тотъ былъ обранный войтомъ, кого собѣ люди посполитые улюбятъ и оберутъ за войта". Но Даниловичъ, какъ позже Кравченко, вынужденъ былъ замолчать. Слѣдуетъ замѣтить, что войтъ избирался изъ членовъ магистрата, изъ бургомистровъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ намъ случаяхъ; избраніе въ войты лица, не принадлежавшаго раньше къ магистрату, не практиковалось. Избраннаго сажали „на мѣстцу призвойтомъ войтовскомъ" и вручали ему „весь мѣскій и майстратовый порядокъ"; обычная присяга при этомъ войта происходила, вѣроятно, по полученіи имъ отъ верховной власти грамоты на это званіе. При выборахъ 1699 г. присутствовали со стороны гетмана два значные войсковые товарища. Впослѣдствіи выборъ войта былъ измѣненъ, если не отмѣненъ совершенно, хотя мы не знаемъ точно, когда именно это случилось. Кажется, что несвободный выборъ войта слѣдуетъ отнести къ 1735 г., когда выданъ былъ указъ на эту должность Павлу Войничу. Мотивы такой перемѣны угадать не трудно; намъ кажется, съ одной стороны предполагалось уничтожить и предупредить на будущее время злоупотребленія, обнаруженныя въ 1732 г., съ другой имѣлось въ виду то вліяніе на городскія дѣла мѣстныхъ губернаторовъ, котораго можно было достичь, только держа въ рукахъ войтовскую власть, пользовавшуюся въ городѣ большимъ или меньшимъ почетомъ и силой. Второй мотивъ былъ, конечно, слѣдствіемъ начатаго еще Петромъ I сліянія сѣверной Руси съ южною путемъ отмѣны мѣстной автономіи въ послѣдней и введенія общихъ учрежденій. Несвобода выборовъ еще яснѣе обнаруживается въ 1753 г., когда избраннымъ въ войты оказался маіоръ Сичевскій изъ гренадеровъ лейбъ-кампаніи, т. е. человѣкъ, не подчинявшійся раньше магистрату и независимый отъ него. Само собою розумѣется, что выборы Сичевскаго были произведены такъ же, какъ и выборы Пивоварова, о которыхъ мы сейчасъ скажемъ. Независимое положеніе войта отъ городской общины не замедлило дать прискорбныя послѣдствія. Сичевскій вскорѣ что то „удержалъ", „издержалъ" или

„присвоилъ“ себѣ; мѣщане стали жаловаться; возникло дѣло и императрица Екатерина II 20 февраля 1766 г. послала кіевск. губернатору Глѣбову указъ, что надобно выбрать въ магистратъ новаго войта, а Сичевскаго, по окончаніи его дѣла, если оправдается, опредѣлить на другое мѣсто для спокойствія того же магистрата. „Извольте магистрату приказать, писала Екатерина, выборъ сдѣлать по ихъ привилегіямъ четырехъ кандидатовъ; а мы вамъ рекомендуемъ внушить имъ отъ себя, чтобы четвертымъ кандидатомъ поставили кіевской губернской канцеляріи прокурора Пивоварова“. Глѣбовъ внушалъ, но, несмотря на его внушеніе, Пивоваровъ избранъ не былъ, и кіевскій оберъ-комендантъ Ельчаниновъ въ рапортѣ Глѣбову писалъ, что его увѣряли, будто передъ выборами призываны были въ ратушу старшіе и черезъ писаря Давыдовскаго запрещено имъ было подавать голоса за Пивоварова и за кого бы то ни было изъ великороссіянъ; въ противномъ случаѣ, чиновникъ будетъ лишенъ чина, а мѣщанинъ выгнанъ изъ города. Глѣбовъ былъ назначенъ сенаторомъ и на его мѣсто пріѣхалъ генералъ-аншефъ Воейковъ, который началъ тѣмъ, что собралъ магистратъ и все привилегированное мѣщанство, избирающее войта, и передъ ними изорвалъ ихъ прежній выборъ, приказавши собраться для новыхъ выборовъ. Въ назначенный день 3 августа генералъ-губернаторъ поѣхалъ самъ на выборы. Послѣ обыкновенныхъ разговоровъ между избирателями, всталъ одинъ магистратскій членъ и объявилъ имена новыхъ четырехъ кандидатовъ для общаго всего собранія разсужденія; но едва только онъ успѣлъ назвать имена, какъ со всѣхъ сторонъ послышались голоса, что выборомъ кандидатовъ довольны; этими кандидатами были: 1, Пивоваровъ; 2, секретарь графа Григорія Орлова Григорій Козицкій; 3, находившійся при великомъ князѣ камердинеръ Андріевскій и 4, кіевскаго магистрата медовый шафоръ Дмитровичъ [1]). Само собою розумѣется, что при такомъ выборѣ войта, онъ переставалъ быть представителемъ города, отвѣтственнымъ передъ гражданами и судимымъ ими по своимъ правамъ, а обращался въ начальника, которому

[1]) *С. Соловьевъ.* Исторія Россіи, т. XXVII, стр. 28 и 29.

всѣ были обязаны безпрекословнымъ подчиненіемъ и повиновеніемъ; что дѣйствительно отношенія сложились такъ, подтверждается словами многихъ членовъ магистрата на судѣ. Въ 1785 году реформа городскаго управленія по положенію Екатерины была произведена и въ Кіевѣ [1]); магистратъ былъ упраздненъ, какъ учрежденіе судебно-административное онъ сталъ теперь мѣстомъ исключительно судебнымъ по возникавшимъ въ городѣ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ; администрація же перешла въ руки шестигласной градской думы, знавшей одно только городское хозяйство и ремесленной управы, вѣдавшей дѣла цеховъ. Первымъ градскимъ главой былъ избранъ въ 1785 г. бунчуковый товарищъ Василій Копыстенскій, потомъ Евфимъ Митюкъ (около 1787 г.) и Григорій Радзицкій (около 1790 г.), Мы не имѣемъ свѣдѣній о выборахъ въ этотъ періодъ, но естественно, что они должны были производиться согласно новому городовому положенію. Возстановленное по смерти Екатерины старое самоуправленіе по магдебургскому праву удержало формы выборовъ изъ предшествующей эпохи и для характеристики ихъ до сихъ поръ въ нашемъ распоряженіи находится только одно дѣло: это дѣло о выборахъ 20 декабря 1813 г., произведенныхъ магистратомъ для пополненія выбывшихъ членовъ своихъ и членовъ ремесленной управы. Тогда магистратъ долженъ былъ обратиться къ губернатору и просить у него разрѣшенія собрать почетнѣйшее общество. Разрѣшеніе было дано. Магистратскіе чиновники изготовили списки избирателей, составлявшихъ почетнѣйшее общество. Судя по спискамъ, приходится заключать, что это общество было весьма малочисленно: изъ 5517 душъ, числившихся по ревизіи (старожилыхъ—3608 и новоприписныхъ 1909 душъ) въ списки внесено было всего только 166 душъ, т. е. 3%, изъ которыхъ на выборы явилось всего лишь 104 чел.; всѣ избиратели были раздѣлены на шесть группъ; каждый изъ нихъ получалъ списокъ своей группы и въ немъ противъ своего имени

[1]) *А. Андріевскій*, Историческіе матеріалы, вып. 2-й, стр. 9; вып. 1-й, стр. 135. О томъ же свидѣтельствуютъ и неизданныя старыя дѣла кіевск. каз. палаты хранящіяся теперь въ центр. архивѣ университета.

отмѣчалъ собственноручно: „видѣлъ“; потомъ въ назначенный день избиратели приносили присягу; въ 1813 г. къ присягѣ приводилъ священникъ Дмитрій Иванишевъ; выборъ производился шарами, а не голосами и избраннымъ считался тотъ, кто получалъ простое большинство. Такимъ образомъ мы видимъ, что при выборахъ бургомистровъ, ратсгеровъ и проч. были оставлены тѣ порядки, которые имѣли мѣсто въ эпоху господства магдебургскаго права. Такія же перемѣны должны были произойти и при избраніи войта. На выборахъ въ 1821 г. въ качествѣ представителя со стороны власти присутствовалъ полиціймейстеръ; конечно, онъ долженъ былъ присутствовать и на описанныхъ выше выборахъ 1814 г., хотя въ томъ дѣлѣ, изъ котораго мы заимствовали свои свѣдѣнія, объ участіи его не упоминается. Сравнивая теперь выборы 1814 г. съ выборами въ до-петровское время, можно было бы признать первые шагомъ впередъ, если бы избирателей на нихъ было не 104 чел., а всѣ 5000 правоспособныхъ кіевскихъ мѣщанъ; но, къ сожалѣнію, мы этого не видимъ, и потому приходится заключить, что въ началѣ XIX, какъ въ XVI и XVII вв., городскія должности были достояніемъ небольшаго кружка богатыхъ и вліятельныхъ мѣщанъ [1]).

Сказавъ о формахъ выборовъ въ должность войта, мы находимъ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ значеніи какимъ пользовались войты въ городскомъ управленіи. Изъ разсказа В. Б. Антоновича о Ходыкахъ мы уже знаемъ, что общественное мнѣніе, окружая почетомъ личность войта и ставя высоко его власть, шло иногда наперекоръ его желаніямъ и жестоко расплачивалось съ тѣмъ, который осмѣливался нарушить интересы общины. При московскихъ государяхъ на власть войта было обращено большое вниманіе, особенно же она поднялась послѣ петровскихъ реформъ, когда бюрократизмъ проникъ всѣ сферы общественной жизни, а изъ среды мѣщанъ выдѣлено было почетнѣйшее общество и такимъ образомъ убито вліяніе массы

[1]) Изъ дѣла о взысканіи излишнихъ податей мы знаемъ, что, когда магистрату понадобились подписи мѣщанъ, то онъ увеличилъ составъ почетнѣйшаго общества сначала до 605, а потомъ и до 1000 душъ и увеличилъ бы его еще болѣе если бы большее число мѣщанъ обнаружило готовность подписываться

горожанъ на ея представителей, проявлявшееся въ чрезвычайныхъ случаяхъ; вслѣдствіе этого теперь о силѣ войтовской власти выработалось такое понятіе, какого мы не встрѣчаемъ раньше: на войта стали смотрѣть, какъ на единаго начальника города, которому всѣ обязаны безусловнымъ повиновеніемъ даже тогда, когда требованія и дѣйствія его противорѣчатъ предписаніямъ закона. Оттого то члены магистрата, привлекаемые къ суду и подвергавшіеся отвѣтственности, какъ члены коллегіальнаго учрежденія, за противозаконныя постановленія и дѣйствія магистрата, всегда оправдывали себя тѣмъ, что не смѣли будто бы противорѣчить волѣ начальника своего и по закону обязаны повиноваться ему безпрекословно. Конечно, при такомъ отношеніи общества и членовъ магистрата къ войту, онъ пользовался полнымъ произволомъ въ дѣлахъ, приводившимъ, какъ его, такъ и подчинявшихся ему городскихъ чиновниковъ, къ злоупотребленіямъ и въ конецъ убивавшимъ всякое проявленіе общественнаго мнѣнія.

Не менѣе вредно на самостоятельности городскаго самоуправленія отзывались, во 1-хъ, его столкновенія съ представителями центральной власти, сначала съ польскими воеводами, а потомъ съ русскими губернаторами, и во 2-хъ, реформы въ городскомъ управленіи, которыя, не отмѣняя совершенно стараго права, искажали его духъ и лишали магистратъ возможности „поступать по своимъ правамъ“ съ тѣми, „буде кто явится въ сборахъ и росходахъ и въ отчетѣ неисправенъ и противъ тѣхъ правъ виновенъ“, такъ какъ подобная возможность мѣщанскаго самосуда надъ своими представителями была единственной силой, сдерживавшей войта и бургомистровъ отъ крупныхъ хищеній. Уже въ силу жалованныхъ грамотъ мѣщане освобождались отъ всякаго подчиненія королевской администраціи и судамъ въ краѣ; но польскіе сановники, управлявшіе воеводствами и старостами, какъ полные хозяева, стремились распространить свои права и на города, свободные отъ ихъ юрисдикціи. Вслѣдствіе слабости королевской власти, это стремленіе воеводъ и старостъ къ господству было явленіемъ всеобщимъ, возроставшимъ вмѣстѣ съ возрастаніемъ шляхетской вольности. Кіеву, въ свою очередь

пришлось испытать на себѣ общую судьбу всѣхъ южно-русскихъ городовъ, и борьба мѣщанъ за пожалованныя имъ льготы наполняетъ ихъ исторію отъ начала до конца. Первыя дошедшія до насъ указанія на столкновенія такого рода мы находимъ въ грамотѣ короля Сигизмунда-Августа отъ 30 сентября 1570 г., въ которой онъ запрещаетъ „справцѣ“ (подвоеводѣ, намѣстнику воеводы) кіевскаго воеводства Михаилу Мышкѣ-Варковскому причинять насилія мѣщанамъ, стѣснять торговлю Кіева съ Москвой и забирать у купцовъ товары за полцѣны. Изъ другихъ грамотъ мы видимъ, что воеводы стараются подчинить своей власти всѣхъ поселяющихся въ городѣ и пріѣзжающихъ купцовъ, между тѣмъ какъ по грамотѣ короля Стефана Баторія отъ 17 нояб. 1576 г. эти купцы были подсудны магистрату. Это право магистрата на разборъ дѣлъ пріѣзжихъ купцовъ подтверждаетъ и Сигизмундъ III въ грамотѣ 13 сент. 1621 г., а въ грамотѣ 1622 г. повелѣваетъ всѣмъ поселившимся въ Кіевѣ мѣщанамъ и пріобрѣвшимъ въ городѣ усадьбы нести какъ натуральныя, такъ и денежныя повинности. Грамотою короля Іоанна Казимира отъ 3 апрѣля 1649 года всѣ новопоселившіяся въ Кіевѣ лица, подчиняющіяся городскому суду, обязываются при этомъ дать присягу въ томъ, что главныя условія поселенія будутъ ими непремѣнно выполнены. Не прошло и года, какъ эта грамота была снова подтверждена. Постоянное подтвержденіе ея указываетъ на постоянное, въ свою очередь, стремленіе воеводъ къ распространенію своей власти надъ мѣщанами и вслѣдствіе того къ ограниченію правъ магистрата. Но послѣдній зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы все пожалованное ему строго соблюдалось, и король во всѣхъ спорахъ становился на сторону мѣщанъ; онъ не только не дѣлалъ такихъ распоряженій или реформъ, которыя сдерживали бы власть магистрата, а, напротивъ, издавалъ грамоты, предоставлявшія мѣщанамъ разнаго рода льготы. Какъ мало значили всѣ эти грамоты въ глазахъ воеводъ, видно, во 1-хъ, изъ принесенной въ 1618 г. въ житомирскій гродскій судъ жалобы кіевск. магистрата о томъ, что мѣщане замковой юрисдикціи уклоняются отъ исполненія разнаго рода городскихъ повинностей, взваливая

всю тяжесть ихъ на мѣщанъ „мѣстской“ юрисдикціи [1]), и, во 2-хъ, изъ словъ межигорскаго игумена Ѳеодосія Васьковскаго [2]), который въ своей, хотя и пристрастной, но имѣвшей все таки нѣкоторое основаніе, запискѣ говоритъ: „всѣ ремесники всякого ремесла кіевскіе належали не до ратушу, але до замку кіевского. Намѣстникъ воеводскій замку кіевскаго и судилъ ремесниковъ всякихъ кіевскихъ и владѣлъ онимы, яко подданнимы пана своего.“ Войны Хмельницкаго причинили, само собою разумѣется, много бѣды кіевскимъ мѣщанамъ. Воевода Янушъ Тишкевичъ, не особенно уважавшій въ мирное время права мѣщанъ, далъ полную волю своей почти неограниченной власти во время смутъ: многіе мѣста, дворы и усадьбы были захвачены разными лицами; корчемная аренда, испоконъ вѣка принадлежавшая мѣщанамъ, была отнята у нихъ и передана еврею; послѣдній пріобрѣлъ себѣ даже домъ на Подолѣ. Король Іоаннъ-Казимиръ требуетъ въ грамотѣ 20 марта 1652 года, чтобы всѣ дома и усадьбы, захваченные у кіевлянъ въ смутное время, такъ же какъ и еврейскій домъ были возвращены мѣщанамъ, но, конечно, это приказаніе осталось безъ исполненія, потому что тогда подоспѣлъ переходъ города подъ власть московскаго государя. Съ этихъ поръ Кіевъ находится подъ ближайшимъ покровительствомъ гетмановъ; послѣдніе, заботясь о сохраненіи правъ и привилегій всей Малороссіи, естественно, поддерживали и Кіевъ въ его ходатайствахъ оставаться при магдебургскомъ правѣ и старыхъ вольностяхъ, которыя такъ смѣло, какъ мы видѣли, отрицалъ Ѳеодосій Васьковскій въ своемъ показаніи. Борьба кіевлянъ и въ эту эпоху не прекратилась; они непрерывно вели ее съ монастырями, захватывавшими городскія земли, съ козаками и ратными людьми, старавшимися присвоить себѣ разныя доходныя статьи города, и съ представителями власти, привлекавшими ихъ къ платежу всякаго рода налоговъ. Отсюда цѣлый рядъ гетманскихъ универсаловъ, возстановляющихъ права и вольности мѣщанъ. На сколько трудна была борьба мѣщанъ, видно, между

---

[1]) Опись актов. книги Кіев. Центр. Архива № 13, № акта 354, за 1618 г.

[2]) Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева. К. 1874 г., стр. 114.

прочимъ, изъ того, что гетманъ Мазепа въ своей ревности о поддержаніи независимости городскаго управленія разрѣшаетъ даже самимъ мѣщанамъ ограбить того, кто осмѣлится учинить надъ ними и ихъ правами какое-либо насиліе. Во все это время мы видимъ, что условія, при которыхъ держалось магдебургское право въ Кіевѣ, остаются безъ перемѣны, и только Петръ В., положившій начало сліянію сѣверной и южной Россіи, коснулся отчасти и кіевскаго магистрата; произведенныя имъ измѣненія въ управленіи городомъ не были рѣзки, не бросались поэтому въ глаза, хотя впослѣдствіи постоянно давали себя чувствовать. До 1722 г. Петръ не нарушалъ вольностей Кіева по двумъ причинамъ: во 1-хъ, вслѣдствіе существованія еще въ Малороссіи порядковъ, созданныхъ Хмельницкимъ, во 2-хъ, вслѣдствіе близкаго сходства въ организаціи кіевскаго городскаго управленія съ устройствомъ городовъ, перенесенныхъ великимъ преобразователемъ въ сѣверную Русь съ запада. Остановимся на этомъ устройствѣ и посмотримъ на примѣненіе его къ Кіеву. По Регламенту, изданному 16 янв. 1721 г., въ С.-Петербургѣ учреждался главный магистратъ; ему были подчинены магистраты другихъ городовъ, раздѣлявшихся по числу жителей на пять разрядовъ (Кіевъ принадлежалъ къ первому разряду). Магистраты перворазрядныхъ городовъ состояли изъ президента (въ Кіевѣ—войта) четырехъ бургомистровъ (въ Кіевѣ—шести) и при каждомъ изъ нихъ по два ратмана (въ Кіевѣ—шесть радцевъ, ратсгеровъ). Въ 1724 г. опредѣленъ былъ штатъ губернскихъ магистратовъ, по которому въ нихъ надлежало быть: президенту, двумъ бургомистрамъ и двумъ ратманамъ, секретарю, канцеляристу, двумъ подканцеляристамъ, четыремъ копіистамъ и четыремъ сторожамъ. Въ особыхъ случаяхъ относительно дѣлъ о пользахъ городской общины магистратъ долженъ былъ совѣщаться съ первостатейными и средними „добрыми“ и умными гражданами. Въ VII-ой главѣ Регламента главнаго магистрата сказано, что магистрату подчиняются только тѣ граждане, кои состоятъ въ двухъ гильдіяхъ (1-й и 2-й), купцы и ремесленники. „Прочіе же всѣ подлые люди, обрѣтающіеся въ наймахъ и черныхъ работахъ нигдѣ между знатными и регулярными гражданами не-

считаются". Члены магистрата были несмѣняемы; по табели о рангахъ бургомистры числились въ X классѣ. Всѣ гражданскія и уголовныя дѣла горожанъ вѣдались магистратомъ. Горожане, какъ тяглая община, сами раскладывали между собой подати и повинности, но самостоятельность ихъ въ этомъ отношеніи была значительно ограничена участіемъ магистрата. Такимъ образомъ, если въ великорусскихъ городахъ появились президенты, бургомистры и ратманы съ правами дворянства, несмѣняемости, суда и администраціи, подобно кіевскимъ войтамъ, бургомистрамъ и радцамъ, то Кіевъ, въ свою очередь, позаимствовалъ изъ петровскаго регламента полный штатъ магистратской канцеляріи, а также, что болѣе всего важно, раздѣленіе горожанъ, прежняго „поспольства", на „почетнѣйшее общество", принимавшее участіе въ выборахъ, управленіи, раскладкѣ податей и повѣркѣ годичныхъ отчетовъ магистрата, и „подлыхъ людей", которые были лишены всѣхъ этихъ правъ. Отсюда мы видимъ, что въ организаціи Кіева, послѣ петровской реформы, было полное сходство съ организаціей самоуправленія великорусскихъ городовъ; но существовала и разница между кіевскимъ магистратомъ и магистратами сѣверорусскими: въ то время, когда первый подчинялся сначала малороссійской коллегіи, наблюдавшей за денежными и хлѣбными сборами, которые находились прежде въ безотчетномъ распоряженіи войтовъ и бургомистровъ, а потомъ, съ уничтоженіемъ коллегіи,—Сенату, вторые подчинялись с.-петербургскому главному магистрату [1]). Изъ этого сравленія, намъ кажется, можно уже

---

[1]) Со введеніемъ новаго городскаго устройства въ сѣверно-русскихъ городахъ, тамъ стали обнаруживаться такія же злоупотребленія, какія мы замѣчаемъ въ городахъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ: „когда учинены были магистраты по провинціямъ, и бургомистры съ товарищи обнадежили себя, что будутъ непремѣнны", пишетъ одинъ изъ современниковъ той эпохи, „то гражданамъ начала происходить чувствительная обида. Магистратскіе члены или посланные отъ нихъ скупщики являются на гостинные дворы и другимъ гражданамъ купить товару не позволяютъ и никто покупать не смѣетъ, боясь отъ магистратскихъ разоренія безъочередными службами и постоемъ.... Если бы велѣно было магистратскихъ членовъ перемѣнять, то голосъ былъ бы свободный, одинъ другаго притѣснять не могъ бы и купечеству была бы отъ этого ревность". (А. Пригара: „Опытъ исторіи состоянія городскихъ обывателей въ восточной Россіи", ч. I. Спб. 1868, стр. 139—169).

вывести заключеніе, что реформа кіевскаго городскаго управленія въ основѣ своей совершена была Петромъ В. около 1724 г., хотя нѣкоторыя изъ старыхъ вольностей, не имѣвшія существеннаго значенія для характера управленія, продолжали еще сохраняться и подтверждались грамотами преемниковъ Петра I. Какъ ревниво мѣщане стояли за ихъ цѣлость, показываетъ слѣдующій примѣръ: въ 1749 г.[1]) кіевскій губернаторъ Леонтьевъ представилъ въ Сенатъ, что великороссійскіе купцы для всенародной пользы просятъ позволенія сидѣть въ Кіевѣ въ рядахъ, сообща съ кіевскими мѣщанами и врозь всякими товарами торговать; подати у себя въ великороссійскихъ городахъ будутъ они платить бездоимочно и кіевскому магистрату всякія повинности отправлять; по мнѣнію кіевской губернской канцеляріи, это слѣдовало бы позволить, ибо кіевскимъ мѣщанамъ отъ этого стѣсненія никакого не будетъ. Но Сенатъ, справившись, что въ грамотѣ Петра В. запрещено пріѣзжимъ въ Кіевъ торговымъ людямъ сидѣть въ лавкахъ вмѣстѣ съ кіевскими мѣщанами и продавать товары въ локти, фунты и золотники, послалъ Леонтьеву выговоръ, что онъ объ отмѣнѣ существующихъ указовъ не долженъ былъ бы представлять. Еще раньше кіевскій магистратъ, ссылаясь на подтвержденныя Петромъ В. привилегіи, жаловался Сенату, что главный магистратъ привлекаетъ его подъ свое вѣдѣніе, тогда какъ онъ въ вѣдомствѣ главнаго магистрата никогда не бывалъ. Главный магистратъ объяснилъ, что онъ кіевскій магистратъ въ свое вѣдѣніе не привлекалъ, а посылалъ для извѣстія указы о пожалованіи разныхъ людей чинами и объ отставкахъ. Сенатъ приказалъ: „изъ главнаго магистрата въ кіевскій магистратъ никакихъ указовъ не посылать“. Сенатъ оберегалъ даже такое преимущество кіевлянъ, какого не имѣли другіе города; это—право городскаго общества требовать отчета отъ своихъ представителей и судить ихъ за злоупотребленія въ управленіи по своимъ правамъ. Такъ, напр., въ 1739 и 1740 годахъ это право мѣщанъ было возстановлено тогда лишь, когда слѣдствіе и судъ въ низшихъ инстанціяхъ были произведены и

[1]) С. Соловьевъ: Исторія Россіи, т. XXIII, стр. 44.

приговоръ поступилъ на утвержденіе Сената. Въ 1820-хъ годахъ самосудъ мѣщанъ совершенно забытъ (да, пожалуй, едва ли онъ былъ и возможенъ уже). Ясно отсюда, что въ то время, когда высшая власть старалась упрочить за Кіевомъ неприкосновенность уцѣлѣвшихъ его правъ и преимуществъ, мѣстное начальство не признавало за городомъ его привилегированнаго положенія, и самъ магистратъ былъ постоянными столкновеніями настолько уже пріученъ къ этому, что не протестовалъ даже противъ нарушенія своихъ вольностей. Преемники Петра Великаго отмѣнили было въ сѣверной Россіи введенное имъ городовое положеніе; сначала магистраты были подчинены губернаторамъ и воеводамъ, затѣмъ главный магистратъ упраздненъ, а городовые магистраты замѣнены ратушами со смѣняемыми по выбору бургомистрами; но въ 1740 году петербургское гражданство ходатайствовало о возстановленіи магистрата и 21 мая 1743 года по докладу Сената велѣно было открыть снова въ С.-Петербургѣ главный магистратъ на прежнемъ основаніи. Намъ неизвѣстно, распространялись ли и на Кіевъ эти преобразованія [1]), но послѣдовавшія за тѣмъ измѣненія въ городскомъ управленіи касались и нашего города. Такъ, напр., главный петербургскій магистратъ, несмотря на приведенное выше опредѣленіе Сената, вводитъ въ Кіевѣ два новыя учрежденія: словесный судъ, въ которомъ принимаютъ участіе два великороссійскіе купца, и публичный нотаріатъ для протеста векселей. Какъ несочувственно встрѣчены были эти нововведенія въ Кіевѣ, можно заключить изъ того, что въ 1754 году гетманъ Разумовскій протестовалъ даже противъ этой реформы, когда было спрошено его мнѣніе по вопросу о словесномъ судѣ. Но, кажется, на его

[1]) Изъ указовъ 1739 и 1740 годовъ по поводу первыхъ кіевскихъ растратъ обнаруживается, что войтовъ въ Кіевѣ какъ бы не существуетъ; по крайней мѣрѣ они не упоминаются въ указахъ, точно не были причастны злоупотребленіямъ, чего, однако же, никакъ нельзя допустить въ виду того, что указы обвиняютъ весь тогдашній составъ кіевскаго магистрата. Это странное явленіе только и можетъ быть, по нашему мнѣнію, объяснено тѣмъ, что и въ Кіевѣ преемники Петра замѣнили ратушей учрежденный имъ магистратъ, возстановленный снова въ 1740 году Елисаветой Петровной.

протестъ не было обращено ни малѣйшаго вниманія, потому что мы весьма рано находимъ доказательства существованія въ Кіевѣ этого новаго суда [1]). Такимъ образомъ судъ лавниковъ былъ раздѣленъ: менѣе важныя уголовныя дѣла и иски на небольшую сумму перешли къ словесному суду. Сильнѣе же всего затронули городское управленіе реформы Екатерины Великой. Съ учрежденіемъ намѣстничествъ въ 1782 году надзоръ за самоуправленіемъ Кіева распредѣленъ былъ между нѣсколькими новыми учрежденіями: казенная палата контролировала хозяйственную часть города; полицейская и распорядительная части возложены были на кіевскаго губернатора, военная—на коменданта печерской крѣпости, а судопроизводство и внутреннее управленіе предоставлено самимъ жителямъ [2]). Но это судопроизводство и управленіе не находилось уже въ рукахъ рады и лавы, такъ какъ и та и другая были преобразованы и замѣнялись теперь первая—шестигласной думой, завѣдывавшей хозяйствомъ города, и вторая—магистратомъ, какъ учрежденіемъ судебнымъ. Въ то время учреждена была и ремесленная управа, которой подчинялись цехи. Эти перемѣны произошли въ 1785 году, какъ свидѣтельствуютъ о томъ книги кіевской казенной палаты съ отчетами мѣстной думы и изданные г. А. Андреевскимъ „Историческіе матеріалы", которые онъ извлекъ изъ архива кіевскаго губернскаго правленія и на которые мы имѣли случай ссылаться раньше. По смерти Екатерины управленіе города по магдебургскому праву было возстановлено, но оно подчинялось уже мѣстной администраціи; собственно говоря теперь возстановлено было петровское городовое положеніе, сталкивавшееся съ новоучрежденными присутствіями и всегда имъ подчинявшееся. Въ началѣ XIX вѣка, вслѣдствіе ли тяжести новыхъ повинностей, или по другимъ причинамъ, мы не знаемъ,—обнаруживается превышеніе расходовъ надъ доходами, и правительство озабочивается уравненіемъ ихъ. Дефициты въ городскомъ бюджетѣ были тогда явленіемъ повсемѣстнымъ.

---

[1]) С. Соловьевъ: Исторія Россіи, т. XXIV, стр. 245 и 246.

[2]) Статистическое описаніе кіевской губерніи, изд. сенаторомъ Иваномъ Фундуклеемъ. Спб., 1852 г., т. I, стр. 323.

Вслѣдствіе этого вводятся новыя учрежденія, которыя, не замѣняя старыхъ, имѣютъ одинаковую компетенцію съ послѣдними. Отсюда постоянныя пререканія. Рядъ этихъ новыхъ учрежденій открылся въ 1803 году комитетомъ для приведенія въ равновѣсіе городскихъ приходовъ и расходовъ [1]); въ 1804 году комитетъ, при участіи начальника губерніи, представилъ нѣкоторыя соображенія объ уплатѣ городскихъ долговъ и предположилъ составить особую коммиссію при магистратѣ для управленія городскими доходами и расходами; она должна была состоять, подъ предсѣдательствомъ войта, изъ представителей отъ магистрата, гражданства, купечества и мѣщанства; выходило всегда такъ, что большая часть членовъ коммиссіи состояла изъ членовъ магистрата и ремесленной управы, и была такимъ образомъ тѣсно связана со всѣми этими учрежденіями. Коммиссія о городскихъ приходахъ и расходахъ имѣла опредѣленную смѣту расходовъ, и все, что выходило изъ смѣты, требовало разрѣшенія высшей власти. Коммиссія начала свои дѣйствія въ 1806 году, но, кажется, не удовлетворяла своему назначенію: дефицитъ продолжалъ возрастать, несмотря на введеніе новаго „обывательскаго“ налога [2]). Поэтому, комитетъ для уравненія городскихъ расходовъ съ доходами снова былъ учрежденъ сначала въ 1822, а потомъ въ 1828 году. Онъ состоялъ изъ начальника губерніи, губернскаго предводителя дворянства, полиціймейстера, городскаго головы и депутатовъ отъ всѣхъ сословій, владѣвшихъ домами въ городѣ. Въ то же время министръ внутреннихъ дѣлъ, имѣя въ виду, что города

[1]) П. Барадиновъ „Исторія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“. Спб. 1861 г., т. I—VIII.

[2]) Въ 1820 году, на основаніи мнѣнія Государственнаго Совѣта, открытъ былъ новый источникъ городскихъ доходовъ; это—право взимать съ горожанъ, не болѣе, впрочемъ, 100 рублей, за внесеніе имени горожанина въ „обывательскую книгу“, которая дѣлилась на шесть частей: въ 1-ю вносились городскіе обыватели вообще (дворяне, разночинцы и проч.); въ 2-ю—купцы 3-хъ гильдій; въ 3-ю—цеховые мастера; въ 4-ю—иногородные и иностранные гости; въ 5 ю—именитые граждане и въ 6-ю—посадскіе. Отъ платежа не освобождались даже и дворяне, хотя по 6-й и 13-й ст. городоваго положенія они были уволены отъ всѣхъ другихъ повинностей; сборъ опредѣлялся соразмѣрно цѣнности имущества.

для покрытія расходовъ дѣлали сами раскладку сборовъ и, что на злоупотребленія при этой раскладкѣ подавались неоднократныя жалобы, предписалъ, чтобы въ сентябрѣ каждаго года дума составляла смѣту прихода и расхода и представляла бы ее начальнику губерніи; на казенныя палаты возложена была повѣрка исполненія смѣты, которая сверхъ того ревизовалась депутатами отъ города.

Такимъ образомъ, въ результатѣ всѣхъ указанныхъ выше реформъ и вызванныхъ ими столкновеній получалось то, что старое, хотя и слабое, но все же болѣе или менѣе дѣйствительное вліяніе городскаго общества при контролѣ отчетовъ и въ надзорѣ за членами магистрата съ каждымъ разомъ все болѣе устранялось и парализовалось, замѣняясь контролемъ чиновниковъ, преслѣдовавшихъ лишь одну внѣшнюю законность и аккуратное канцелярское веденіе приходо-расходныхъ книгъ. Можно подумать, пожалуй, что не будь городской реформы Петра I, Екатерины II и преемниковъ ихъ, не было бы и крупныхъ хищеній, но такое заключеніе было бы весьма ошибочнымъ. Мы уже сказали, что самыя начала самоуправленія города по магдебургскому праву были по природѣ своей таковы, что раньше или позже приводили къ господству немногихъ богатыхъ семей и къ подавленію общественнаго надзора и вліянія. Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, изслѣдуя „нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ“, говоритъ о г. Каменцѣ-Подольскомъ [1]), пользовавшемся полнымъ магдебургскимъ правомъ и ближе другихъ подходившемъ къ положенію г. Кіева, что „онъ, Каменецъ, не имѣетъ ни самоуправленія, ни независимости. Онъ не имѣетъ самоуправленія, потому что управляется не лицами, выбранными изъ общества и самимъ обществомъ, а небольшимъ числомъ богатыхъ фамилій, членовъ рады. Онъ не имѣетъ свободныхъ судебныхъ учрежденій, потому что судебная коллегія составляется не изъ лицъ, избранныхъ обществомъ. Слабою опорою самоуправленія служатъ представительныя учрежденія города; но и эти учрежденія не имѣютъ ни широкой власти, ни достаточной силы.

[1]) Стр. 240 и 241.

Городъ лишенъ независимости, потому что и староста и вообще замковое начальство и военное управленіе безнаказанно распространяютъ на него свою власть. Крайнее раздробленіе самоуправленія приводитъ къ праву сильнаго, къ праву дикихъ". Такую же неприглядную картину состоянія городовъ въ южной Россіи рисуетъ и другой изслѣдователь, В. Б. Антоновичъ, въ предисловіи къ изданнымъ имъ актамъ о городахъ. Полный упадокъ ихъ къ концу XVIII вѣка вызвалъ необходимость измѣненія прежнихъ условій существованія третьяго сословія въ Рѣчи Посполитой. Отмѣна магдебургскаго права конституціей сейма 1776 года не улучшила положенія мѣщанъ; требовалась болѣе важная реформа; это поняла, говоритъ тотъ же изслѣдователь[1]), небольшая группа политическихъ дѣятелей, которая „при составленіи конституціи 1789—1792 гг. употребила всѣ усилія, чтобы возстановить политическое значеніе городскаго сословія. Результатомъ этихъ усилій былъ законъ „о вольныхъ королевскихъ городахъ въ Рѣчи Посполитой, изданный 18 апрѣля 1791 года". Онъ долженъ былъ, хотя отчасти, предупреждать повтореніе въ будущемъ тѣхъ недостатковъ, которые обнаружило магдебургское право. Главными началами новаго закона были: неприкосновенность личности каждаго гражданина, на котораго распространялось теперь общее правило: „neminem coptivabimus, nisi jure victum"; признаніе всѣхъ городовъ вольными; возстановленіе ихъ территоріи, на основаніи старыхъ грамотъ; всесословность городовъ, въ силу котораго магистраты обязывались принимать въ городскую общину всѣхъ, желавшихъ вступить въ нее; признаніе ремеслъ и торговли свободными; далѣе, право участія въ выборахъ на городскія должности предоставляется всѣмъ домовладѣльцамъ, записаннымъ въ списокъ обывателей; допускается право участія представителей городовъ въ аппеляціонномъ судѣ и въ коммиссіяхъ полицейской (гражданско-военной, какъ ее тогда называли), скарбовой (финансовой), ассесорской и друг., даже, что особенно важно, допускается право городовъ участвовать чрезъ своихъ избранныхъ депутатовъ въ засѣданіяхъ сеймовъ; право нобили-

[1]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. V, т. I, Кіевъ. 1874. Стр. 504 и слѣд.

таціи всѣхъ лицъ, занимавшихъ городскія должности, если они не были уже шляхтичами; право горожанъ занимать должности въ гражданской и военной службѣ, быть канониками и прелатами и проч. Подъ вліяніемъ новаго закона города оживились и обнаружили лихорадочную дѣятельность въ приспособленіи себя къ новымъ условіямъ жизни; но жизнь вольныхъ городовъ была очень кратковременна, и мы не можемъ съ точностью указать на тѣ результаты, къ какимъ пришли бы города подъ дѣйствіемъ раньше указаннаго закона; думаемъ, однако же, что имъ совершенно было бы подавлено прежнее городское сословіе, и сильное шляхетство, не сливаясь съ нимъ, все доходное и выгодное захватило бы въ свои руки. Дѣйствіе этой городской реформы въ областяхъ Польши, какъ мы сказали уже, было непродолжительно, потому что вскорѣ началась шляхетская реакція, и постановленіемъ генеральной конфедераціи 29 октября 1792 года законъ о вольныхъ городахъ былъ отмѣненъ. Съ возвращеніемъ южно-русскихъ городовъ къ Россіи въ 1796 году, наше правительство обратило вниманіе на ихъ положеніе и, пока не выработано было новое городовое положеніе, должно было ввести тотъ уставъ, который дѣйствовалъ въ городахъ сѣверной Россіи, и безпристрастная оцѣнка котораго принадлежитъ будущему, когда изслѣдователю доступно будетъ возможно большее количество матеріала.

Указавъ на размѣры, формы и причины злоупотребленій „магистратскихъ чиновниковъ“ въ періодъ отъ XVI до XIX вѣка, намъ остается теперь въ заключеніе разрѣшить вопросъ, отчего же въ XVI и XVII столѣтіяхъ кіевскіе войты и бургомистры не нарушаютъ принципа неприкосновенности общественной собственности съ такою смѣлостью, какую мы видимъ въ слѣдующіе затѣмъ вѣка, XVIII-мъ и особенно XIX-мъ? Въ этомъ случаѣ мы можемъ отвѣтить только, что сказано было уже В. Б. Антоновичемъ въ своемъ чтеніи о „войтахъ Ходыкахъ“ [1]), что сдерживающимъ началомъ въ два первые вѣка (XVI и XVII) служили старыя вѣчевыя традиціи кіевлянъ, имѣвшихъ право,

[1]) „Кіевская Старина“ за 1882 г., февраль, стр. 235.

„буде, кто явится въ сборахъ и расходахъ и отчетѣ неисправенъ“, поступать съ тѣми „по своимъ правамъ“. Вѣчевой духъ города, находившій себѣ сначала проявленіе въ политической жизни края, сталъ потомъ, благодаря содѣйствію цеховой организаціи, вліять, какъ общественное мнѣніе, во внутреннемъ управленіи города, сдерживая хищническіе инстинкты „урядовыхъ людей“. Постепенное же выдѣленіе изъ массы горожанъ правящей касты еще въ эпоху польскаго владычества и петровская реформа, раздѣлившая „поспольство“ на „почетнѣйшее общество“ и „подлыхъ людей“, вмѣстѣ съ усиленіемъ значенія войтовской власти, съ назначеніемъ войтовъ, вмѣсто выбора ихъ, и съ контролемъ администраціи, вели къ подавленію общественнаго мнѣнія и протеста и дали въ результатѣ тѣ слѣдственныя дѣла, содержаніе которыхъ мы изложили выше.

И. Каманинъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 11 сентября 1888 года.

Типографія Т. Т. Корчакъ Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4